This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

О ПУШКИНѢ.

Статьи и замѣтки В. Е. Якушкина.

I. Радищевъ и Пушкинъ. — II. Кончина Пушкина. — III. Исторія Пушкинскаго текста 1814 — 1887 г. — IV. Сочиненія Пушкина въ 1887 г. — V. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина.

МОСКВА
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1899

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.

Въ предлагаемомъ сборникѣ помѣщены пять статей о Пушкинѣ, напечатанныя въ разное время въ различныхъ изданіяхъ. Первая изъ этихъ статей—„Радищевъ и Пушкинъ"—была помѣщена въ первой книжкѣ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ" за 1886 г. и тогда же вышла отдѣльнымъ оттискомъ. Статья „Кончина Пушкина", написанная по поводу пятидесятилѣтія со дня смерти великаго поэта, была напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" 1887 г. 29 января, № 28. Къ тому же времени относится „Исторія Пушкинскаго текста съ 1814 по 1887 г." („Русскія Вѣдомости" 1887 г., №№ 34, 38, 40). Вслѣдъ затѣмъ помѣщена статья объ изданіяхъ Пушкина 1887 г. („Русская Старина" 1887 г., декабрь): съ 1887 г. у насъ не появилось ни одного самостоятельнаго собранія сочиненій Пушкина, и только теперь начинается академическое изданіе сочиненій великаго поэта подъ редакціей Л. Н. Майкова; такимъ образомъ разборъ изданій 1887 г. напомнитъ, въ какомъ положеніи находится Пушкинскій текстъ до сихъ поръ, въ какомъ видѣ получаемъ мы его въ различныхъ новыхъ перепечаткахъ по случаю столѣтняго юбилея поэта, покажетъ, съ чего начинаетъ новое академическое изданіе. Послѣдняя статья сборника, заключаетъ выдержки изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, преведенныя въ очеркѣ, напечатанномъ по поводу шестидесятилѣтія со дня кончины поэта („Русскія Вѣдомости" 1897 г., № 29); здѣсь повторены эти отрывки, такъ какъ они не вошли въ собраніе сочиненій Пушкина.

1899 г. 10 Мая.

РАДИЩЕВЪ и ПУШКИНЪ.

Въ 1790 году А. Н. Радищевъ, начальникъ петербургской таможни, почти неизвѣстный дотолѣ въ литературѣ, издалъ свое сочиненіе: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву". За это изданіе онъ подвергся преслѣдованію, смертному приговору, замѣненному ссылкою, а сама книга была уничтожена отчасти имъ самимъ, отчасти властями. Уцѣлѣло ея лишь нѣсколько десятковъ экземпляровъ.

Черезъ 80 лѣтъ, въ 1870 году, было предпринято въ Петербургѣ новое изданіе того же „Путешествія" [1]). Оно было остановлено цензурой и потомъ, по ея распоряженію, сожжено.

Сопоставимъ съ этими двумя фактами третій. Въ 1878 году было дано Высочайшее соизволеніе на устройство въ Саратовѣ музея средствами, пожертвованными художникомъ Боголюбовымъ, при чемъ разрѣшено именовать музей *Радищевскимъ*, въ память именитаго дѣда жертвователя, писателя Радищева, саратовскаго уроженца [2]).

И никого не удивило основаніе *Радищевскаго* музея, удостоеннаго къ тому же Высочайшаго пожертвованія, не пришлось никому объяснять, кто былъ Радищевъ, почему новое учрежденіе, основываемое на пользу народнаго образованія, крестится именемъ этого писателя: всѣмъ въ общихъ чертахъ извѣстны заслуги и значеніе Радищева.

---

[1]) Въ полномъ собраніи сочиненій Радищева, изданномъ П. А. Ефремовымъ.

[2]) Лѣтомъ 1885 г. Радищевскій музей открытъ.

Итакъ, „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, дважды напечатанное въ теченіе 80 лѣтъ, оба раза было уничтожено цензурой, но, несмотря на это, извѣстность Радищева, именно какъ автора „Путешествія“, твердо установилась.

Еще Пушкинъ сказалъ:

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ...

Поэтъ разумѣлъ при этомъ многочисленные списки „Путешествія“, но приведенный стихъ можетъ быть принятъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Неумолимая цензура болѣе ста лѣтъ преслѣдуетъ Радищева, но на зло всѣмъ преслѣдованіямъ Радищевъ, употребляя его собственныя выраженія, „сдѣлался извѣстнымъ въ свѣтѣ между сочинителями“, „прослылъ писателемъ остроумнымъ“. Радищевъ сталъ знаменитъ, какъ „рабства врагъ“...

Въ виду этой репутаціи его, установившейся незыблемо на перекоръ всему, не безъинтересно прослѣдить хоть вкратцѣ литературную судьбу Радищева и его „Путешествія“.

Какъ уже сказано, Радищевъ, мало до того извѣстный въ литературѣ, въ 1790 году издалъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Начавшіяся преслѣдованія заставили его уничтожить свою книгу; только немногіе экземпляры ея были проданы или розданы авторомъ, да и изъ тѣхъ полиція отобрала, что могла, и тоже уничтожила.

Радищевъ, посаженный въ крѣпость и подвергшійся допросамъ извѣстнаго Шешковскаго, былъ судимъ въ Уголовной Палатѣ, Сенатѣ и Совѣтѣ: онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но „для всеобщей радости“, по случаю мира со Швеціею, помилованъ Екатериною и сосланъ на 10 лѣтъ въ Сибирь, въ глухой Илимскъ [3]).

Высочайшее повелѣніе, избавившее Радищева отъ смертной казни, объявило „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ — „книгою, наполненною самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко

---

[3]) Подробности о процессѣ Радищева см. въ статьѣ моей „Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в.“ „Русская Старина“ 1882 г., сентябрь.

властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвесть въ народѣ негодованіе“ и пр. [4]).

Такой строгій приговоръ долго лежалъ на „Путешествіи“. Ни Павелъ I, вернувшій Радищева въ Россію, ни даже Александръ I, вызвавшій его въ Петербургъ для участія въ законодательной коммиссіи, не уничтожили послѣдствій Высочайшаго осужденія „Путешествія“, а вмѣстѣ и его автора.

Лично на Радищевѣ это отразилось въ столкновеніи съ начальникомъ законодательной коммиссіи, которое и привело его къ самоубійству; и не только книга его осталась запрещенною, но самое имя его долго считалось почти недозволительнымъ въ печати.

Вскорѣ послѣ смерти Радищева старшій сынъ его предпринялъ изданіе сочиненій своего отца, но въ этомъ изданіи и помину не было ни о „Путешествіи“, ни о другомъ сочиненіи Радищева: „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ“; „Житіе Ѳ. В. Ушакова“ напечатано съ значительными пропусками противъ изданія 1789 года; въ „Памятникѣ Дактилохореическому юношѣ“ тоже были сдѣланы два цензурныхъ пропуска; можетъ быть, такіе же пропуски находятся и въ сочиненіи „О человѣкѣ“. Несмотря на все это, издатели, для большей еще безопасности, отказываются отъ самой памяти о „Путешествіи“, говоря: „*Вотъ все,* что осталось изъ сочиненій человѣка, извѣстнаго уже публикѣ; надѣемся, издавая ихъ въ свѣтъ, принести ей удовольствіе. Жаль, что *многія другія творенія,* какъ важныя такъ и забавныя, *пропали*“. На такое же, такъ сказать, открещиваніе отъ „Путешествія“ указываетъ самое заглавіе изданія: „Собраніе *оставшихся* сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева“ [5]).

За время царствованія Александра I мы встрѣчаемъ въ литературѣ всего двѣ-три замѣтки о Радищевѣ. То же самое и за царствованіе Николая I. Это происходило, конечно, не отъ забвенія о Радищевѣ и объ его дѣятельности. Когда въ очеркахъ литературы Греча, а потомъ и въ статьѣ А. Бестужева не было упомянуто о Радищевѣ, то Пушкинъ писалъ: „какъ

---

[4]) Именной указъ Сенату отъ 4 сентября 1790 года, П. С. З. №16,901.

[5]) Шесть частей, Москва. 1807—1811.

можно... забыть Радищева? кого же мы будемъ помнить?“ [6]). Но въ послѣдствіи Пушкину пришлось убѣдиться на личномъ опытѣ, что память о Радищевѣ надо держать про-себя, что высказывать ее не позволятъ: статья Пушкина о Радищевѣ не была пропущена цензурой [7]).

Когда Сопиковъ вздумалъ перепечатать въ своемъ опытѣ библіографіи предисловіе Радищева къ „Путешествію“, то листокъ этотъ былъ цензурой вырѣзанъ изъ книги и замѣненъ другимъ съ пропускомъ предисловія, такъ что цѣлая страница осталась просто бѣлою [8]).

Но если о Радищевѣ нельзя было говорить въ печати, то память о немъ все-таки живо, свято сохранялась. Немногіе уцѣлѣвшіе экземпляры его книги сейчасъ же получили особое значеніе у людей, интересовавшихся литературой, особую цѣну въ глазахъ библіофиловъ. Массонъ разсказываетъ, что многіе дорого платили за то только, чтобы достать „Путешествіе“ всего на нѣсколько часовъ для прочтенія. Книгу Радищева стали переписывать, и до сихъ поръ у букинистовъ попадается рукописное „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Выше уже приведенъ стихъ Пушкина объ этихъ копіяхъ „Путешествія“. Всѣ лица, причастныя литературѣ, конечно, читали „Путешествіе“, если не печатное, то рукописное [9]), личность Радищева, какъ писателя и человѣка, постоянно привлекала къ себѣ вниманіе: о немъ почти нельзя было говорить въ печати, но о немъ говорили въ письмахъ, мемуарахъ, записывали разсказы относительно его жизни, собирали и переписывали матеріалы, его касающіеся. Поэтому, когда съ воцареніемъ Александра II цензура стала нѣсколько снисходи-

---

[6]) Соч. Пушкина. СПб. 1887 г., изданіе Литературнаго фонда Т. VII, стр. 50.

[7]) Кромѣ этой статьи „Александръ Радищевъ“ и другой, извѣстной подъ именемъ „Мысли на дорогѣ“, Пушкинъ упоминаетъ о Радищевѣ въ своихъ письмахъ и въ двухъ стихотвореніяхъ: все это могло быть издано лишь долгое время спустя по смерти Пушкина, см. ниже.

[8]) 1816 г. Въ немногихъ экземплярахъ Сопикова уцѣлѣла эта страница съ предисловіемъ Радищева. Въ 1805 г. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ Мартынова была перепечатана изъ „Путешествія“ глава Клинъ, безъ имени автора.

[9]) „Содержаніе его всѣмъ извѣстно“, говоритъ Пушкинъ, V, 217.

тельнѣе смотрѣть на запретное имя Радищева, въ печати стали являться статьи, воспоминанія, документы о Радищевѣ: весь этотъ матеріалъ былъ заготовленъ уже прежде и былъ обнародованъ при первой возможности. Вмѣстѣ съ появленіемъ этого матеріала, накопившагося раньше, интересъ къ Радищеву еще больше оживился. Въ разныхъ газетахъ и журналахъ появляются статьи о Радищевѣ, печатаются новые о намъ свѣдѣнія и документы; его имя появляется даже въ учебникахъ, правда съ очень краткими отзывами.

Между тѣмъ „Путешествіе", главное произведеніе Радищева и главная причина его извѣстности, продолжаетъ считаться запрещеннымъ. Въ 1858 году печатается „Путешествіе" въ Лондонѣ, но по искаженному списку [10]). Въ Россіи же

---

[10]) М. И. Сухомлиновъ (А. Н. Радищевъ, стр. 125—129, въ сборникѣ „Изслѣдованій и статей", т. I, стр. 656—659) обширными выписками изъ изданій 1790 года и 1858 года старается доказать ту мысль, что лондонскій издатель преднамѣренно исказилъ „Путешествіе": нисколько не заботясь о точномъ воспроизведеніи подлинника, желалъ сдѣлать книгу удобочитаемою и для того подновилъ слогъ. Но всѣ выписки, сравненія доказали только, что слогъ измѣненъ, подновленъ, виновность же въ этомъ издателя остается недоказанною. Такое подновленіе слога должно было, вѣроятнѣе, произойти при *перепискѣ* „Путешествія", какъ въ него при перепискѣ вносились иногда и другія измѣненія (такія измѣненія есть и въ текстѣ 1858 года). Винить лондонскаго издателя въ искаженіи текста мы не имѣемъ никакого права уже потому, что въ сочиненіи кн. Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", напечатанномъ вмѣстѣ съ „Путешествіемъ", издатель языка не подновилъ; издатель, вѣроятно, напечаталъ оба сочиненія въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ ихъ изъ Россіи; искаженія въ „Путешествіи" произошли при перепискѣ. Замѣтимъ, что, судя по цитатамъ Массона, искаженія въ „Путешествіи" начались еще въ прошломъ вѣкѣ.—Надо сказать, что г. Сухомлиновъ подновленіемъ языка въ лондонскомъ изданіи объясняетъ мнѣніе нѣкоторыхъ о живомъ и легкомъ слогѣ Радищева; самъ же г. Сухомлиновъ по подлинному изданію 1790 года считаетъ слогъ Радищева утомительно-напыщеннымъ. Противорѣчія въ отзывахъ о слогѣ Радищева начались уже давно, задолго до лондонскаго изданія; такъ, напр., Пушкинъ бранитъ прозаическій слогъ Радищева и предпочитаетъ его стихи, а критикъ въ Цвѣтникѣ Измайлова (1809) хвалитъ прозу, бранитъ стихи. Противорѣчивые отзывы о слогѣ Радищева зависятъ отъ того, что слогъ этотъ очень неровенъ: въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ Радищевъ говоритъ о возвышенныхъ предметахъ, онъ, учившійся, какъ извѣстно, по Ломоносову, старается употреблять осо-

изъ него появляются только отрывки при изданіи статьи Пушкина.

Въ 1868 году, послѣ неоднократныхъ просьбъ П. Радищева, младшаго сына писателя, Высочайшее повелѣніе снимаетъ съ „Путешествія“ запретное клеймо, наложенное на него указомъ 1790 года: „Путешествіе“ дозволено печатать на основаніи общихъ цензурныхъ постановленій. Этимъ дозволеніемъ первый воспользовался нѣкій г. Шигинъ. Изданіе его: „Радищевъ и его книга“ даетъ краткій и очень плохой очеркъ жизни А. Н. Радищева, а затѣмъ „Путешествіе“ или, вѣрнѣе, безобразные отрывки изъ него, съ безтолковымъ пропускомъ и отдѣльныхъ мѣстъ, и цѣлыхъ главъ (и опять-таки не по подлиннику, а по искаженной рукописи); короче, изданіе г. Шигина не даетъ ни малѣйшаго понятія ни о Радищевѣ, ни объ его книгѣ. Печальная судьба изданія, предпринятаго въ 1870 году, уже указана выше.

Въ 1870 году вышло въ свѣтъ предисловіе г. Антоновича къ Шлоссеровой Исторіи XVIII вѣка (VIII томъ) съ перепечаткой изъ Радищева главы о цензурѣ и другихъ отрывковъ. Упомяну еще, что въ 1869 году, въ сборникѣ г. Бартенева „Осмнадцатый вѣкъ“, было перепечатано вполнѣ, безъ пропусковъ, другое сочиненіе Радищева „Житіе Ѳ. В. Ушакова“, а въ Русской Старинѣ 1871 года перепечатано „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего“. Наконецъ, въ 1888 г. А. С. Суворинымъ было издано „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, полный текстъ, но всего въ *девяносто девяти* экземлярахъ. Вотъ и все, что̀ у насъ сдѣлано, или, точнѣе, что̀ у насъ можно было сдѣлать для изданія Радищева.

Послѣднее изслѣдованіе о Радищевѣ, профессора Сухомлинова, повторяетъ уже не разъ высказанное желаніе, чтобы сочиненія Радищева были наконецъ изданы вполнѣ и точно, какъ

бенно высокій слогъ, при чемъ и дѣлается напыщеннымъ и тяжелымъ; но за-то есть и другія мѣста, гдѣ Радищевъ, увлеченный своимъ предметомъ, менѣе высокимъ, пишетъ легкимъ, живымъ разговорнымъ языкомъ. Можно указать для примѣра послѣдняго на главы Софія, Любань, Новгородъ и др.

они того заслуживаютъ [11]). Будемъ надѣяться, что пожеланія нашего дѣятельнаго академика не останутся тщетными, что подъ его вліяніемъ наша Академія, исполняя одинъ изъ § своего устава и одно изъ существеннѣйшихъ своихъ назначеній — издавать извѣстныхъ русскихъ авторовъ, можетъ быть, Академія соберется напечатать *полное* и *точное* собраніе сочиненій Радищева хоть къ приближающемуся столѣтнему юбилею со времени перваго изданія „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ [12]).

Итакъ, повторимъ вкратцѣ литературную исторію Радищева.

Изданіемъ „Путешествія“ Радищевъ положилъ прочное основаніе своей литературной извѣстности и вмѣстѣ возстановилъ противъ себя цензуру. Съ нѣкоторыми временными послабленіями преслѣдованія цензуры противъ Радищева продолжаются уже больше столѣтія: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ и теперь еще считается запрещеннымъ. Но, несмотря на всѣ преслѣдованія судьбы, имя Радищева, какъ замѣчательнаго писателя и замѣчательнаго человѣка, какъ одного изъ лучшихъ, изъ самыхъ передовыхъ людей Екатерининскаго времени, сумѣвшаго наперекоръ всему сохранить свои идеалы

---

[11]) Сборникъ Отд. русскаго языка и словесности И. А. Н., т. XXXII, № 6. А. Н. Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. М. И. Сухомлинова, стр. 143. То-же отдѣльный оттискъ. — Это изслѣдованіе вошло въ I-й томъ „Изслѣдованій и статей по русской литературѣ“ и просвѣщенію М. И. Сухомлинова. Спб. 1889 г.; стр. 671.

[12]) Высказанное здѣсь пожеланіе остается не выполненнымъ до сихъ поръ. Столѣтній юбилей „Путешествія“ прошелъ почти не отмѣченнымъ въ литературѣ.—Несмотря на живость языка и содержанія иныхъ страницъ „Путешествія“, все-таки по своему характеру и изложенію эта книга въ общемъ имѣетъ лишь историческое значеніе, на что уже не разъ и указывалось; она не можетъ привлечь теперь многочисленныхъ читателей и по одному уже этому не должна бы возбуждать цензурныхъ опасеній. Надо еще замѣтить, что болѣе неудобными для печати могли бы теперь казаться нѣкоторыя рѣзкія фразы и выраженія (о значеніи ихъ будетъ сказано ниже), но эти рѣзкости были уже не разъ напечатаны въ послѣдніе годы. Наиболѣе рѣзкія выраженія были выписаны Екатериной въ ея замѣчаніяхъ на книгу Радищева, затѣмъ повторены въ вопросныхъ пунктахъ Шешковскаго, а то и другое напечатано въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей“ 1865 г., кн. 3, и еще разъ въ V кн. Архива кн. Воронцова.

и перенести ихъ въ свою безвременно прерванную дѣятельность при Александрѣ I, имя Радищева пользуется громкою и заслуженною извѣстностью; Радищевъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нашего общественнаго развитія, въ исторіи лучшихъ стремленій новой Россіи.

„Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ!“

Хотя до сихъ поръ, благодаря разнымъ условіямъ, мы не имѣемъ полной, всесторонней оцѣнки Радищева, но извѣстность его, какъ писателя и общественнаго дѣятеля, вполнѣ установилась, и его значеніе, его мѣсто въ нашей исторіи въ общемъ опредѣлено вѣрно. Несмотря на это, въ богатой литературѣ о Радищевѣ, богатой, если не качественно, то количественно, нерѣдко встрѣчаются отзывы, враждебные „Путешествію изъ Петербурга въ Москву“ и его автору. Но кто изъ историческихъ лицъ не подвергается сужденіямъ вкривь и вкось, не подпадаетъ оцѣнкамъ, самымъ противоположнымъ? И это разнообразіе въ оцѣнкѣ историческаго лица тѣмъ ощутительнѣе, тѣмъ понятнѣе, чѣмъ дѣятельность лица ближе къ намъ и чѣмъ она была шире и опредѣленнѣе. А этими свойствами — широтою и опредѣленностью — вполнѣ обладаетъ и личность, и дѣятельность Радищева. Его сочиненія, не одно „Путешествіе“, но всѣ вообще, и его практическая, служебная дѣятельность, наконецъ даже его частная, личная жизнь,— все это такъ или иначе касалось многихъ и многихъ общественныхъ вопросовъ. „Путешествіе“ его или его проектъ въ Александровской законодательной коммиссіи, насколько онъ намъ извѣстенъ [13]), толкуютъ о главнѣйшихъ задачахъ государствен-

---

[13]) Преданіе, сообщаемое Пушкинымъ, говоритъ, что А. Радищевъ подалъ проектъ законовъ, показавшійся начальнику законодательной коммиссіи, гр. Завадовскому, черезчуръ либеральнымъ; онъ сдѣлалъ Радищеву замѣчаніе, упомянулъ даже о Сибири; эта угроза такъ подѣйствовала на Радищева, что онъ рѣшился на самоубійство. Тотъ же разсказъ, но болѣе подробно, повторяетъ П. Радищевъ (Рус. Вѣстникъ 1858, декабрь, кн. I, 422 и 423), при чемъ сообщаетъ и общія основа-

ной и общественной жизни, при томъ настолько широко ставятъ вопросы, что наша дѣйствительность до сихъ поръ еще во многомъ остается позади идеаловъ и требованій Радищева. Поэтому Радищевъ съ своими взглядами на значеніе государственной власти, на вопросы суда и администраціи, на задачи воспитанія, на требованія общественной нравственности и пр., во все продолженіе этого столѣтія до нашихъ дней, является не просто историческимъ лицомъ, писателемъ далекаго отъ насъ Екатерининскаго вѣка, а какъ бы живымъ человѣкомъ, который говоритъ намъ о задачахъ нашего времени, отстаиваетъ то или другое рѣшеніе важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ. Значеніе Радищева далеко не „ретроспективное", какъ выражается одинъ изслѣдователь; напротивъ, оно отличается

нія самаго проекта. Между тѣмъ старшій сынъ Радищева, Николай, въ составленной имъ біографіи отца ничего не говоритъ ни о проектѣ, ни о самоубійствѣ. Рукопись этой біографіи принадлежала кн. П. А. Вяземскому, который сдѣлалъ на ней такую замѣтку: „Радищевъ - отецъ, *кажется*, во время службы своей въ коммиссіи о составленіи законовъ, подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія проектъ весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній". (Русская Старина 1872, VI, 573). Память въ данномъ случаѣ измѣнила кн. Вяземскому: его замѣтка и по формѣ не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія, а по существу противорѣчитъ многимъ несомнѣннымъ фактамъ, всему, что мы достовѣрно знаемъ о взглядахъ Радищева послѣ ссылки. Пр. Сухомлиновъ, въ цитированномъ выше изслѣдованіи (стр. 82—104) приведя еще нѣсколько новыхъ данныхъ, доказывающихъ либеральное направленіе Радищева въ законодательной коммиссіи (и именно по крестьянскому вопросу), почему-то останавливается передъ извѣстіемъ кн. Вяземскаго, не рѣшается его окончательно отвергнуть и говоритъ только, что оно *„требуетъ подтвержденія"!?* (стр. 85). Онъ гораздо рѣшительнѣе поступаетъ съ Пушкинымъ и П. Радищевымъ, совершенно не признавая ихъ показаній; разсказъ Пушкина онъ считаетъ недостаточно опредѣленнымъ, разсказъ П. Радищева слишкомъ опредѣленнымъ, носящимъ ясные слѣды вліянія вѣяній второй половины 50 годовъ. Пр. Сухомлиновъ не нашелъ въ бумагахъ законодательной коммиссіи общаго проекта Радищева (замѣтимъ, что и по разсказу П. Радищева проектъ его отца остался въ частныхъ рукахъ), а только отдѣльныя мнѣнія, между прочимъ, одну болѣе цѣльную записку „о цѣнѣ за людей убіенныхъ", и эту-то записку онъ и рѣшается признать за проектъ, о которомъ идетъ дѣло, думая, что другаго

вполнѣ жизненнымъ и современнымъ характеромъ. Поэтому при оцѣнкѣ Радищева до извѣстной степени отразились современныя злобы дня. Человѣкъ съ очень опредѣленнымъ направленіемъ всей своей дѣятельности, Радищевъ не могъ не возбудить въ извѣстной части литературы неодобрительныхъ отзывовъ. Одни упрекаютъ его за преждевременный планъ освобожденія крестьянъ (имъ и реформа 19 февраля кажется преждевременною); другіе не одобряютъ въ Радищевѣ вообще его свободомыслія; третьимъ не нравится онъ, какъ человѣкъ западнаго образованія, симпатіи котораго были обращены къ обще-человѣческому просвѣщенію; четвертымъ онъ непріятенъ, какъ сторонникъ свободной торговли или какъ противникъ строгихъ педагогическихъ мѣръ, и т. д. [14]).

общаго законодательнаго проекта Радищевъ и не подавалъ, что такой общій проектъ—миѳъ; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Сухомлиновъ сомнѣвается и въ самоубійствѣ Радищева. Почтенный профессоръ упустилъ изъ виду свидѣтельство Ильинскаго, который былъ товарищемъ Радищева по коммиссіи, т.-е. тоже ея членомъ, свидѣтельство котораго поэтому имѣетъ рѣшающее значеніе: въ *Запискахъ Ильинскаго* (Русскій Архивъ, 1879, № 12, стр. 415—417), вслѣдъ за краткою біографіей Радищева и характеристикой его либеральныхъ мнѣній, прямо говорится объ общемъ либеральномъ законодательномъ проектѣ Радищева и затѣмъ о его самоубійствѣ. Это свидѣтельство современника-товарища въ общемъ вполнѣ подтверждаетъ разсказы Пушкина и П. Радищева. Оно, конечно, вполнѣ опровергаетъ замѣтку кн. Вяземскаго, если только она нуждается въ какомъ-нибудь опроверженіи. Замѣчу, что о самоубійствѣ Радищева никакъ нельзя отвергать современнаго свидѣтельства Борна (Свитокъ Музъ, кн. 2. Спб., 1803): какъ лично и близко знавшій Радищева, онъ не могъ не знать подробностей объ его смерти; если онъ говоритъ: Радищевъ умеръ, *какъ сказываютъ*, насильственною произвольною смертью, то это вполнѣ объясняется тѣмъ, что офиціально смерть Радищева была признана естественною (см. документы у Сухомлинова, стр. 102 и 103). Вся статья Борна основана на фактѣ самоубійства Радищева. Почему Радищевъ покончилъ съ собою? „Положимъ перстъ на уста наши и пожалѣемъ объ участи человѣчества!“

[14]) Признаніе взглядовъ Радищева имѣющими современное значеніе не противорѣчитъ сдѣланному выше замѣчанію объ историческомъ значеніи его книги: для изслѣдователей, изучающихъ взгляды Радищева, ихъ жизненное, современное значеніе вполнѣ ясно, но для читателей вообще его книга, по языку и содержанію, въ общемъ никакъ не можетъ имѣть современнаго интереса.

Но совершенно особое мѣсто въ литературѣ, осуждающей Радищева, занимаютъ статьи о немъ Пушкина. Благодаря и имени автора, и своимъ дѣйствительнымъ достоинствамъ, статьи эти, хотя сравнительно очень недавно напечатанныя въ своемъ настоящемъ видѣ, давно уже пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностью. Онѣ, хотя и въ искаженномъ своемъ видѣ, первыя открыли рядъ статей о Радищевѣ, когда во второй половинѣ 50 годовъ цензурныя условія измѣнились къ лучшему.

Въ отзывахъ, враждебныхъ Радищеву, очень часто встрѣчаются ссылки на авторитетъ Пушкина, постоянно получающаго при этомъ похвалы за свою умѣренность и благоразуміе; эти статьи считаются какъ бы вѣнцомъ той перемѣны, которую признаютъ въ Пушкинѣ николаевскаго времени. Съ другой стороны, писатели, сочувственно относящіеся къ Радищеву и его дѣятельности, рѣзко осуждаютъ Пушкина за его статьи о Радищевѣ, съ которыми они не могутъ не считаться.

Такая оцѣнка статей Пушкина совершенно несправедлива: онѣ далеко не заслуживаютъ ни рѣзкихъ упрековъ, ни такихъ похвалъ, подчасъ просто оскорбительныхъ для памяти поэта. Статьи эти недостаточно изучены и разобраны, не сопоставлены съ отношеніемъ Пушкина къ Радищеву, какъ оно выразилось помимо этихъ статей, наконецъ не выяснено, какъ относятся эти статьи вообще къ взглядамъ и убѣжденіямъ Пушкина.

А между тѣмъ очень важно разъяснить истинное значеніе и характеръ этихъ статей. Съ одной стороны отъ правильнаго ихъ пониманія зависитъ рѣшеніе вопроса, какъ считать авторитетный голосъ Пушкина — за или противъ Радищева; съ другой, для оцѣнки убѣжденій и взглядовъ Пушкина въ николаевскую эпоху, для его характеристики эти статьи имѣютъ особую важность.

Въ противоположность общепринятому мнѣнію, какъ уже упомянуто, я думаю, что эти статьи Пушкина вовсе не такъ враждебны Радищеву, что онѣ не заслуживаютъ ни обидно-похвальныхъ отзывовъ, ни рѣзкихъ осужденій. Конечно, ихъ нельзя не хвалить, но только не въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ. Возможно полною оцѣнкой этихъ статей мы и займемся.

Но прежде намъ надо еще нѣсколько остановиться на другихъ отзывахъ, дѣйствительно враждебныхъ Радищеву. При разборѣ ихъ мы опредѣлимъ значеніе главнѣйшихъ обвиненій противъ Радищева и вмѣстѣ выяснимъ въ общемъ характеръ его личности. И то, и другое поможетъ намъ правильнѣе отнестись къ занимающимъ насъ статьямъ Пушкина.

Указъ 1790 года, осудившій Радищева на ссылку, выставилъ противъ него слѣдующія обвиненія: онъ издалъ книгу, „наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу“ [15]).

Писатели, враждебные Радищеву, теперь уже, конечно, не поддерживаютъ всѣхъ этихъ обвиненій, неосновательность которыхъ была доказана еще объясненіями, данными Радищевымъ при слѣдствіи. Такъ они, понятно, не увѣряютъ, чтобы цѣль Радищева была произвести своею книгой возмущеніе народа, революцію. Радищевъ отвергъ это обвиненіе справедливымъ указаніемъ на то, что „народъ нашъ простой книгъ не читаетъ, да и писана она (книга „Путешествіе“) языкомъ для простаго народа не внятнымъ“. Съ этими доводами не могутъ не согласиться самые пристрастные критики.

Далѣе, никто теперь не поддерживаетъ противъ Радищева обвиненія въ „лживомъ поступкѣ“, въ обманной прибавкѣ листовъ въ книгу послѣ цензуры. Радищевъ при слѣдствіи прямо показалъ, что имъ прибавлено (надо замѣтить, что все о прибавкѣ, т.-е. даже о самомъ фактѣ прибавки, слѣдователи знали лишь по сознанію Радищева). Несомнѣнно, что цензоры, пропустившіе книгу, безъ всякихъ затрудненій пропустили бы и добавленія. И дѣйствительно, эти добавленія нисколько не важны, нисколько не мѣняютъ направленія книги. П. И. Бартеневъ очень вообще не расположенъ къ Радищеву; но онъ, какъ че-

---

[15]) Разборъ всѣхъ этихъ обвиненій см. въ статьѣ моей „Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ“, Р. Старина, 1882 г., сентябрь.

ловѣкъ опытный въ дѣлѣ печатанія, вполнѣ оправдываетъ Радищева: „то же самое, говоритъ онъ о послѣцензурныхъ прибавкахъ Радищева, дѣлаетъ всякій тщательный издатель“ [16]).

Такимъ образомъ изъ всѣхъ обвиненій, приведенныхъ въ указѣ 1790 года, до сихъ поръ держится еще только одно: книга Радищева написана слишкомъ вольно, въ ней много недозволительныхъ оскорбленій начальства, много израженій, умаляющихъ должное ко властямъ уваженіе. Но чтобы судить правильно объ этой сторонѣ вопроса, надо многое еще принять во вниманіе, надо исторически отнестись къ дѣлу.

Необходимо помнить, что Радищевъ еще въ Пажескомъ корпусѣ долженъ былъ обучаться философіи, морали, *праву естественному* и народному [17]); что посланный потомъ Екатериною учиться за границу онъ по Высочайшему повелѣнію обязанъ былъ заниматься *наипаче* естественнымъ правомъ [18]); что за границей онъ, понятно, подпалъ вліянію господствовавшихъ тогда по всей Европѣ идей просвѣтительной философіи, вліянію французской литературы, которою такъ увлекалась, которой такъ покровительствовала русская императрица. Вліяніе французской литературы и отразилось во многомъ на книгѣ Радищева, между прочимъ и на ея языкѣ; оттуда была заимствована рѣзкость выраженій, которыя не должны быть истолковываемы всегда буквально: на нихъ надо смотрѣть какъ на извѣстную особенность языка той эпохи [19]). Укажу одинъ примѣръ вліянія французской фразеологіи. Приходится слышать упрекъ Радищеву за то, что онъ опередилъ самое французскую революцію, что онъ еще раньше 1793 года восхищается Кромвелемъ; но что, значитъ, стихи Радищева объ этомъ въ одѣ „Вольность“ въ сравненіи съ извѣстнымъ двустишіемъ о короляхъ и попахъ въ одѣ Дидро, этого покровительствуемаго собесѣдника Екатерины? [20]) Ека-

---

[16]) Осмадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 243 (второе изданіе).

[17]) См. планъ обученія пажей въ изслѣдованіи г. Сухомлинова, стр. 4, въ сборникѣ статей, т. I, стр. 543.

[18]) Сборникъ Русскаго Ист. Общ., X, стр. 107.

[19]) Это справедливое замѣчаніе было сдѣлано А. Н. Пыпинымъ. В. Европы 1868, VII, 427.

[20]) Les Eleuthéromanes. Oeuvres de Diderot, 1875, IX, 16. На рус-

терина сама сблизила Радищева съ западными идеями, ввела его въ область французской литературы, и рѣзкость языка Радищева есть только результатъ этого сближенія. Надо еще замѣтить, что прежде Екатерина не осуждала такихъ особенностей литературнаго языка; выставивъ въ своемъ Наказѣ [21]) правило: „слова не вмѣняются никогда въ преступленіе", она дозволила, напримѣръ, къ печати въ трагедіи Николева „Сорена" рѣзкое осужденіе самодержавія. За годъ до изданія „Путешествія" самъ Радищевъ безпрепятственно выражался въ печати съ тою же свободой языка, въ своемъ „Житіи Ѳ. В. Ушакова" [22]), см. напр., о самодержавіи (стр. 13 и 14 перваго изданія, стр. 28 и 29), объ отношеніи власти къ подданнымъ (стр. 50 и 53), о налогахъ и о войнѣ (стр. 95 и 96 [23]); такъ и въ „Письмѣ къ другу", напечатанномъ Радищевымъ незадолго до изданія „Путешествія", мы находимъ подобныя же выраженія о самодержавной власти, о придворномъ ласкательствѣ; наконецъ, въ „Житіи Ушакова" есть мѣсто [24]), говорящее о первой англійской революціи совершенно то же, что и *Ода на вольность,* выдержки изъ которой находятся въ „Путешествіи". Такимъ образомъ Радищевъ собственно былъ виноватъ только въ томъ, что не угадалъ характера данной минуты, не понялъ, въ своемъ увлеченіи, что мысли и выраженія, вполнѣ дозволительныя за годъ передъ тѣмъ, сочтутся теперь, несмотря на принципы Наказа, тяжкимъ преступленіемъ.

Мы видимъ, что ни одного изъ обвиненій указа 1790 года поддерживать нельзя. Противъ Радищева обыкновенно и выставляютъ общія обвиненія въ излишнемъ свободомысліи, про-

---

скомъ языкѣ есть переложеніе этихъ стиховъ: „Мы добрыхъ гражданъ позабавимъ" и т. д. Любопытно, что преданіе приписываетъ это переложеніе Пушкину.

[21]) Статья 480. См. еще статью 484: „Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя; но оныя дѣлаются предлогомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ".

[22]) Въ Санктпетербургѣ, въ Императорской типографіи 1789 года.

[23]) Осмнадцатый вѣкъ, I, стр. 187, 191, 198.

[24]) Первое изданіе, стр. 99 и 100; у г. Бартенева стр. 209.

исшедшемъ будто бы отъ неосмысленнаго подчиненія европейской философіи, отъ незнанія и непониманія нуждъ Россіи. Радищевъ, „оторванный отъ почвы“, „чуждый народному духу“ и т. д., совращенный „ложнымъ“ просвѣщеніемъ Запада, не любящій и не понимающій Россіи, написалъ-де книгу, которая, по своему содержанію, не имѣла ни малѣйшей практической цѣны для Россіи, представляетъ вредное примѣненіе плохопонятыхъ, неподходящихъ и ложныхъ началъ къ русской жизни. Такъ ли это? При ближайшей оцѣнкѣ книги Радищева оказывается, къ неудовольствію нашихъ охранителей, что Радищевъ зналъ Россію, любилъ ее, видѣлъ бѣдственныя стороны русскаго общественнаго строя, страдалъ объ этихъ бѣдствіяхъ, указывалъ средства ихъ излѣченія, и при томъ средства, вполнѣ возможныя, подходившія для дѣла.

Главная тема „Путешествія“ — нападки на крѣпостное право. Кто посмѣетъ сказать, что крѣпостное право, достигшее особаго развитія въ царствованіе Екатерины II, не было величайшимъ бѣдствіемъ для русскаго народа? И Радищевъ нападаетъ на крѣпостное право не только изъ теоретическаго принципа, изъ отвлеченнаго понятія о свободѣ и достоинствѣ человѣческой личности: его книга многими своими описаніями показываетъ, что онъ внимательно наблюдалъ народную жизнь въ дѣйствительности, что у него были обширныя свѣдѣнія, на которыхъ и опирался его приговоръ крѣпостному праву. Разсказы „Путешествія“ изъ крестьянской жизни, несмотря иной разъ на ихъ чрезмѣрную сентиментальность, даютъ очень цѣнныя и разнообразныя указанія въ бытовомъ отношеніи, которыя подтверждаются другими несомнѣнными источниками того времени. Нельзя сомнѣваться, что Радищевъ съ любовью наблюдалъ жизнь простого народа, зналъ ее.

Средства, которыя „Путешествіе“ предлагаетъ для уничтоженія крѣпостного права, не только не являются черезъ мѣру рѣзкими, но, напротивъ, отличаются постепенностью, быть можетъ, до излишества. Исторія въ настоящее время признала, что отношеніе Екатерининской политики къ крестьянскому вопросу было совершенно ложное, что мѣры Екатерины, касающіяся крестьянъ, были крайне вредны, что она могла и должна была держаться въ этомъ дѣлѣ совершенно другого направле-

нія. Защитники Екатерининской внутренней политики указываютъ на затруднительность положенія Екатерины, на нетвердость ея на престолѣ и пр. Но, во-первыхъ, эти затрудненія не были постоянны, главнымъ образомъ могли вліять только въ первые годы ея царствованія,—когда именно Екатерина выказывала больше сочувствія къ крѣпостному населенію, чѣмъ позднѣе,—а во-вторыхъ, правъ изслѣдователь, сказавшій, что половины средствъ, потребовавшихся при Екатеринѣ II для усмиренія крестьянскихъ волненій, было бы вполнѣ достаточно для совершеннаго подавленія всякаго сопротивленія, если бы такое даже могло проявиться при освободительныхъ стремленіяхъ ея внутренней политики. Думаю, что въ настоящее время мы, зная весь дальнѣйшій ходъ крестьянскаго дѣла, не можемъ сомнѣваться въ примѣнимости и при Екатеринѣ такого плана: прежде всего освобождаются дворовые и запрещается брать крестьянъ для домашнихъ услугъ, — если же кто возьметъ крестьянина въ домъ для услугъ, крестьянинъ дѣлается свободенъ; дозволяются браки крестьянъ безъ согласія помѣщика и безъ выводныхъ денегъ; крестьяне признаются собственниками движимаго имѣнія и удѣла земли, ими обрабатываемаго; далѣе—судъ равныхъ, полныя гражданскія права, запрещеніе наказывать безъ суда; дозволить крестьянамъ покупать землю; потомъ назначается извѣстная сумма, за которую крестьянинъ можетъ выкупиться, и наконецъ наступаетъ совершенное уничтоженіе рабства. Конечно, этотъ литературный проектъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ готовый проектъ закона, но общія его основанія должны быть признаны вполнѣ примѣнимыми и для своего времени. Прибавимъ къ этому, что Радищевъ отстаивалъ права крестьянъ на землю.

Итакъ, по главному вопросу, разбираемому въ „Путешествіи“, истина на сторонѣ Радищева, а не его судей. То же самое можно сказать и по другимъ общественнымъ вопросамъ. Радищевъ вооружается противъ такихъ сторонъ современной ему русской жизни, которыя уже давно теперь осуждены исторіей; таковы его нападки на зачисленіе дворянъ въ службу съ дѣтскихъ лѣтъ, на несправедливость и корыстолюбіе судей, на полный произволъ высшихъ начальниковъ, на декоративность и любовь къ внѣшности и прочее.

Рядомъ съ вопросами, отошедшими въ историческое прошлое, „Путешествіе“ подымаетъ и такіе, которые имѣютъ до сихъ поръ современное значеніе; такъ, оно прямо вооружается противъ цензуры, противъ обычая праздничныхъ пріемовъ у начальниковъ и т. п.; Радищевъ возстаетъ противъ купеческихъ обмановъ, противъ разврата, противъ роскоши; онъ, нападая на современную ему систему образованія и воспитанія, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ идеалъ, во многомъ имѣющій значеніе до сихъ поръ, и т. д. Онъ высказываетъ совершенно вѣрный взглядъ, что правительство существуетъ для народа, а не наоборотъ, что счастіе, богатство народа измѣряются благосостояніемъ массы населенія, а не благополучіемъ немногихъ лицъ, и проч. Нужно думать, что именно постановка и рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые до сихъ поръ имѣютъ современное значеніе, и вызываетъ часто противъ Радищева нападки въ литературѣ. Защитники цензуры, чинопочитанія, педагогической рутины не могутъ одобрить Радищева и признаютъ его пустымъ фразеромъ, свихнувшимся и потерявшимъ почву либераломъ.

Мы не будемъ больше останавливаться на враждебныхъ Радищеву отзывахъ, подробно опровергать взводимыхъ на него обвиненій. Сказаннаго для безпристрастнаго читателя довольно, чтобы оцѣнить по достоинству и Радищева, и его враговъ, чтобы видѣть, что авторъ „Путешествія“ былъ человѣкъ, искренно любившій свою родину, знавшій ее и понимавшій ея нужды, въ требованіяхъ своихъ опередившій не только свой вѣкъ, но и многихъ изъ современныхъ намъ литераторовъ.

Уже было сказано выше о томъ важномъ значеніи, какое имѣютъ статьи Пушкина о Радищевѣ для оцѣнки и пониманія ихъ автора, также и о той роли, какую онѣ играютъ въ литературѣ о Радищевѣ. Теперь прежде всего напомню читателю внѣшнюю исторію этихъ статей.

Ихъ, какъ извѣстно, двѣ. Одна изъ нихъ была написана Пушкинымъ въ 1833 и 1834 гг., но оставлена имъ некончен-

ною и безъ общаго заглавія (настоящее заглавіе ея—„Мысли на дорогѣ“—дано П. В. Анненковымъ). Она сохранилась для насъ въ рукописяхъ поэта въ разныхъ видахъ [25]). Мы находимъ ее въ первоначальномъ черновомъ видѣ, еще безъ точнаго раздѣленія на главы, съ бо̀льшими еще отступленіями, чѣмъ въ печатной редакціи [26]). Затѣмъ мы встрѣчаемъ эту же статью въ томъ видѣ, какъ она напечатана (кромѣ нѣкоторыхъ неточностей въ печати), еще въ другой тетради; тутъ она находится дважды: въ копіи съ поправками Пушкина и въ чистовомъ подлинникѣ, мѣстами тоже сильно исчерканномъ. Наконецъ, одну главу ея, о цензурѣ, мы находимъ опять въ иной тетради, а еще въ одномъ мѣстѣ набросокъ къ этой статьѣ и часть программы [27]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что Пушкинъ много работалъ надъ этою статьей и несомнѣнно готовилъ ее для печати. Можетъ быть, она стояла въ связи съ долго не покидавшими его надеждами на изданіе газеты и осталась неоконченною, когда ему пришлось отказаться отъ исполненія этихъ надеждъ. Когда мечты его о журнальной дѣятельности, наконецъ, черезъ два года послѣ того, осуществились, хотя и въ иномъ видѣ, когда онъ приступалъ къ изданію журнала „Современникъ“, онъ опять пишетъ другую статью о Радищевѣ, которая сохранилась въ бумагахъ поэта въ черновомъ подлинникѣ и въ бѣловой копіи [28]). Пушкину очень хотѣлось, чтобы эта статья его была напечатана, и онъ прилагалъ особыя старанія, чтобы протащить ее черезъ цензуру. Представляя упомянутую бѣловую копію на цензурное разсмотрѣніе, Пушкинъ на заглавномъ листѣ рукописи написалъ: „Пушкинъ покорнѣйше проситъ Александра Лукича представить сію статью, куда слѣдуетъ, на разрѣшеніе“. Тутъ же читаемъ

---

[25]) „Рукописи А. С. Пушкина, хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ“, подробно описаны мною въ „Русской Старинѣ“ 1884 г., февраль — декабрь. Такъ какъ онѣ описаны по порядку тетрадей и листовъ, то, ссылаясь на нихъ, я вездѣ буду дѣлать указанія только на № тетради и листа, не указывая книжки журнала.

[26]) № 2384. 1—26. Главныя дополненія къ печатной редакціи приведены въ „Описаніи“. См. также Соч. Пушкина, V, 214—259.

[27]) См. № 2385; № 2386, Б. 38—41 и № 2377, А. 18.

[28]) № 2387, Б. 1—8, 87—93, № 2385.—Соч. V, 349—359.

и отвѣтную помѣту цензора: „Не дозволено къ напечатанію предписаніемъ главнаго управленія цензуры отъ 26 января 1836 г., № 271. Цензоръ А. Крыловъ“.

Такимъ образомъ, обѣимъ статьямъ Пушкина о Радищевѣ не пришлось увидать свѣтъ при жизни ихъ автора; и по смерти его онѣ не сразу прошли черезъ цензуру.

Не смотря на хлопоты Жуковскаго о посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, вторая статья о Радищевѣ вовсе не вошла въ это изданіе, а изъ первой статьи въ немъ появились небольшія лишь отрывки, при чемъ не только были выпущены цѣлыя главы и многія отдѣльныя мѣста, но вездѣ было выкинуто даже самое имя Радищева, и статья потеряла свой настоящій обликъ. Въ такомъ искаженномъ видѣ вошла она и въ Анненковское изданіе, объединившее, впрочемъ, ее заглавіемъ: „Мысли на дорогѣ“. Второй статьи „Александръ Радищевъ“ опять-таки совсѣмъ не было въ изданіи 1855 года, и она появилась только въ VII дополнительномъ томѣ, вышедшемъ уже въ 1857 г. Несмотря на либеральныя вѣянія новаго царствованія, цензурное управленіе сначала и тутъ хотѣло было воспрепятствовать появленію этой статьи, и только обстоятельное, мотивированное мнѣніе И. А. Гончарова, бывшаго въ то время цензоромъ, обезпечило ея пропускъ.

Въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1859 [29]) года была помѣщена статья: „Проза Пушкина“; тутъ, между прочимъ, возстановленъ смыслъ и пропуски (хотя и не всѣ) въ статьѣ „Мысли на дорогѣ“, и приведены мѣста изъ книги Радищева, на которыя ссылается Пушкинъ. Несмотря на это, г. Геннади не внесъ указанныхъ поправокъ въ текстъ статьи при изданіи 1870 года, ограничившись лишь сообщеніемъ поправокъ и дополненій въ примѣчаніяхъ. Только въ Ефремовскомъ изданіи 1880 года статья эта, сохранившая заглавіе „Мысли на дорогѣ“, была напечатана въ настоящемъ видѣ [30]). Надо за-

---

[29]) №№ 5 и 6, статья Е. И. Я.

[30]) П. А. Ефремовъ, кромѣ поправокъ изъ „Библіографическихъ записокъ“, внесъ еще дополненіе, приведенное въ книгѣ П. В. Анненкова: „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“. См. изд. 1880 г., т. V, стр. 202 — 235 и 526. Въ такомъ же видѣ статья напечатана во второмъ Ефремовскомъ изданіи (М. 1882 г.), съ добавленіемъ изъ „Рус

мѣтить, что изданіе 1880 года находилось въ особо благопріятныхъ условіяхъ: это было время открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, такъ что новое изданіе его сочиненій, давно уже вышедшихъ изъ продажи и потому давно ожидаемыхъ, являлось какъ бы юбилейнымъ, получало особое освященіе отъ всѣхъ торжествъ въ честь Пушкина; къ тому же главнымъ начальникомъ цензурнаго вѣдомства былъ въ то время князь П. П. Вяземскій, который и литературными преданіями, и семейными и личными воспоминаніями былъ тѣсно привязанъ къ памяти Пушкина.

Такова внѣшняя судьба статей Пушкина о Радищевѣ. Прошу читателя обратить особенное вниманіе на слѣдующее характерное обстоятельство: статьи Пушкина о Радищевѣ, столь восхваляемыя нашими „благонамѣренными“ писателями за ихъ „благонамѣренное“ направленіе, долго находились подъ цензурнымъ запретомъ: одна въ теченіе 21 года, другая, собственно говоря, 46 лѣтъ. Дальше мнѣ придется сопоставить это обстоятельство съ подобными же явленіями.

Итакъ, вторая статья Пушкина о Радищевѣ въ сущности опередила первую и была напечатана въ 1857 г. Проф. Сухомлиновъ совершенно вѣрно указалъ на значеніе этой статьи: она начала собою рядъ изслѣдованій о Радищевѣ, она какъ бы открыла Радищева. Интересъ по отношенію къ Радищеву, мы видѣли, не прерывался [31]), несмотря на всѣ цензурныя строгости, но интересъ этотъ могъ существовать только въ литературныхъ кружкахъ; авторитетъ Пушкина ближе познакомилъ съ Радищевымъ массу читающей публики, имя Радищева распространилось всюду, куда доходили сочиненія Пушкина. Какое бы понятіе о Радищевѣ ни давала читателямъ статья Пушкина, она все-таки возбудила въ нихъ интересъ къ автору „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ и тѣмъ подготовила и облегчила распространеніе въ публикѣ послѣдующихъ статей о Радищевѣ. Статья Пушкина *снова* популизировала имя Радищева.

скаго Архива“ 1880 года. Нѣкоторыя поправки текста по подлинной рукописи см. въ указанномъ выше описаніи, № 2385.— Соч. V. 214—259.

[31]) Вопреки мнѣнію г. Сухомлинова, стр. 108, слѣд. Изслѣдованія и статьи, I, 640, слѣд. Ниже я еще коснусь этого вопроса.

Статья Пушкина начала собою новую литературу о Радищевѣ. Дальнѣйшія изслѣдованія, идя по дорогѣ ею открытой, не могли не считаться и съ нею, и съ другою статьей Пушкина, такъ или иначе тоже появившеюся въ печати, должны были выяснить свое къ нимъ отношеніе; въ большинствѣ изслѣдованій мы встрѣчаемъ хоть краткую оцѣнку статей Пушкина.

Такъ какъ Пушкинъ за многое осуждаетъ Радищева, то понятно, что „благоразумная“ и „благонамѣренная“ партія нашей критики прямо зачислила авторитетъ Пушкина противъ Радищева и превознесла поэта похвалами за его благоразуміе и т. д. Это было въ интересѣ такой критики, и поэтому ей незачѣмъ было глубже вникать въ статьи Пушкина: она воспользовалась ихъ внѣшностью. Но гораздо удивительнѣе, какъ критика противоположнаго направленія, сочувственно относящаяся къ Радищеву, тоже не стала доискиваться внутренняго смысла статей Пушкина, также удовлетворилась ихъ внѣшностью, при чемъ Пушкинъ, конечно, подвергся упрекамъ въ несправедливомъ и пристрастномъ взглядѣ на Радищева, въ трусливомъ подслуживаніи передъ властью; хорошо еще, если при этомъ видѣли до извѣстной степени смягчающее обстоятельство въ строгихъ условіяхъ цензуры того времени.

Приведу для примѣра отзывы того и другого направленія. П. А. Радищевъ къ біографіи своего отца приложилъ подробный разборъ статьи Пушкина; онъ признаетъ справедливыми только замѣчанія Пушкина о слогѣ Радищева, — „во всемъ же остальномъ видно незнаніе фактовъ или извращеніе ихъ, и *особенно поражаетъ ложный свѣтъ и странный, трудно-объяснимый взглядъ,* брошенный на личность Радищева нашимъ великимъ поэтомъ“ [32]). Лондонскій издатель „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ въ своемъ къ нему предисловіи считаетъ, что для чести Пушкина лучше было бы даже не печатать его статьи о Радищевѣ, при чемъ допускаетъ, что Пушкинъ перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ. Въ противоположность къ приведеннымъ писателямъ, П. В. Анненковъ такъ отзывается о „дѣльной и строгой“ статьѣ Пушкина: „статья Александръ Радищевъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ

---

[32]) „Русскій Вѣстникъ“ 1858 г., № 23, стр. 432.

тому зрѣлому, здравому и проницательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина незадолго до его кончины“ [33]). Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ признаетъ, что въ обѣихъ статьяхъ Пушкина о Радищевѣ проводится цѣльная консервативно-аристократическая теорія, которую Пушкинъ выработалъ въ 30-хъ годахъ [34]). А. Д. Галаховъ во второмъ изданіи своей „Исторіи русской словесности“ посвятилъ Радищеву 3 страницы, на которыхъ, признавая за Радищевымъ заслуги по крестьянскому вопросу и сочувственно относясь къ его проекту освобожденія крестьянъ, опередившему воззрѣнія того времени на этотъ предметъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки объявляетъ Радищева несерьезномъ авторомъ, нахватавшимся чужихъ идей и много о себѣ возмечтавшимъ, и т. д.; въ концѣ концовъ Галаховъ говоритъ: „нельзя не согласиться съ отзывомъ Пушкина, несмотря на его строгость“, и выписываетъ изъ статьи Пушкина рѣзкое осужденіе Радищева [35]). Проф. Сухомлиновъ, приведя противоположные отзывы Анненкова и Герцена о статьяхъ Пушкина, выставляетъ затѣмъ столь же односторонній отзывъ Галахова, съ которымъ онъ вполнѣ и соглашается [36]). Почти такое же мнѣніе опять по-

---

[33]) Соч. Пушкина, т. VII, изд. 1857. Отд. II, стр. 3.

[34]) „Вѣстн. Евр.“ 1880, іюнь, стр. 624 и 625.

[35]) Объ самомъ отзывѣ Пушкина я буду подробно говорить ниже. У Галахова см. 2 часть I-го тома, стр. 273—76, изд. 1880 г.

[36]) „А. Н. Радищевъ“, стр. 130 — 142. — „Изслѣдованія и статьи“, I, 668 — 671. — Г. Сухомлиновъ думаетъ подтвердить мнѣніе Галахова ссылкой на авторитетъ Н. С. Тихонравова. Но „самый строгій и безпощадный судья“ „Исторіи русской словесности“, говоря объ общемъ просвѣщенномъ отношеніи г. Галахова къ новой литературѣ, вовсе не имѣлъ въ виду его подробнаго отзыва о Радищевѣ: въ первомъ изданіи „Исторіи русской словесности“ о Радищевѣ сказано всего $1^1/_2$ строчки; подробный же отзывъ на 3 страницахъ *вставленъ* уже въ новое изданіе. Насколько это дополненіе является *вставкой*, показываетъ то обстоятельство, что оно не согласовано съ другими мѣстами книги. Такъ, тутъ на стр. 276 г. Галаховъ отвергаетъ положительно всякую возможность предполагать, чтобы Радищевъ могъ участвовать въ „Почтѣ Духовъ“ Крылова, а раньше, на стр. 176, онъ говоритъ объ этомъ изданіи: „половина писемъ принадлежитъ Крылову; другія написаны А. Радищевымъ“.

вторилъ пр. Порфирьевъ въ 3-мъ выпускѣ своей „Исторіи русской словесности“: называя приговоръ Пушкина *„самымъ строгимъ“*, онъ подтверждаетъ его, ссылаясь на слова Анненкова въ 1857 году, какъ на „критику новаго времени“ [37]).

Односторонность—общій недостатокъ указанныхъ противоположныхъ отзывовъ: они судятъ о статьяхъ Пушкина по ихъ внѣшности, т.-е. отдѣливъ ихъ совершенно отъ другихъ его отзывовъ о Радищевѣ и отъ общаго его направленія; если же иные критики и ставятъ эти статьи въ связь съ общимъ направленіемъ поэта, то при этомъ они очень часто, вмѣсто того чтобы выяснить внутреннюю сущность взглядовъ Пушкина, просто, безъ особыхъ основаній, кричать о великой перемѣнѣ въ николаевскомъ Пушкинѣ, о его „благонамѣренности“ и благоразуміи и, какъ на главное доказательство, указываютъ на тѣ же статьи о Радищевѣ. Логическая ошибка ясна, положеніе остается недоказаннымъ [38]).

Въ 1883 г. появилась статья А. И. Незеленова о Радищевѣ [39]). Съ перваго взгляда можно было подумать, что авторъ правильнѣе отнесся къ статьямъ Пушкина о Радищевѣ. Изслѣдованіе Незеленова начинается многочисленными эпиграфами изъ Пушкина, заключающими *разные* отзывы о Радищевѣ. Можно было надѣяться, что затѣмъ мы получимъ полное объясненіе этихъ различныхъ отзывовъ, полную оцѣнку отношеній Пушкина къ Радищеву, и это тѣмъ болѣе, что Незе-

---

[37]) „Истор. русской словесности“ И. Порфирьева, часть II, отд. II. Казань, 1884 г., стр. 261.

[38]) Исключеніе изъ этого составляетъ изслѣдованіе П. В. Анненкова: „Общественные идеалы Пушкина“ (В. Е. 1880, іюнь; „Воспоминанія и критическіе очерки“, Спб. 1881 г., III, 225—267), гдѣ подробно группируются и ставятся въ общую связь мнѣнія Пушкина; но и это изслѣдованіе страдаетъ односторонностью въ постановкѣ вопроса, а оттуда и неправильность вывода. Ниже я буду говорить объ этой статьѣ Анненкова, также и объ изслѣдованіи В. Я. Стоюнина „Пушкинъ“, гдѣ единственно только мы и встрѣчаемъ *болѣе* правильный взглядъ на статьи Пушкина о Радищевѣ и вообще на убѣжденія поэта въ Николаевскую эпоху. См. также статью А. В. Станкевича въ Атенеѣ 1858, № 2.

[39]) „Историческій Вѣстникъ“ 1883 г., апрѣль, — То-же въ книгѣ: А. И. Незеленовъ. „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“, Спб. 1889, стр. 310—339.

леновъ только что передъ тѣмъ занимался Пушкинымъ. Но надежда бываетъ обманчива. Въ своемъ изслѣдованіи Незеленовъ говоритъ только о тѣхъ же статьяхъ Пушкина, понимая и толкуя ихъ на старый ладъ и нисколько не обращая вниманія на противорѣчивые отзывы Пушкина, выписанные имъ вначалѣ.

Постараемся же выяснить себѣ истинный смыслъ статей Пушкина о Радищевѣ, сопоставивъ ихъ съ другими его отзывами объ авторѣ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву", и съ общимъ его направленіемъ.

Одну изъ статей о Радищевѣ Пушкинъ начинаетъ разсказомъ, какъ онъ попросилъ у Соболевскаго книгу на дорогу, и тотъ ему далъ „Путешествіе" Радищева. Нельзя сомнѣваться, что этотъ разсказъ, какъ и другія подробности того же рода, составленъ лишь для вступленія, что это просто литературный пріемъ. Конечно, Соболевскій не далъ бы Пушкину *на дорогу* такую книгу, которую онъ и у себя дома-то держалъ, таинственно спрятавъ ее за другими книгами, да и самъ Пушкинъ не взялъ бы ея съ собою въ „поспѣшный дилижансъ". Но мы можемъ признать, что Пушкинъ получилъ подлинное изданіе „Путешествія" изъ библіотеки Соболевскаго около этого времени. Трудно рѣшить, было ли это поводомъ или слѣдствіемъ желанія писать о Радищевѣ. Но во всякомъ случаѣ знакомство Пушкина съ Радищевымъ несомнѣнно началось гораздо раньше и не ограничивалось однимъ „Путешествіемъ".

Въ сочиненіяхъ Пушкина мы можемъ найти ясные слѣды этого знакомства. Такъ, выше уже былъ приведенъ стихъ изъ „Посланія къ цензору" (1824).

„Радищевъ, рабства врагъ", цензуры избѣжалъ... Здѣсь Пушкинъ разумѣетъ многочисленные списки „Путешествія", которые разошлись въ публикѣ послѣ запрещенія и уничтоженія книги. И вотъ, по одной изъ такихъ-то рукописей Пушкинъ познакомился съ „Путешествіемъ" и вѣрно оцѣнилъ автора: „Радищевъ—рабства врагъ"...

Одно изъ извѣстнѣйшихъ произведеній Радищева — ода „Вольность", отрывки которой приводятся и въ „Путешествіи". Пушкинъ еще въ 1820 году написалъ тоже оду „Вольность",

по названію, по темѣ и по размѣру прямо напоминающую пьесу Радищева. Въ черновой рукописи „Памятника“, недавно изданной, встрѣчаемъ сознаніе Пушкина во вліяніи на него Радищева въ этомъ отношеніи. Поэтъ говоритъ о себѣ:

Что вслѣдъ Радищева возславилъ я свободу... [40]).

Кромѣ этой оды можно предположительно указать вліяніе Радищева и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Пушкина, который, будучи сначала знакомъ съ „Путешествіемъ“ лишь по рукописи, зналъ другія сочиненія Радищева по посмертному изданію. Такъ, Пушкинъ въ своихъ мелкихъ замѣткахъ выступаетъ защитникомъ Тредьяковскаго, вѣроятно, подъ вліяніемъ Радищева, вѣрный и безпристрастный отзывъ котораго о творцѣ Телемахиды онъ одобряетъ въ своей статьѣ „Мысли на дорогѣ“; если бы взглядъ Пушкина на Тредьяковскаго не былъ въ связи съ чтеніемъ сочиненій Радищева, то затѣмъ, встрѣтивъ у этого писателя сочувственный отзывъ объ осмѣянномъ всѣми Тредьяковскомъ, Пушкинъ, конечно, упомянулъ бы, что онъ самъ раньше, помимо Радищева, пришелъ къ такой же оцѣнкѣ Тредьяковскаго. Вліяніе Радищева на Пушкина, можетъ быть, выразилось въ одномъ изъ лицейскихъ еще произведеній послѣдняго: его „Бова“ (1815) своимъ размѣромъ напоминаетъ „Бову“ Радищева; можетъ быть, этой поэмѣ, столь имъ одобряемой впослѣдствіи, и подражалъ Пушкинъ, а вовсе не „Ильѣ Муромцу“ Карамзина, какъ принято думать [41]).

Кромѣ всѣхъ этихъ доказательствъ, у насъ есть прямое и несомнѣнное свидѣтельство самого Пушкина, что онъ зналъ и цѣнилъ Радищева еще во времена своей молодости, свидѣтельство, покрывающее собою всѣ приведенныя указанія, дающее имъ окончательное значеніе. Въ іюнѣ 1823 года Пуш-

---

[40]) II, 190.

[41]) Высказанное здѣсь предположеніе вполнѣ затѣмъ подтвердилось. Въ сохранившейся копіи „Бовы“ въ бумагахъ Пушкина А. И. Незеленовъ нашелъ стихъ, прямо указывающіе на то, что Пушкинъ писалъ „Бову“ въ подрожаніе поэмѣ Радищева:

„Пѣть я тоже вознамѣрился,
Не сравняюсь-ли съ Радищевымъ“.

(„Историч. Вѣстн.,“ 1889 г., мартъ, стр. 676.

кинъ изъ Кишинева писалъ А. Бестужеву: *„Какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить?* Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ“ [42]). Въ этихъ словахъ мы не только видимъ самое сочувственное отношеніе Пушкина къ Радищеву, но и должны прямо заключить, что Пушкинъ еще до отъѣзда на югъ хорошо зналъ и цѣнилъ сочиненіе Радищева, что они толковали съ Бестужевымъ, въ своемъ литературномъ кружкѣ, о значеніи Радищева, который и былъ ими оцѣненъ, между прочимъ, какъ „рабства врагъ“, почему умолчаніе Бестужева о немъ и показалось Пушкину неожиданнымъ противорѣчіемъ [43]).

Таковы несомнѣнныя данныя, показывающія, что Пушкинъ съ молодыхъ лѣтъ зналъ Радищева, высоко цѣнилъ его, признавалъ за его сочиненіями важное значеніе, подпалъ ихъ вліянію.

Этотъ выводъ объ отношеніи Пушкина къ Радищеву въ Александровскую эпоху не можетъ смутить критиковъ, осуждающихъ Радищева и хвалящихъ „строгій“ приговоръ о немъ Пушкина: они признаютъ юношескія заблужденія Пушкина, но въ Николаевское время нашъ поэтъ, по ихъ мнѣнію, совершенно измѣнилъ свои взгляды, преисполнился благоразуміемъ и напалъ на Радищева, съ которымъ прежде вмѣстѣ поклонялся „Вольности“. Но—спросимъ мы этихъ критиковъ—что же значитъ стихъ Пушкина въ его „Памятникѣ“:

Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу...?

Гдѣ же тутъ „благонамѣренность“ Пушкина? Онъ въ своихъ статьяхъ нападаетъ на Радищева, осуждаетъ его за сво-

---

[42]) Соч. VII, 50, см. тетрадь № 2366, л. 35.

[43]) Въ 1833 году Вяземскій, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, написалъ посланіе къ Жуковскому и предлагалъ въ немъ, между прочимъ, помянуть *„извѣстнаго автора Радищева“*. См. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ, кн. П. П. Вяземскаго, стр. 59 (оттискъ изъ газеты „Берегъ“ 1880). См. также изданные къ 26 мая 1880 г. „семь автографовъ“ А. С. Пушкина изъ собранія кн. П. П. Вяземскаго.—Недаромъ Пушкинъ говоритъ о „Путешествіи“: „содержаніе его всѣмъ извѣстно“—V. 217.

бодолюбіе, а самъ въ своей почти лебединой пѣсни, въ предсмертной, такъ сказать, оцѣнкѣ своей дѣятельности, оцѣнкѣ столь высокой, чѣмъ онъ хвалится, въ чемъ между прочимъ признаетъ онъ свои права на безсмертіе, права на любовь, благодарность народа? Въ томъ, что онъ подражалъ Радищеву въ прославленіи свободы! [44]).

Такимъ образомъ, гг. критикамъ трудно во всякомъ случаѣ по вопросу о Радищевѣ говорить о благоразумномъ отношеніи николаевскаго Пушкина къ автору „Путешествія"; они, понимая статьи Пушкина о Радищевѣ такъ, какъ они ихъ понимаютъ, должны возводить на Пушкина тяжкое обвиненіе въ вѣроломномъ двуличіи: онъ, по мнѣнію критиковъ, въ своихъ статьяхъ, приготовляемыхъ для печати, осуждаетъ взгляды Радищева, а въ своихъ задушевныхъ стихахъ хвалится своимъ единомысліемъ съ нимъ. Это было бы благоразуміе особаго рода, при чемъ, конечно, ужъ не можетъ быть и рѣчи о сопричисленіи Пушкина къ сонму враговъ Радищева; тутъ ужъ нѣтъ новыхъ, авторитетныхъ обвиненій противъ Радищева, а самъ Пушкинъ подпадаетъ тяжкому обвиненію въ лицемѣріи и двоедушіи. Развѣ иначе можно объяснить противорѣчивыя воззрѣнія на Радищева въ статьяхъ и въ стихахъ? Да, но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ такое несогласимое противорѣчіе? Въ смыслѣ стиховъ нельзя сомнѣваться, но вѣрно ли понятъ смыслъ статей?

Д. Морлей въ своей монографіи о Дидро съ нѣкоторымъ удивленіемъ говоритъ о презрительномъ для него обыкновеніи французскихъ писателей XVIII вѣка прибѣгать къ иносказательнымъ выраженіямъ для замаскированія своихъ нецензурныхъ мыслей. Мы, русскіе, не можемъ раздѣлять благороднаго удивленія англичанина: для насъ совершенно понятно употребленіе иносказаній въ литературномъ языкѣ. Иносказательный языкъ, „эзопскій", какъ его называетъ сатирикъ, давно уже

---

[44]) Если даже взять окончательную редакцію „Памятника" (что *въ мой жестокій вѣкъ* возславилъ я свободу), то и тутъ является страннымъ, какъ благоразумный Пушкинъ хвалится прославленіемъ свободы, какъ онъ ставитъ себѣ въ заслугу это прославленіе въ свой жестокій вѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаетъ Радищева за служеніе той же свободѣ и въ вѣкъ еще болѣе жестокій.

составляетъ особенность нашей литературы. Вотъ этотъ-то иносказательный языкъ и надо дешифрировать, чтобы понять истинный смыслъ статей Пушкина о Радищевѣ.

Первая статья—„Мысли на дорогѣ"—извѣстна прямо, какъ „*возраженіе* на книгу Радищева". Но при ближайшемъ разборѣ оказывается, что въ ней собственно возраженій очень мало; это не разборъ, направленный *противъ* книги, это рядъ замѣчаній *по поводу* книги.

Какія обвиненія выставляетъ Пушкинъ въ этой статьѣ противъ книги Радищева? Онъ не скупится на эпитеты, но это все самые общіе отзывы. Приведу ихъ: скучная книга Радищева потеряла теперь свою заманчивость (стр. 296) [45]); мысли въ ней безо всякой связи и порядка, она наполнена мрачными картинами, горькими полуистинами, дерзкими мечтаніями (стр. 217); слогъ ея надутъ и тяжелъ (стр. 220), въ ней много пустословія и *тогдашняго моднаго* краснословія (стр. 232, 238); въ ней много мыслей ложныхъ и пошлыхъ (стр. 240), дерзость выраженій выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ (стр. 236), отношеніе къ властямъ самое неосторожное. Что говорятъ всѣ эти обвиненія? Развѣ это „возраженія" на „Путешествіе?" Нѣтъ, мы тутъ видимъ только отзывы и эпитеты такого рода, какіе были неизбѣжны въ статьѣ о Радищевѣ въ то время, если только авторъ писалъ для печати.

Пушкинъ, во-первыхъ, старается увѣрить, что книга Радищева лишена литературныхъ достоинствъ, скучна и не стоитъ ужъ никакого вниманія. Онъ (см. выше) прочелъ ее случайно, отъ дорожной скуки и пр. Цѣль этихъ увѣреній ясна: скучная, ничего не стоящая книга не можетъ быть опасна. Далѣе, отзывы Пушкина о содержаніи книги были, повторяю, для него обязательны: разъ онъ говоритъ о книгѣ, осужденной правительствомъ за дерзость мыслей, о книгѣ, дѣйствительно проникнутой любовью къ свободѣ, онъ не можетъ не признать ее дерзкою выше всякой мѣры, исполненною мечтаній и полуистинъ. Говоря о такомъ запретномъ и опасномъ предметѣ, какъ книга Радищева, писатель 30-хъ годовъ долженъ былъ прежде всего заявить свою благонамѣ-

---

[45]) Соч. Пушкина, т. V.

ренность, торжественно отречься отъ пагубныхъ заблужденій преступнаго Радищева.

Такимъ образомъ, все, что статья Пушкина о Радищевѣ говоритъ въ общихъ выраженіяхъ противъ книги послѣдняго, это все совершенно неизбѣжные пріемы, обязательный способъ выраженія. Сами по себѣ всѣ эти громкія обвиненія ровно ничего не значатъ: они, конечно, могутъ вполнѣ согласоваться со смысломъ статьи, но точно такъ же они могутъ представлять образчикъ „эзопскаго языка", служить лишь ширмами, прикрывающими истинный, противоположный смыслъ. И у Пушкина это и есть только ширмы: общія, офиціальныя, такъ сказать, обязательныя фразы, приведенныя выше, служатъ только внѣшнею оболочкой, подъ которою укрывается совсѣмъ иная сущность.

Пушкинъ, говоря о разныхъ главахъ „Путешествія" дѣлаетъ изъ нихъ обширныя выписки и затѣмъ, между приведенными общими отзывами, сообщаетъ свои замѣчанія. Въ этихъ замѣчаніяхъ онъ собственно только три раза возражаетъ Радищеву: во-первыхъ, о Ломоносовѣ (тутъ дѣло не касается до общественныхъ убѣжденій Радищева), затѣмъ о цензурѣ (Пушкинъ признаетъ ея необходимость и полезность [46]), наконецъ, объ этикетѣ (Пушкинъ защищаетъ придворный этикетъ). Но даже и въ этихъ главахъ, высказывающихъ въ концѣ концовъ самыя благонамѣренныя мысли, мы находимъ и въ разсужденіяхъ самого Пушкина и особенно въ цитатахъ изъ Радищева многое, далеко не столь благонамѣренное для того времени. Такъ, напр., главу объ этикетѣ Пушкинъ начинаетъ словами Радищева: „Власть и свободу сочетать должно на всеобщую пользу" и прибавляетъ отъ себя: „истина неоспоримая". Въ другихъ главахъ мы не находимъ прямыхъ возраженій на „Путешествіе". Пушкинъ вездѣ дѣлаетъ длинныя выписки изъ преступной книги, затѣмъ иногда высказываетъ pro и contra; иногда, оставляя безъ всякихъ даже замѣчаній выписку изъ Радищева, онъ заговариваетъ *кстати* о другомъ предметѣ; наконецъ, иногда Пушкинъ прямо соглашается съ Радищевымъ.

---

[46]) Для истинной оцѣнки этого мѣста необходимо сравнить съ отзывомъ о цензурѣ во второй статьѣ — Александръ Радищевъ; отзывъ будетъ приведенъ ниже.

Главное содержаніе книги Радищева — крестьянскій вопросъ; этотъ же вопросъ занимаетъ главное мѣсто въ разбираемой статьѣ. Въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ Пушкинъ, съ нѣкоторыми оговорками, принимаетъ вездѣ мнѣнія „преступной книги“, раздѣляетъ ея „дерзкія мечтанія“, оправдываетъ ея „мрачныя картины“. Такъ, въ главѣ IV (Черная Грязь, стр. 228) Пушкинъ, сдѣлавъ выписку изъ „Путешествія“, передающую „изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами“, по поводу ея замѣчаетъ: „Радищевъ горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей относительно насильныхъ браковъ крестьянъ“ и затѣмъ самъ приводитъ теперь столь извѣстный примѣръ подобнаго брака „по страсти“. Въ слѣдующей главѣ, выписывая изъ Радищева описаніе рекрутскаго набора и сопряженныхъ съ нимъ злоупотребленій, Пушкинъ, оправдывая наборы необходимостью военной защиты для государства, говоритъ о необходимости помѣщикамъ своею просвѣщенною властью заботливо смягчать неизбѣжное зло и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ нападки Радищева на торговлю рекрутами. Въ другомъ мѣстѣ (гл. VIII, Мѣдное, 234), заимствуя изъ „Путешествія“ разсказъ о продажѣ людей съ публичнаго торга, Пушкинъ обрываетъ выписку, прибавляя отъ себя: „слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она *правдоподобна*. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ и искреннихъ мечтаніяхъ..., съ которыми на сей разъ *соглашаюсь поневолѣ*“.

Въ главѣ „Вышній Волочекъ“ (стр. 234) Пушкинъ приводитъ изъ Радищева разсказъ, „мрачными красками рисующій состояніе русскаго земледѣльца“, но онъ и не думаетъ его опровергать, не протестуетъ противъ „мрачныхъ красокъ“, а, напротивъ, самъ передаетъ подобный же разсказъ, кончающійся убійствомъ помѣщика. Правда, что въ главѣ „Русская изба“ Пушкинъ называетъ описаніе Радищева каррикатурой и отмѣчаетъ противорѣчія въ немъ; онъ сравниваетъ положеніе русскихъ крестьянъ съ положеніемъ англійскихъ рабочихъ [47]), находитъ, что русскому крестьянину живется лучше, но „зло-

---

[47]) Въ черновомъ разговорѣ съ англичаниномъ (V, стр. 241) Пушкинъ подробнѣе развиваетъ устами англичанина ту же мысль.

употребленій вездѣ много, уголовныя дѣла вездѣ ужасны...“ Оговорка эта даетъ особый смыслъ всему разсужденію. Пушкинъ кончаетъ главу такъ: судьба крестьянъ улучшается со дня на день по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ благосостояніемъ помѣщиковъ; это очевидно для всякаго. Конечно, должны еще произойти *великія перемѣны*... но нужна постепенность и пр.

Итакъ, Пушкинъ вообще согласенъ съ Радищевымъ по главнѣйшему, крестьянскому вопросу. Онъ „поневолѣ соглашается съ мечтаніями“ Радищева: слова, очень характерныя для всей статьи.

Пушкинъ, сочувственно относясь въ своей статьѣ вообще къ идеямъ Радищева, старался прикрыть это сочувствіе часто повторяемыми порицаніями дерзкаго и преступнаго мечтателя. Но, вѣроятно, не надѣясь все-таки, чтобы статья при всей осторожности иносказаній, при всѣхъ благонамѣренныхъ прикрасахъ могла пройти черезъ строгую, безпощадную цензуру или, можетъ быть, въ виду неудачи своихъ стараній объ изданіи газеты, Пушкинъ не окончилъ своей статьи [48]) и, кажется, даже не сдѣлалъ попытки провести ее черезъ цензуру.

Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ. Пушкину наконецъ было разрѣшено издавать „Современникъ“. Онъ съ любовью принялся за давноискомую редакторскую дѣятельность. Онъ много самъ работалъ для своего журнала; между прочимъ, онъ приготовилъ для него и новую статью о Радищевѣ [49]). Возвращеніе къ прежней темѣ показываетъ, какъ серіозно относился къ ней Пушкинъ. Для него „Путешествіе“ вовсе не было скучною, незанимательною, ничтожной книгой. Онъ много работалъ надъ

---

[48]) По самому плану статьи Пушкина онъ, путешествуя изъ Москвы въ Петербургъ, долженъ былъ разобрать всѣ главы „Путешествія“ въ обратномъ порядкѣ, а разобралъ онъ ихъ всего 9, т.-е. меньше половины.

[49]) Что Пушкинъ не вздумалъ употреблять для „Современика“ свою первую, наполовину готовую, статью, это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что онъ по самой ея формѣ (обширныя выписки изъ Радищева) считалъ ее малоцензурною. Дѣйствительно, вторая статья написана болѣе цензурно, такъ что, не пропущенная въ свое время, она все-таки появилась въ печати почти на четверть вѣка раньше, чѣмъ была напечатана въ *полномъ* видѣ первая статья.

темой о Радищевѣ и въ связи съ нею. Не говоря уже объ изученіи сочиненій Радищева, мы въ первой статьѣ встрѣчаемъ у него рядъ фактическихъ матеріаловъ по исторіи русской литературы прошлаго вѣка (въ черновой первоначальной редакціи находится довольно подробный обзоръ французской литературы); во второй статьѣ разсказана біографія Радищева, хотя съ нѣкоторыми ошибками и неточностями, но въ общемъ все-таки вѣрно и полно, подробно; мы видимъ изъ приложеній близкое знакомство Пушкина съ матеріалами о Радищевѣ, ему доступными: тутъ выписки изъ сочиненій Радищева, высочайшій указъ, выписка изъ записокъ Храповицкаго; въ его черновыхъ тетрадяхъ сохранилась кромѣ того, выписка изъ записокъ кн. Дашковой относительно исторіи Радищева [50]). Надо замѣтить, что многими изъ этихъ матеріаловъ Пушкинъ долженъ былъ въ то время пользоваться въ рукописяхъ, самъ собирать и разыскивать ихъ; онъ сумѣлъ воспользоваться и такими матеріалами (можетъ быть, рукописными, можетъ быть, устными преданіями), которые до сихъ поръ намъ неизвѣстны помимо статьи Пушкина, сохраняющей до нѣкоторой степени значеніе первоисточника [51]).

Мы видѣли, что Пушкинъ упрекалъ А. Бестужева за умолчанія о Радищевѣ: „кого же мы будемъ помнить какъ не его? [52])“. И онъ продолжалъ помнить о Радищевѣ, онъ пытался пополнить пробѣлъ, допущенный Гречемъ, Бестужевымъ и другими; онъ хотѣлъ популиризировать память передового писателя прошлаго вѣка; но при этомъ задачи его не были только чисто историко-литературными.

Не даромъ Пушкинъ излюбилъ эту тему и усиленно работалъ надъ нею: тема была очень благодарная. Конечно, расчетъ его былъ ошибоченъ, т.-е. и вторая статья не прошла сквозь цензуру, несмотря на всю осторожность; но если бы только статья могла быть напечатана, она, такъ же какъ и первая, составила бы выдающееся, единственное явленіе въ ли-

---

[50]) См. № 2386, В. листы 3 и 77.

[51]) См. Рус. Вѣстникъ 1858 года, № 23, стр. 430, свидѣтельство о томъ, что Пушкинъ еще „въ послѣдній годъ своей жизни доискивался свѣдѣній“ о Радищевѣ, „намѣреваясь писать его жизнь“.

[52]) Варіантъ черновой, № 2366, л. 35.

тературѣ того времени, какъ обѣ онѣ имѣли большее значеніе даже при своемъ появленіи въ концѣ 50 годовъ; говоря о Радищевѣ и наружно высказывая ему осужденіе, Пушкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ касается очень важныхъ общественныхъ вопросовъ,— дѣло въ то время запретное. Это первая попытка создать истинную русскую публицистику въ Николаевскую эпоху. Статьи Пушкина по своему общему значенію имѣли бы громадную цѣну, несмотря на всѣ прикрасы и иносказанія. Попытка не удалась не по винѣ Пушкина, но за нимъ все-таки остается въ этомъ дѣлѣ великая заслуга.

Обратимся же ко второй статьѣ, озаглавленной „Александръ Радищевъ". Разсматривая ее внимательно, мы видимъ совершенно то же, что и въ первой; и это понятно: не было причины, чтобы измѣнилось отношеніе Пушкина къ предмету.

Вторая статья, подобно первой, заключаетъ въ себѣ немало общихъ осужденій Радищева. „Путешествіе" называется „сатирическимъ воззваніемъ къ возмущенію" и вмѣстѣ книгою весьма посредственною, написанною варварскимъ слогомъ, наполненною преувеличенными и пошлыми сѣтованіями, смѣшными порывами, надутою и жеманною чувствительностью (V, 355); вліяніе этого пошлаго и преступнаго пустословія было ничтожно (356). Радищевъ „есть истинный представитель полупросвѣщенія". Его поступокъ (изданіе „Путешествія") всегда казался Пушкину „преступленіемъ, ничѣмъ не извиняемымъ", но все-таки въ Радищевѣ видѣнъ духъ необыкновенный, честность, убѣжденность политическаго фанатика, удивительное самоотверженіе, рыцарская совѣстливость (352). — Какое значеніе имѣютъ нападки на книгу, на ея литературныя достоинства и пр., мы уже видѣли. Признаніе Радищева „представителемъ полупросвѣщенія" тоже очень понятно на ряду съ признаніемъ его преступникомъ: если бы не назвать Радищева полупросвѣщеннымъ, пришлось бы самое просвѣщеніе признавать подозрительнымъ, а мы увидимъ ниже, что всѣ стремленія Пушкина, чуть не съ первыхъ мѣсяцевъ новаго царствованія, были направлены къ тому, чтобы примирить правительство съ идеей просвѣщенія, чтобы разсѣять въ немъ опасный предразсудокъ, что просвѣщеніе ведетъ къ неблагонамѣренности.

Но подъ этими нападками на Радищева мы опять встрѣ-

чаемъ въ существѣ сочувственное къ нему отношеніе. Прежде всего статья начинается эпиграфомъ: Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu [53]). Затѣмъ, кромѣ приведенныхъ уже выше похвалъ честности и искренности Радищева, мы не разъ видимъ, какъ истинное сочувствіе Пушкина пробивается въ различныхъ мѣстахъ. Такъ, въ „Путешествіи", помимо увлеченія и заблужденія молодости, признается отвращеніе отъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды; въ немъ есть, говорится въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большею искренностью и благоволеніемъ. Такимъ образомъ, тутъ Радищевъ упрекается ужъ лишь за форму выраженія [54]), а не за „дерзкія мечтанія". Такой же смыслъ имѣютъ слѣдующія строки: „онъ какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ [55])? Онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной управы; а съ другой, чтобы писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой и преступной?"

---

[53]) „Слова Карамзина въ 1819 году". Вѣроятно, Пушкинъ надѣялся, что имя Карамзина заставитъ цензуру пропустить такой эпиграфъ. Трудно сказать, къ чему могла относиться эта фраза Карамзина. Самъ ли Пушкинъ примѣнилъ ее къ Радищеву, или же и Карамзинымъ она была сказана во время разговора о Радищевѣ? И послѣднее тоже вполнѣ возможно.

[54]) Самъ Пушкинъ признаетъ, что красноречіе было тогда въ модѣ. V, 238.

[55]) Пушкинъ тутъ *намѣренно* упускаетъ изъ виду, что Радищевъ именно и представилъ свой „проектъ въ будущемъ", т.-е. „способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ".

Въ приведенной сейчасъ длинной выпискѣ Пушкинъ высказываетъ убѣжденіе, что правительство должно допускать свободное обсужденіе въ печати общественныхъ вопросовъ, должно выслушивать общественное мнѣніе, дозволять его открытое выраженіе, относиться со вниманіемъ къ законной оппозиціи, къ благонамѣренной [56]) критикѣ, не смѣшивать ее съ бунтомъ, умѣть отличать „Якова Долгорукаго отъ буйнаго стрѣльца“ [57]). Эта мысль, выраженная Пушкинымъ еще въ 1826 году, тоже легла въ основѣ всей дѣятельности нашего поэта въ николаевскую эпоху, какъ увидимъ ниже, въ основѣ его публицистическихъ стремленій.

И во второй статьѣ Пушкинъ, такимъ образомъ осуждая Радищева, вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалъ мысли, въ существѣ сходныя съ мыслями „Путешествія“, т.-е. „невольно соглашался съ искренними мечтаніями“...

Для того, чтобы еще пояснить общій характеръ статьи Пушкина о Радищевѣ, я сдѣлаю одно сравненіе, которое напрашивается само собою. Статьи Пушкина о Радищевѣ во многомъ напоминаютъ слѣдственныя показанія самого Радищева.

Извѣстно, что Радищевъ, посаженный въ крѣпость и „порученный“ Шешковскому, при томъ же больной, былъ во время слѣдствія „суще уторопленъ“, какъ выразилась о немъ Ека-

---

[56]) Не въ смыслѣ современныхъ публицистовъ.

[57]) Ср. В. Стоюнина: Пушкинъ, 368. Проф. Сухомлиновъ вѣрно указываетъ ни общій характеръ статей Пушкина о Радищевѣ, т.-е. сочуствіе къ Радищеву, прикрытое разными фразами изъ цензурныхъ вивдовъ (А. Н. Радищевъ, 111 — 119; „Изслѣдованіи и статьи“ I, 642—655); но при этомъ такой двойственный характеръ статей недостаточно оцѣненъ, такъ что М. И. Сухомлиновъ, какъ мы уже видѣли, вслѣдъ за А. Д. Галаховымъ, подтверждаетъ *строгій* приговоръ Пушкина. Остановимся еще на одномъ обстоятельствѣ. Г. Сухомлиновъ считаетъ несомнѣннымъ, что въ статьѣ о Радищевѣ Пушкинъ мѣтилъ и на Полевого: предположеніе совершенно невѣрное. Пушкинъ могъ нападать и нападалъ на Полевого безо всякихъ ширмъ, ему незачѣмъ было для этого прибѣгать къ имени Радищева. Серіозная работа, положенная имъ на статьи о Радищевѣ, не допускаетъ и мысли о такой скрытной полемикѣ съ Полевымъ; если имя послѣдняго попалось подъ перо Пушкину (въ черновой статьѣ), то это случайность, желаніе охарактеризовать Радищева (какъ онъ его выставлялъ передъ цензурой) извѣстнымъ, готовымъ образомъ.

БИБЛИОТЕКА

терина. Когда въ печати впервые появились свѣдѣнія о слѣдствіи надъ Радищевымъ, во многихъ изданіяхъ были помѣщены статьи, безпощадно нападавшія на слабость и страхъ Радищева во время слѣдствія. Нападки эти далеко не справедливы, произошли отъ односторонняго и поверхностнаго изученія матеріаловъ. Видя гибель, грозящую ему за его сожженную, уничтоженную книгу, Радищевъ отказывается отъ этой книги, называетъ ее пагубною, дерзкою, безумною, преступною и т. д.; но вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчая на отдѣльные вопросы слѣдователей, онъ, отрицаясь отъ своихъ пагубныхъ мыслей, въ то же время невольно ихъ подтверждаетъ: онъ писалъ о бѣдствіи крестьянъ по безумію своему, ибо вѣдаетъ, что крестьяне счастливы, но писаніемъ своимъ онъ думалъ остановить звѣрскихъ помѣщиковъ и т. п. [58]). И Радищевъ въ своихъ показаніяхъ, и Пушкинъ въ своихъ статьяхъ почти въ однихъ выраженіяхъ нападаютъ на „Путешествіе“, эту пустую и преступную книгу, но при этомъ и тамъ, и тутъ все-таки выставляются и утверждаются принципы, „искреннія мечтанія“, заключающіяся въ „Путешествіи“. У Радищева это было невольно, поэтому его легче обличить въ противорѣчіяхъ; Пушкинъ нарочно закрываетъ нападками на Радищева свое сочувствіе къ его идеямъ, поэтому двойственность его статей не бросается въ глаза съ перваго раза.

Въ концѣ-концовъ, при внимательномъ и безпристрастномъ разборѣ статей Пушкина невозможно не признать, что онѣ сочувственно относятся къ идеямъ Радищева, не нападаютъ на нихъ, а скорѣе ихъ проповѣдуютъ.

Но какъ же согласить такой выводъ съ общепринятымъ мнѣніемъ объ ужасной перемѣнѣ, происшедшей въ Пушкинѣ въ царствованіе Николая? У насъ такъ давно и такъ много говорятъ о противоположности въ воззрѣніяхъ Пушкина въ александровскую эпоху съ тѣмъ, что̀ онъ проповѣдовалъ и дѣлалъ во времена николаевскія; не противорѣчитъ ли сдѣланный нами выводъ относительно статей о Радищевѣ извѣстному „благоразумію“ Пушкина въ 30 годахъ? Да, конечно, тутъ важное противорѣчіе, но истина все-таки на сторонѣ нашего

---

[58]) См. Русскую Старину, 1882 г., сентябрь, стр. 480—484.

вывода. Думаю, что при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что перемѣна, происшедшая въ Пушкинѣ послѣ 1825 года, была не такъ крута, состояла не въ томъ, какъ обыкновенно думаютъ. Для полной оцѣнки занимающихъ насъ статей о Радищевѣ, для подтвержденія нашего вывода о нихъ, я позволю себѣ остановить вниманіе читателя и на этомъ вопросѣ. Какая же перемѣна произошла въ Пушкинѣ послѣ 1825 г.?

Находящійся въ опалѣ, сосланный съ 1820 г. на Югъ, а съ 1824 г. въ псковкую деревню, Пушкинъ въ началѣ же новаго царствованія возобновилъ попытку получить прощеніе. На этотъ разъ попытка удается. Пушкинъ привезенъ по Высочайшему повелѣнію въ Москву, представленъ молодому Царю и обласканъ имъ. Онъ получаетъ желаемое прощеніе, пользуется свободой въ выборѣ мѣстожительства, ему обѣщано особое покровительство и т. д. Такое быстрое примиреніе поэта съ предержащею властью, послѣ недавней гибели многихъ его друзей и товарищей, тогда же вызвало нападки на Пушкина, вынужденнаго оправдываться въ этомъ даже передъ „друзьями". Несмотря на всѣ дальнѣйшія невзгоды и притѣсненія, которымъ поэтъ подвергся потомъ, онъ до конца жизни, особенно же послѣ женитьбы и переселенія въ Петербургъ, былъ въ близкихъ (иногда противъ воли) отношеніяхъ къ властямъ, пользовался милостями Царя, получилъ придворное званіе и т. д. Съ одной стороны, сущность и истинныя причины происшедшей въ Пушкинѣ перемѣны были не поняты и не оцѣнены даже друзьями; съ другой— отъ большинства была скрыта неприглядная подкладка въ отношеніяхъ оффиціальнаго міра къ поэту: для большинства была видна только внѣшность, полное почтеніе и послушаніе съ одной стороны, милостивое вниманіе—съ другой. Такая характеристика этихъ отношеній, основанная на внѣшности, а не на сути, по преданію держится до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что къ сохраненію и укрѣпленію ея способствовали еще особыя обстоятельства. Для Пушкина исторія началась слишкомъ рано: неожиданная смерть унесла его въ то время, когда общественный строй, при которомъ онъ жилъ послѣдніе годы, былъ еще въ полной силѣ и продолжалъ потомъ еще долго

существовать и даже развиваться. Условія, стѣснявшія поэта при жизни, прямо отразились и на его посмертной судьбѣ: многія произведенія его попрежнему долго оставались ненапечатанными, а его друзья и біографы должны были волей или неволей подчиняться требованіямъ времени: въ своихъ воспоминаніяхъ и статьяхъ о Пушкинѣ они выставляли на первый планъ опять-таки лишь внѣшнюю сторону дѣла, освѣщали самымъ яркимъ свѣтомъ милости начальства, подчиненіе и раскаяніе поэта, его согласіе съ оффиціальнымъ міромъ, и все это въ преувеличенномъ видѣ. Сущность и дѣйствительный характеръ отношеній между Пушкинымъ и оффиціальнымъ міромъ оставались въ полномъ мракѣ. Да иначе и не могло быть: при тогдашнихъ условіяхъ невозможно было выяснить истинныя отношенія Пушкина къ этому оффиціальному міру. Такимъ характеромъ отличалось и главное собраніе „Матеріаловъ для біографіи Пушкина", составленное П. В. Анненковымъ еще въ царствованіе Николая I. По случайнымъ причинамъ для послѣдующихъ изысканій подлинныя бумаги Пушкина были недоступны, и біографамъ во многомъ невольно пришлось принимать безъ особой провѣрки иныя чисто-николаевскія, такъ сказать, данныя изъ біографіи Пушкина. Напр., Анненковъ, сообщая о планахъ Пушкина издавать газету, вмѣсто общественныхъ стремленій поэта долженъ былъ выставить, какъ главное побужденіе, коммерческіе разсчеты, а неосуществленіе дозволенной газеты объяснить неподготовленностью Пушкина и даже просто забвеніемъ съ его стороны [59]), вмѣсто того, чтобы указать на постоянныя цензурныя препятствія и, наконецъ на прямое запрещеніе издавать газету [60]). Подобныхъ примѣровъ можно бы привести множество. Всѣ дѣйствія начальства по отношенію къ Пушкину выставляются спасительно мудрыми и благодѣтельными, они возбуждаютъ въ поэтѣ большею частью благодарность, даже благоговѣніе и умиленіе и т. д... Какъ

---

[59]) Соч. Пушкина, изд. Анненкова, I. 358 и 359.

[60]) „Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты" (письмо къ женѣ отъ 21 сентября 1835 г.). — „Государь обѣщалъ мнѣ газету, а потомъ запретилъ" (письмо къ ней же 25 сентября того же года). Соч. VII, 382 и 383.—Ср. статью объ „Общественныхъ идеалахъ Пушкина" П. В. Анненкова, В. Европы 1880 г., іюнь.

уже сказано, „Матеріалы“, изданные Анненковымъ въ 1855 году (и безо всякихъ перемѣнъ переизданные въ 1873 г.), долго сохраняли значеніе главнаго источника для біографіи Пушкина, значеніе, не вполнѣ утраченное ими даже доселѣ. Благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ, близорукое осужденіе, высказанное Пушкину еще въ 1826-мъ году, до сихъ поръ держится въ нашей литературѣ рядомъ съ натянутыми оффиціальными похвалами. Личность Пушкина обыкновенно оцѣнивается лишь на основаніи *внѣшнихъ* фактовъ, часто невѣрно переданныхъ и неправильно истолкованныхъ.

Такое отношеніе въ біографіи Пушкина особенно еще поддерживается литераторами, сохранившими взгляды и пріемы прежней эпохи. Въ ихъ глазахъ всякое малѣйшее проявленіе въ Пушкинѣ протеста противъ общепринятаго требуетъ особыхъ извиненій. Смѣшно и странно видѣть, какъ иной авторъ припишетъ Пушкину не принадлежащую даже ему эпиграмму и тутъ же замѣтитъ: Пушкинъ очень уважалъ лицо, осмѣянное въ эпиграммѣ, лишь для шутки; или же: Пушкинъ всю жизнь раскаявался въ этой эпиграммѣ,—хотя для такихъ увѣреній нѣтъ уже ни малѣйшихъ основаній. Всевозможныя „раскаянія“ Пушкина сдѣлались какимъ-то общимъ мѣстомъ.

Хотя матеріалы, изданные за послѣдніе годы, даютъ возможность проникнуть во внутреннюю жизнь Пушкина и заглянуть подъ оффиціальное покрывало отношеній къ нему начальства, но все-таки по данному вопросу сдѣлано еще очень мало; надъ Пушкинымъ продолжаютъ тяготѣть голосословныя обвиненія, ему продолжаютъ воздавать незаслуженныя и подъ часъ обидныя похвалы. Не имѣя въ виду полнаго пересмотра этого вопроса, я попытаюсь открыть, отмѣтить въ общихъ чертахъ истинный смыслъ перемѣны, происшедшей въ Пушкинѣ послѣ 1825 года, не вдаваясь въ подробности, основываясь лишь на данныхъ, заключающихся въ его произведеніяхъ, въ его перепискѣ, а также на нѣкоторыхъ новыхъ указаніяхъ, доселѣ скрывавшихся въ его черновыхъ тетрадяхъ. Для нашей цѣли—подтвердить и окончательно выяснить сдѣланное выше заключеніе относительно статей Пушкина о Радищевѣ — этого будетъ достаточно.

Чтобы вполнѣ понять перемѣну въ Пушкинѣ послѣ 1825 года,

прежде всего необходимо разсмотрѣть его отношеніе къ общественному движенію 20-хъ годовъ, надо прослѣдить нити, связывавшія его съ катастрофой, которая раздѣлила его жизнь на двѣ эпохи.

Извѣстно, что Пушкинъ былъ очень близокъ со многими изъ декабристовъ, но до сихъ поръ его біографы недостаточно еще выяснили степень, значеніе вліянія на него какъ дѣятелей тайныхъ обществъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ передовыхъ людей того времени. Между тѣмъ этомъ разрядъ его знакомствъ заслуживаетъ большаго вниманія, и характеръ вліянія сказанныхъ личностей интересенъ не только для біографіи поэта, но и для исторіи нашего общественнаго развитія.

Пушкинъ никогда самъ не былъ членомъ ни одного изъ многочисленныхъ тайныхъ обществъ, возникшихъ у насъ во вторую половину царствованія Александра I. Но по своимъ личнымъ связямъ онъ стоялъ очень близко ко многимъ изъ видныхъ представителей этихъ обществъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ былъ въ товарищескихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Въ сочиненіяхъ Пушкина остались прямыя указанія на эту связь поэта со многими передовыми дѣятелями. Нѣсколько цитатъ покажутъ намъ истинный характеръ этой связи, ея значеніе въ жизни Пушкина.

Тѣсная дружба сохранялась между большинствомъ лицеистовъ I-го выпуска; но ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей, кромѣ, можетъ быть, Дельвига, Пушкинъ не былъ ближе, чѣмъ съ И. И. Пущинымъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ онъ такъ обращается къ нему:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный...

или:

Товарищъ милый, другъ прямой [61])...

Пушкинъ познакомился съ Пущинымъ на вступительномъ экзаменѣ и затѣмъ скоро сблизился съ нимъ въ лицеѣ, гдѣ ихъ спальни были рядомъ. Пущинъ, очень рано предавшійся

---

[61]) Соч. II, 7 и I, 32.

самому серіозному направленію, еще на лицейской скамьѣ вліялъ благотворно на поэта, впечатлительная и увлекающаяся натура котораго, вѣроятно, не разъ вызывала между ними столкновенія. Самъ Пушкинъ говоритъ, что они „нерѣдко бранились“ съ Пущинымъ, а въ другомъ стихотвореніи еще яснѣе выступаютъ и эти столкновенія, и вліяніе Пущина. Поэтъ, разставаясь съ товарищемъ при выпускѣ, проситъ его такъ [62]):

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья...

Серіозное и благородное направленіе Пущина во всю его жизнь даетъ намъ возможность угадывать, какія свои печали, радости и мечты повѣрялъ онъ Пушкину...

По выходѣ изъ лицея Пущинъ вскорѣ же вступилъ въ „Союзъ Благоденствія“. Несмотря на свою молодость, онъ, по искренности и твердости своего характера, пользовался вліяніемъ и уваженіемъ среди своихъ товарищей по тайному обществу, дѣятельнымъ членомъ котораго онъ сдѣлался. Не входя въ подробности, позволю себѣ напомнить читателю одну характерную черту изъ жизни Пущина.

Сначала Пущинъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи, но потомъ оставилъ военную службу; пренебрегши предстоявшею карьерой, онъ хотѣлъ занять должность квартальнаго надзирателя, чтобы показать, что никакая служба, полезная обществу, не должна считаться унизительною, чтобы подать примѣръ честнаго исполненія обязанности на низшей ступени служебной лѣстницы; при этомъ онъ, конечно, расчитывалъ принести существенную пользу. Семья Пущина испугалась такого рѣшенія, и горячія мольбы родныхъ заставили его нѣсколько уступить: блестящій гвардеецъ обратился въ надворнаго судью уголовнаго департамента въ Москвѣ.

Пущинъ достигъ своей цѣли: его честная, безкорыстная дѣятельность была очень полезна и пріобрѣла всеобщее уваженіе молодому надворному судьѣ. Пущинъ разсказываетъ въ

---

[62]) I, 178.

своихъ запискахъ, какое впечатлѣніе сдѣлала она на Пушкина, а самъ поэтъ такъ обращается къ своему другу:

Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевавъ сочувствье согражданъ [63])...

Подробности объ отношеніяхъ между Пушкинымъ и Пущинымъ разсказаны въ упомянутыхъ запискахъ послѣдняго, представляющихъ драгоцѣнный матеріалъ для біографіи поэта; надо только замѣтить, что скромность автора записокъ недостаточно выдвигаетъ впередъ его вліяніе на Пушкина [64]).

Другимъ близкимъ Пушкину человѣкомъ изъ той же передовой партіи былъ П. Я. Чаадаевъ, къ которому Пушкинъ много разъ обращается въ своихъ стихахъ. Чаадаевъ (и съ нимъ Пушкинъ сблизился еще будучи лицеистомъ) имѣлъ сильное вліяніе и на нравственныя, и на умственныя стремленія поэта. Не буду выписывать извѣстнаго стихотворенія Пушкина, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Чаадаевымъ рѣшается посвятить свою жизнь отчизнѣ и святой вольности и призываетъ „зарю плѣнительнаго счастья“, но изъ другаго не менѣе извѣстнаго посланія къ Чаадаеву изъ Кишинева приведу выдержки, которыя покажутъ, какое серіозное вліяніе на Пушкина имѣлъ Чаадаевъ, — „Брутъ и Периклесъ“, по выраженію другаго стихотворенія [65]). Поэтъ сообщаетъ другу о своихъ занятіяхъ:

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младости утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ...

Онъ обращается къ Чаадаеву съ такими словами:

Ты былъ *цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ,*
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою...

---

[63]) II, 358.

[64]) Записки Пущина съ нѣкоторыми пропусками напечатаны въ „Атенеѣ“ 1858 г.; полный текстъ ихъ данъ теперь въ сборникѣ Л. Н. Майкова.

[65]) I, 180.

Подобно Пущину, Чаадаевъ бывалъ иногда строгимъ руководителемъ поэта:

Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ...

Пушкинъ такъ вспоминаетъ подъ конецъ о своихъ бесѣдахъ съ Чаадаевымъ:

Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры,
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я... (I, 241—243).

Въ одномъ черновомъ стихотворномъ наброскѣ (№ 2370, л. 35) Пушкинъ вспоминаетъ, какъ онъ

Съ моимъ Чадаевымъ читалъ...

Въ Кишиневскихъ запискахъ находимъ такое мѣсто: „Получилъ письмо отъ Чаадаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы, никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье“ [66]).

Вліяніе передовыхъ идей на Пушкина не ограничивалось только ближайшими его друзьями-товарищами. Онъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ братьями Тургеневыми, особенно съ А. И., былъ друженъ съ Бестужевымъ, Рылѣевымъ, А. и Н. Раевскими. Высланный изъ Петербурга, Пушкинъ на югѣ сошелся съ Давыдовыми, М. Орловымъ, Охотниковымъ, М. Пущинымъ, В. Ѳ. Раевскимъ, съ Пестелемъ и многими другими. Позднѣе, въ 1826 году, Пушкинъ самъ заявлялъ Жуковскому, что „былъ въ связи съ большею частью нынѣшнихъ заговорщиковъ“; то же повторяетъ онъ въ письмѣ къ Вяземскому: „я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ“ [67]).

---

[66]) Черновыя тетради, № 2387, л. 33.—Соч. V, 6.
[67]) VII, 173 и 183.

Пушкинъ, какъ мы сейчасъ видѣли, въ посланіи къ Чаадаеву увѣряетъ, что онъ *будетъ счастливъ оживленіемъ вольнолюбивыхъ надеждъ:* эти слова, какъ и всегда въ поэзіи Пушкина, не были пустою фразой, служили выраженіемъ истинныхъ чувствъ поэта. Въ запискахъ декабриста Якушкина заключается разсказъ о встрѣчѣ его въ 1821 году съ Пушкинымъ въ Каменкѣ, имѣніи Давыдовыхъ подъ Кіевомъ: Пушкинъ ужасно желалъ быть принятымъ въ тайное общество; когда отъ него отдѣлались шуткой, онъ со слезами на глазахъ сказалъ: „я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженною, и высокую цѣль предъ собою, и все это была только злая шутка". — Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ, добавляетъ авторъ записокъ.

Какъ объяснить, что Пушкинъ не былъ принятъ никѣмъ въ тайное общество? Вѣроятно, его не принимали, отчасти оберегая геніальнаго поэта, и безъ того своими стихами содѣйствовавшаго цѣли общества — распространенію его принциповъ, отчасти же не довѣряя его подвижному, впечатлительному характеру, его полной разныхъ увлеченій жизни, какъ это прямо высказываетъ и Пущинъ [68]).

---

[68]) Въ запискахъ Пущина разсказывается о томъ, какъ Пушкинъ добивался, чтобы его приняли въ тайное общество. Онъ догадывался, что его другъ принадлежитъ къ заговору, и Пущину нелегко было отдѣлываться отъ его разспросовъ, нелегко было удержаться отъ откровенности. „Я, какъ умѣлъ,—пишетъ Пущинъ,—отдѣлывался, успокаивая его тѣмъ, что онъ лично, безъ всякаго воображаемаго общества, дѣйствуетъ, какъ нельзя лучше для благой цѣли: тогда вездѣ ходили по рукамъ, перечитывались и читались наизусть его *Деревня, Ода на свободу, Ура! въ Россію скачетъ* и другія мелочи въ томъ же духѣ. Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ. Нечего и говорить о разныхъ его выходкахъ, которыя вездѣ повторялись"... При одной встрѣчѣ у Н. И. Тургенева Пушкинъ опять сталъ допрашивать Пущина,—но тотъ опять отговорился. „Глядя на него,—сознается Пущинъ, - я долго думалъ, не долженъ ли я въ самомъ дѣлѣ предложить ему соединиться съ нами"... И потомъ Пущинъ не разъ надъ этимъ задумывался. Юношескія увлеченія двадцатилѣтняго поэта останавливали его друга отъ полной откровенности. „Подчасъ мнѣ опять казалось,—говоритъ Пущинъ,—что можетъ быть тайное общество сокровеннымъ своимъ клеймомъ поможетъ ему повнимательнѣе и построже взглянуть

Кромѣ Пущина, изъ лицеистовъ I-го выпуска въ дѣлѣ тайнаго общества непосредственно участвовалъ еще Вильгельмъ Кюхельбекеръ, который по своему уму и развитію не могъ вліять на Пушкина, но нравственная чистота побужденій и энтузіазмъ котораго, вѣроятно, все-таки производили впечатлѣніе на поэта; во всякомъ случаѣ Пушкинъ очень любилъ своего добраго Кюхлю, несмотря на всѣ свои насмѣшки надъ нимъ, и Кюхельбекеръ представлялъ лишнюю нить, связывавшую его съ заговоромъ, съ катастрофой 14 декабря. Изъ записокъ Пушкина уцѣлѣлъ отрывокъ, гдѣ онъ описываетъ свою трогательную встрѣчу съ Кюхельбекеромъ, уже политическимъ узникомъ, въ 1827 году. Въ черновыхъ тетрадяхъ поэта мы встрѣчаемъ замѣтки, показывающія, что онъ въ разлукѣ вспоминалъ и Пущина, и Кюхельбекера [69]). Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ Пушкинъ выражаетъ радость по случаю смягченія участи „моего бѣднаго Кюхельбекера"... [70]). Посмотримъ, какъ вообще относился Пушкинъ къ дѣятелямъ тайныхъ обществъ послѣ событій 14 декабря.

Онъ не разъ вспоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ о декабристахъ - друзьяхъ. Такъ, въ короткой, но очень прочувствованной пьесѣ на 19 октября 1827 года [71]), поэтъ желаетъ счастія своимъ товарищамъ лицеистамъ, въ томъ числѣ и тѣмъ, которые находятся

И въ мрачныхъ пропастяхъ земли...

т.-е. осужденнымъ на каторгу Пущину и Кюхельбекеру. Къ

на самого себя"... Но Пущинъ такъ и не принялъ поэта въ общество, не рѣшаясь довѣрить ему тайну, принадлежавшую не ему лично. Здѣсь было недовѣріе не къ взглядамъ и убежденіямъ Пушкина, а къ его юношеской неосторожности, къ подвижности его „кипучей природы". Передавая въ своихъ запискахъ впечатлѣніе отъ извѣстія о кончинѣ Пушкина, Пущинъ говоритъ: „Размышляя тогда, и теперь очень часто, о ранней смерти друга, я задавалъ себѣ вопросъ: что было бы съ Пушкинымъ, если бы я привлекъ его въ нашъ союзъ, и если бы пришлось ему испытать жизнь совершенно иную отъ той, которая пала на его долю?" (См. сборникъ Л. Н. Майкова).

[69]) № 2366, л. 33_2, № 2370, 59_1.

[70]) VII, 390.

[71]) II, 23.

Пущину же обращается поэтъ и въ особомъ посланіи, въ которомъ желаетъ, чтобы его голосъ озарилъ заточенье „лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней“. Наконецъ, ко всѣмъ декабристамъ Пушкинъ обратился съ извѣстнымъ „посланіемъ въ Сибирь“ [72]).

Какъ сильно былъ озабоченъ Пушкинъ судьбою декабристовъ, хорошо даетъ понять его переписка, гдѣ онъ не разъ высказываетъ надежду на великодушное прощеніе декабристовъ (Соч. VII, 174, 184, 244), съ нѣжнымъ участіемъ освѣдомляется о судьбѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей (тамъ же, 144, 174, 183, 184), проситъ друзей хлопотать за нихъ, радуется облегченію ихъ участи (тамъ же, 390). Послѣ того какъ до него дошло извѣстіе о казни пятерыхъ изъ обвиненныхъ, онъ пишетъ кн. Вяземскому: „еще-таки я все надѣюсь на коронацію, повѣшенные повѣшаны, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей—ужасна“. Но это равнодушіе къ казненнымъ было только фразой, сказанною, можетъ-быть, для собственнаго успокоенія: какое впечатлѣніе произвела на него казнь людей знакомыхъ, близкихъ, видно изъ того же письма; онъ говоритъ о своемъ прошеніи къ государю: „ты (т.-е. Вяземскій) находишь письмо мое холоднымъ и сухимъ, *иначе и быть невозможно*. Благо написано. *Теперь у меня перо не повернулось бы*“ (VII, 185). Получивъ извѣстіе о казни, Пушкинъ отмѣчаетъ его подъ пьесой на смерть любимой женщины („Элегія“ на смерть г-жи Ризничъ, II, 2). Когда нѣсколько позднѣе Пушкинъ, прощенный и обласканный Николаемъ I, по повелѣнію его написалъ записку „О народномъ воспитаніи“, онъ сказалъ въ ней между прочимъ: „вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ (декабристовъ) успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной“ (V, 43). Но самъ Пушкинъ еще не былъ успокоенъ въ это время, еще не примирился съ гибелью друзей, тревожно останавливаясь мыслью на судьбѣ безвозвратно погибшихъ, на своихъ къ нимъ отношеніяхъ. Въ черновой тетради, рядомъ съ набросками статьи „О народномъ воспитаніи“, находимъ дважды повторенный рисунокъ: на валу крѣпости висѣлица, а на ней пятеро повѣшенныхъ, и тутъ же начата фраза: *и я бы могъ, какъ тутъ на...*, т.-е. и я бы могъ,

---

[72]) II, 7 и 11.

какъ тутъ нарисованные... Онъ мысленно соединялъ свою судьбу съ судьбой казненныхъ [73]). Написанная въ томъ же 1826 году, но нѣсколько ранѣе, піеса „Пророкъ“ первоначально заключалась энергическимъ воззваніемъ:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись,
Иди, *и съ вервіемъ на выи...* [74])

Приведенныхъ указаній довольно, чтобы видѣть, какое глубокое сочувствіе питалъ Пушкинъ къ жертвамъ 14 декабря [75]).

Но намъ могутъ замѣтить, что сочувствіе Пушкина къ дѣятелямъ 14 декабря было дѣломъ только его личныхъ отношеній, его дружескихъ связей, что это сочувствіе очень скоро уступило мѣсто реакціи, охватившей тогда всѣхъ; что Пушкинъ явился во дворецъ не грознымъ обличителемъ съ вервіемъ на выѣ, а въ качествѣ, скорѣе, кающагося, и былъ любезно принятъ и обласканъ государемъ; что затѣмъ, разъ ступивъ на путь реакціи, Пушкинъ уже не сходилъ съ него, что онъ уже съ 26 года порвалъ съ идеями декабристовъ. Такъ, дѣйствительно, обыкновенно представляютъ дѣло, но въ сущности оно было далеко не такъ.

Прежде всего разсмотримъ отношенія Пушкина къ новому правительству въ первое время.

Въ 1824 и 1825 годахъ Пушкинъ, при помощи друзей, дѣлалъ разныя попытки, чтобы освободиться изъ своего заклю-

---

[73]) № 2368, л. 38_1. См. также № 2571, л. 38_1.—Соч. II, 2.

[74]) Соч., изд. 1882, II, 398.—Соч., изданіе Литературн. Фонда, II, 3.

[75]) Слѣдуетъ указать здѣсь еще одну характерную запись въ дневникѣ Пушкина за 1834 г.; подъ 6-мъ марта, читаемъ:

„Царь далъ мнѣ взаймы 20.000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо!

„13-го іюля 1826 года, въ полдень, государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за Кагульскимъ памятникомъ, и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга прибѣжалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ собаку и платокъ и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и, не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фрейлина подняла платокъ въ память историческаго дня“. (Соч., V, 203). Такимъ образомъ, Пушкинъ, получивъ царскую милость, невольно обратился воспоминаніемъ къ дню казни декабристовъ.

ченія. Эти попытки не привели ни къ чему. При воцареніи Николая Пушкину, естественно, пришло въ голову попытаться у новаго правительства получить дозволеніе оставить мѣсто своей ссылки [76]). Онъ списался съ друзьями и потомъ обратился съ письмомъ къ императору, прося освобожденія. Это письмо, какъ мы видѣли, Вяземскій находилъ холоднымъ и сухимъ. Пушкинъ признается въ этомъ и говоритъ: „иначе и быть невозможно". Дѣйствительно, въ его прошеніи на Высочайшее имя мы даже не встрѣчаемъ обычныхъ въ такомъ случаѣ выраженій вѣрноподданическихъ чувствъ, увѣреній въ преданности и пр. Пушкинъ прямо проситъ, по причинѣ болѣзни, о дозволеніи свободнаго выѣзда изъ деревни, обѣщая съ своей стороны не участвовать ни въ какихъ тайныхъ обществахъ и выражая съ истиннымъ раскаяніемъ „твердое намѣреніе не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку" [77]). Поэтъ какъ бы договаривается съ правительствомъ. Пушкинъ дѣйствительно такъ и смотрѣлъ на это, какъ на договоръ; онъ пишетъ Жуковскому: „теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; *съ нимъ я готовъ условливаться* (буде условія необходимы): но вамъ (т.-е. друзьямъ Пушкина) рѣшительно говорю не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc." [78]). Во всемъ дѣлѣ объ освобожденіи изъ деревни, и въ прошеніи, и въ перепискѣ нѣтъ и тѣни униженія и ласкательства передъ властью.

„Холодное и сухое" прошеніе и ходатайство друзей имѣли успѣхъ: Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву къ Николаю I, послѣ чего получилъ свободу. Конечно, онъ не явился во дворецъ пророкомъ-обличителемъ, но все, что̀ мы знаемъ объ этомъ свиданіи, показываетъ, что поэтъ и тутъ сохранилъ откровенную независимость; такъ, онъ прямо сказалъ царю, что, будь онъ 14 декабря въ Петербургѣ, онъ былъ бы въ рядахъ бунтовщиковъ.

---

[76]) Онъ писалъ Жуковскому въ началѣ 1826 года: кажется, можно сказать царю: ваше величество, если Пушкинъ не замѣшанъ (т.-е. въ заговорѣ), то нельзя ли наконецъ позволить ему воротиться? VII, 173.

[77]) VII, 177.

[78]) VII, 173.

Вотъ каковъ характеръ первыхъ отношеній Пушкина къ императору Николаю I-му.

Пушкинъ заключилъ договоръ съ правительствомъ на основаніи, которое онъ ясно выражаетъ въ письмѣ къ Жуковскому: „каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости“ [79]). Это положеніе, въ измѣненномъ видѣ, сдѣлалось съ этихъ поръ общимъ принципомъ всей дѣятельности Пушкина до конца жизни. Этотъ „договоръ“ не былъ для Пушкина дѣломъ чисто-личнымъ, не означалъ того: оставь меня въ покоѣ, и я тебя не трону; нѣтъ, въ основѣ его лежало сознаніе общаго начала, которое можетъ быть приблизительно охарактеризовано современнымъ французскимъ терминомъ: *оппортюнизмъ* (употребляю, конечно, это слово въ благородномъ его значеніи).

Между стихотвореніями Пушкина, представляющими его отношеніе къ происшествію 14 декабря, есть одно, о которомъ я еще не упомянулъ: это—„Аріонъ“. Аллегорически, въ поэтической картинѣ изобразилъ Пушкинъ, въ немногихъ строкахъ, вкратцѣ всю исторію своихъ отношеній къ заговорщикамъ, ихъ судьбу и свое послѣдующее одиночество:

Насъ [80]) было много на челнѣ,
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я—безпечной вѣры полнъ,
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!

---

[79]) VII, 177.

[80]) Въ черновой рукописи Пушкинъ хотѣлъ было замѣнить вездѣ первое лицо третьимъ: Ихъ было много на челнѣ и т. д. Стихотвореніе это было напечатано впервые въ Литературной Газетѣ 1830 года и потому въ изданіяхъ сочиненій Пушкина относится къ 1830 году, но черновая рукопись (№ 2367, 36) даетъ, кажется, право относить его къ 1827 году.—Соч. VI, 15 и 16.

Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Несмотря на аллегорію, картина по отношенію къ Пушкину вполнѣ вѣрна истинѣ. Онъ былъ только пѣвцомъ тѣхъ идей, которыя лежали въ основѣ общественнаго движенія 20-хъ годовъ и дѣятельности тайныхъ обществъ. Катастрофа 14 декабря поглотила передовыхъ дѣятелей, пѣвецъ же уцѣлѣлъ, буря случайно его пощадила. Но мало того, спасшійся пѣвѣцъ „гимны прежніе поетъ", хотя не пускаетъ, не можетъ пуститься въ открытое море... [81]). И въ этомъ окончаніи пьесы, по моему мнѣнію, тоже вѣрно представлена судьба Пушкина. Спасенный рокомъ отъ гибели съ декабристами, онъ сохранилъ убѣжденія, идеи, которыя онъ „пѣлъ" раньше, которыя были воспитаны въ немъ его дружескими связями, его знакомствами. Онъ остался одинъ (или почти одинъ) послѣ бури; если бы онъ, одинъ пловецъ, кинулся снова въ море, оно поглотило бы и его, и его гимны; его идеи погибли бы съ нимъ; вотъ объ этомъ-то онъ и говоритъ въ приведенномъ выше письмѣ Жуковскому: „безумно противорѣчить необходимости". Онъ избираетъ другой путь, онъ заключаетъ договоръ, по которому вовсе не отказывается отъ своихъ взглядовъ („какой бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный"), а только обѣщается не выставлять свои взгляды прямо въ противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ. Пушкинъ остался какъ бы наслѣдникомъ, единственнымъ, главнымъ представителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ, и чтобы охранить ихъ, этотъ, такъ сказать, грузъ, спасенный имъ изъ погибшаго челна, онъ рѣшилъ не

---

[81]) Въ черновыхъ тетрадяхъ находимъ еще набросокъ, тоже на тему спасенія отъ бури, № 2368, 21_1 (Соч. II, 26):

Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный провидѣньемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ...

ставить ихъ въ рѣзкое противорѣчіе съ побѣдившимъ строемъ, выставлять и проводить ихъ, насколько возможно, при „общепринятомъ порядкѣ“. Этимъ объясняется вся его общественная дѣятельность въ царствованіе Николая.

Пушкинъ былъ глубоко, искренне проникнутъ общественными идеями 20-хъ годовъ; судьба его спасла отъ участія въ тайныхъ обществахъ и въ возстаніи, но мы не можемъ сомнѣваться въ искренности его словъ передъ императоромъ: будь онъ 14 декабря 1825 года въ Петербургѣ, онъ принялъ бы участіе въ возстаніи. Но ссылка сохранила поэта отъ этого, онъ остался въ сторонѣ отъ катастрофы, которая тѣмъ не менѣе произвела на него глубокое впечатлѣніе. Она сразу открыла ему планъ его будущихъ дѣйствій, выяснила ему тѣ средства, которыми отнынѣ онъ могъ поддерживать и распространять идеи, завѣщанныя ему погибшими товарищами. Въ поэзіи Пушкина, рядомъ съ поэтическимъ увлеченіемъ, постоянно проявляется его высокій умъ; то же было и въ жизни: рядомъ съ увлеченіями, Пушкинъ, какъ не разъ доказалъ это, былъ способенъ на самую хладнокровную и всестороннюю оцѣнку положенія. Благодаря этому свойству, благодаря своему свѣтлому уму, онъ сразу, почти въ минуту катастрофы, понялъ роль, которая ему предстояла впредь. Его общественныя идеи въ сущности остались тѣ же, но онъ, для ихъ распространенія и осуществленія въ предѣлахъ возможнаго, впредь долженъ употреблять уже другія средства. Поэтому-то въ письмахъ къ друзьямъ въ 1826 году Пушкинъ уже высказывается противъ „бунта и революціи“ [82]). Онъ видитъ, что революція не удалась, понимаетъ, что повтореніе ея невозможно и нежелательно, онъ считаетъ необходимыми другія, мирныя, дозволенныя средства. Эту мысль мы встрѣчаемъ ясно выраженною въ статьѣ о Радищевѣ; но то же самое Пушкинъ высказалъ еще раньше, въ упомянутой выше запискѣ „о народномъ воспитаніи“: „должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ; съ другой — необъятную силу прави-

---

[82]) VII, 174 и 183.

тельства, основанную на силѣ вещей“ [83]). Пушкинъ и хочетъ дѣйствовать не противъ силы вещей, не противъ правительства, а *по возможности* съ нимъ, черезъ него. Онъ желалъ бы просвѣщеннаго правительства, желалъ бы, чтобы правительство содѣйствовало просвѣщенію. Этотъ-то принципъ онъ и клалъ въ основу своего договора съ правительствомъ. Онъ писалъ Дельвигу: „какъ бы то ни было, я желалъ бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ и, конечно, это ни отъ кого, *кромѣ его*, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, чѣмъ гордости съ моей стороны“. Но онъ ставитъ примиреніе въ зависимость отъ образа дѣйствій правительства: въ этомъ все дѣло.

Катастрофа 1825 года имѣла громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ нашего общественнаго развитія. Лучшіе, передовые люди были вырваны, исключены изъ общества. Въ высшемъ кругу, къ которому они принадлежали, не осталось, не могло остаться ихъ преемниковъ; тѣ немногіе изъ нихъ, которыхъ буря пощадила, должны были стушеваться при новомъ порядкѣ, отойти на задній планъ, уступить мѣсто людямъ другого направленія, другихъ цѣлей; достаточно прочесть тѣ или другіе мемуары николаевскаго времени, чтобы видѣть, какой духъ, какой характеръ имѣло тогда въ общемъ наше высшее общество. Не обошлось, конечно, и безъ ренегатовъ, и ренегатство, можетъ быть, началось еще до катастрофы. Но какъ бы то ни было, умственная жизнь, общественная мысль не были, не могли быть убиты; онѣ примолкли, затихли на время и, начиная съ тридцатыхъ годовъ, стали проявляться въ другомъ кружкѣ русскаго общества. Въ прежнемъ же кружкѣ, продолжавшемъ еще въ значительной степени владѣть литературой, одинъ Пушкинъ остался выразителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ. Его серіозныя усилія были устремлены къ тому, чтобы выразить эти идеи, не остановясь въ полное противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ. Конечно, ему это не всегда удавалось; двойная или тройная цензура, тяготѣвшая надъ нимъ, часто задерживала и стихи его, и прозу (какъ были, напр., задержаны

---

[83]) V, 43.

статьи его о Радищевѣ); но мы видимъ его постоянныя стремленія создать серіозный органъ журналистики; органъ общественной жизни, его попытки создать публицистику въ настоящемъ смыслѣ, его попытки высказаться по важнѣйшимъ вопросамъ внутренней жизни. Мысль о политическомъ журналѣ была тоже наслѣдована Пушкинымъ отъ своихъ друзей 20-хъ годовъ. Михаилъ Орловъ дѣлалъ въ „Арзамасѣ" предложенія о такомъ изданіи. Подобный планъ былъ и у Николая Тургенева, и мы имѣемъ прямое извѣстіе, какъ Пушкинъ обрадовался возможности быть сотрудникомъ въ предположенномъ изданіи. Эти стремленія Пушкинъ и перенесъ въ свою послѣдующую дѣятельность. Повторяю, Пушкинъ долго и упорно добивался участія въ серіозномъ журналѣ; онъ хлопоталъ о разрѣшеніи ему издавать газету и усердно принялся за изданіе „Современника". На эти его хлопоты и заботы, на его планы и надежды много указаній въ его перепискѣ, а также въ его черновыхъ тетрадяхъ [84]). Вопросъ этотъ подробно разобранъ въ упомянутой же статьѣ П. В. Анненкова объ „Общественныхъ идеалахъ Пушкина", но только въ ней односторонне поняты убѣжденія и стремленія Пушкина: онъ вовсе не былъ теоретикомъ общепризнаннаго порядка, не проповѣдовалъ исключительно консервативный аристократизмъ и т. д.; нѣтъ, онъ просто старался установить съ правительствомъ извѣстный modus vivendi и не только ради себя, но и ради публичнаго выраженія своихъ идей. Въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи В. Я. Стоюнина о Пушкинѣ вѣрно оцѣнены стремленія поэта къ журнальной дѣятельности.

Какое высокое значеніе придавалъ Пушкинъ печатной гласности, какъ хорошо понималъ онъ ее силу, показываютъ слѣдующія строки въ одномъ черновомъ наброскѣ. „Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подаютъ они поводъ, суть важный шагъ въ гласности преній о дѣйствіяхъ общественныхъ лицъ (hommes publics), къ *одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ;* въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе

---

[84]) VII, 146, 181, 187. 223 и др.; № 2386 А. 15, Б. 10; 2373, 25_1 (Соч. VII, 278—280).

наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу. Такимъ образомъ дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди всѣхъ набѣговъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла. Такимъ образомъ и возрастаетъ *могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота нравовъ*"... [85])

И Пушкинъ до конца жизни продолжалъ „набѣги просвѣщенія, приступы образованности", подвергаясь всѣмъ невзгодамъ и опасностямъ ремесла, печально любуясь на „благородныя раны" своихъ статей (употребляю его выраженіе изъ письма къ Д. Давыдову [86]), безъ малодушія перенося гибель своихъ плановъ... Для того, чтобы проводить въ литературѣ свои взгляды, т.-е. взгляды 20 годовъ, Пушкину пришлось прибѣгать къ *иносказательному языку:* мы уже видѣли хорошій примѣръ такого иносказанія, такого писанія между строкъ, закрытія истиннаго смысла—въ статьяхъ о Радищевѣ; можно бы привести еще примѣры, но только все въ прозѣ, въ журнальныхъ статьяхъ: въ стихахъ, всегда выливавшихся у Пушкина изъ души, онъ не могъ употреблять „эзопскій языкъ" [87]).

Повторяю, въ „*оппортюнизмѣ*" весь смыслъ общественной дѣятельности Пушкина при Николаѣ. Общія его идеи *тѣ же*, но взглядъ на средства для ихъ проведенія *другой*. Поэтому, съ одной стороны разглагольствованія о перемѣнѣ въ Пушкинѣ невѣрны, т.-е. перемѣна неправильно понимается: Пушкинъ не измѣнилъ своимъ основнымъ взглядамъ; съ другой стороны, перемѣна все-таки большая: пѣвецъ свободы уже не считаетъ возможнымъ воспѣвать ее открыто, долженъ маскировать свою любовь къ ней, долженъ, напр., прибѣгать къ иносказаніямъ, чтобы высказаться противъ крѣпостного права, которое раньше онъ прямо и съ такою энергіей осудилъ въ своей извѣстной „Деревнѣ". Причины и характеръ этого из-

---

85) См. № 387, А. 39_2.—Соч. V, 120.

86) № 2386, В. 75_2.-Соч. VII, 405.

87) Другое дѣло *поэтическая* аллегорія, какъ напр., въ Аріонѣ.

мѣненія указаны уже. Самъ Пушкинъ не разъ отмѣчаетъ происшедшую въ немъ перемѣну. Такъ, въ декабрѣ 1835 года онъ пишетъ П. А. Осиповой: „Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, â commencer par mes propres idées, me situation, etc. etc.“ [88]). Ту же мысль поэтъ повторяетъ черезъ годъ въ своей послѣдней лицейской годовщинѣ: сравнивая прежнее веселіе ихъ праздника съ болѣе грустнымъ настроеніемъ, господствовавшимъ между ними въ 1836 году, онъ прибавляетъ:

Не даромъ, нѣтъ, промчались четверть вѣка;
Не сѣтуйте, таковъ судьбы законъ:
Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Въ статьѣ „Ал. Радищевъ“ Пушкинъ еще ближе подходитъ къ перемѣнѣ, въ немъ самомъ происшедшей. „Время измѣняетъ человѣка какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ иль съ улыбкой отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лицо, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ“.

Но Пушкинъ сохранялъ возможную связь съ общественными идеалами своей юности, откинувъ только „моложавость мыслей“, и отлично понималъ это, вполнѣ сознавалъ единство своихъ взглядовъ, что̀ и высказалось въ „Памятникѣ“ [89]).

Выше было упомянуто о внѣшнемъ характерѣ женатой, петербургской жизни Пушкина. Объяснивши внутреннюю сто-

---

[88]) VII, 390. Когда я подумаю, что 10 лѣтъ прошло послѣ этихъ несчастныхъ смутъ (т.-е. 14 декабря 1825 г. и пр.), мнѣ представляется, что я видѣлъ сонъ. Сколько происшествій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ идей, съ моего положенія и пр., и пр.

[89]) Юный Пушкинъ воспѣвалъ „дней Александровыхъ прекрасное начало“. Прошло 10 лѣтъ, и въ апрѣлѣ 1834 г. Пушкинъ заноситъ въ дневникъ свой разговоръ со Сперанскимъ: „Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра...“—Соч., V, 204.

рону его жизни за это время, намъ незачѣмъ уже долго останавливаться на объясненіи ея внѣшнихъ особенностей. Мы можемъ тутъ допустить, что, живя въ Петербургѣ и нуждаясь въ большихъ средствахъ для содержанія семьи, Пушкинъ прибѣгалъ къ такимъ милостямъ правительства, къ которымъ иначе онъ, конечно, не обратился бы. Но если въ Одессѣ, какъ онъ выражался въ письмѣ къ Казначееву, онъ могъ смотрѣть на свое жалованіе, какъ на арестантскій паекъ ссыльнаго, то онъ могъ требовать подобнаго же пайка и въ Петербургѣ, гдѣ онъ тоже былъ почти арестантомъ, гдѣ его насильно удерживали. Опубликованные отрывки изъ дневника Пушкина, и особенно его письма къ женѣ, уничтожили легенду о заискиваніяхъ Пушкина въ высшемъ кругѣ, о его тщеславіи камеръ-юнкерствомъ и т. д. Мы знаемъ теперь, что Пушкинъ постоянно желалъ оставить Петербургъ, пытался вырваться изъ душной атмосферы петербургскихъ салоновъ, но былъ насильно удерживаемъ начальствомъ; мы теперь знаемъ, что онъ нисколько не тщеславился, а, напротивъ, тяготился своимъ придворнымъ званіемъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ теперь хорошо извѣстно, какія цензурныя преслѣдованія и полицейскія стѣсненія выносилъ Пушкинъ послѣ того, какъ былъ прощенъ, освобожденъ, избавленъ отъ цензуры [90]. Для насъ уже не могутъ быть убѣдительны все еще повторяющіяся похвалы благодѣяніямъ, которыми былъ будто бы осыпанъ Пушкинъ [91].

Изслѣдователи, разбирающіе подробнѣе николаевскіе взгляды Пушкина, особенно отмѣчаютъ его проповѣдь о значеніи аристократическаго элемента, о значеніи дворянства. Эта черта не представляетъ отличія отъ взглядовъ поэта въ александровскую эпоху: аристократическія понятія были уже у Пушкина и тогда. Происхожденія они сложнаго: въ немъ участвовала и личная судьба, личное положеніе, отчасти же вліяніе Байрона, наконецъ тѣ аристократическія теоріи, которыя Пушкинъ встрѣчалъ у нѣкоторыхъ представителей обществен-

---

[90]) Черновыя тетради поэта прибавили новыя характерныя данныя по этому вопросу. См. № 2371, листы 21_1, и 23_1.—Соч. VII, 257.

[91]) См., напр., рѣчь г. Бартенева на Пушкинскомъ праздникѣ, Рус. Архивъ, 1880 г., II, стр. 487.

наго движенія 20-хъ годовъ (извѣстно, что тогда былъ составляемъ проектъ конституціи съ широкою ролью аристократіи). Эти сложные элементы аристократическихъ взглядовъ Пушкина продолжали существовать и въ николаевскую эпоху, при чемъ вліяніе личной судьбы, вліяніе столкновеній съ *новою* знатью опять усилилось при переселеніи въ Петербургъ. Отзывы Пушкина о новой знати дошли до насъ въ „Родословной моего героя“ и въ „Моей родословной“; въ прозѣ мы тоже не разъ встрѣчаемъ выраженіе взглядовъ Пушкина по этому вопросу, а нѣсколько новыхъ важныхъ указаній находимъ въ черновыхъ тетрадяхъ [92]. Но не надо придавать чрезмѣрнаго значенія этой сторонѣ убѣжденій Пушкина, который не доводилъ своего взгляда до крайности: онъ вступался за униженные историческіе роды, уничтоженіе ихъ онъ считалъ вреднымъ, видя, что ихъ часто затираютъ вовсе не истинныя заслуги; Пушкинъ вовсе не стоялъ на точкѣ зрѣнія безусловной дворянской гордости, что̀ видно, напр., изъ слѣдующей фразы: „имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ-быть, всѣ наши старинныя родословныя, но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами“? [93]) Но какъ бы то ни было, вопросъ о роли дворянства не представляетъ ничего характернаго для взглядовъ Пушкина въ николаевскую эпоху, его отношеніе къ этому вопросу сложилось еще въ царствованіе Александра и совпадало съ однимъ изъ теченій въ либеральномъ движеніи той эпохи.

Если даже допустить, что подъ бременемъ семейныхъ обстоятельствъ, денежной нужды, съ годами въ Пушкинѣ произошла нѣкоторая перемѣна помимо принциповъ или въ ущербъ имъ, то въ общемъ Пушкинъ, какъ мы уже видѣли, сохранилъ несомнѣнно крѣпкую связь съ принципами 20-хъ годовъ, единеніе съ ихъ идеалами. И это единеніе имѣло важное общественное значеніе. Пушкинъ, сохранивъ идеалы 20-хъ годовъ, оживлялъ ими, по возможности, николаевскую литературу, поддерживалъ, распространялъ ихъ. Онъ много послу-

---

[92]) № 2372, 44; № 2374, 24; № 2375, 31; № 2382, 75; № 2387, Б, 28_1 и 38.—Соч. V, 83; IV, 364; V, 96, 116—117.

[93]) № 2387, Б. 59_2.—Соч. V, 118.

жилъ передачѣ ихъ дальше. Его жизненное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ дало ему возможность понимать зарожденіе новаго общественнаго движенія: въ статьѣ, называемой „Мысли на дорогѣ“, находится замѣчательная оцѣнка молодого московскаго кружка [94]). Пушкинъ сближался съ членами этого кружка, иногда „тихонько отъ наблюдателей“ [95]).

Сказаннаго объ общественныхъ стремленіяхъ, объ общественной дѣятельности Пушкина при Николаѣ I, совершенно достаточно для общей ихъ оцѣнки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для нашей задачи, для оцѣнки и пониманія статей Пушкина о Радищевѣ: цѣль статей—проповѣдь передовыхъ идей; форма ихъ, внѣшнія нападки на Радищева,—средство для возможности проповѣди, иносказаніе, „эзопскій языкъ“ [96]).

Выше уже замѣчено, что нельзя осуждать Пушкина, какъ и русскаго литератора вообще, за употребленіе иносказаній; но на Пушкинѣ лежитъ другое обвиненіе: онъ, увѣряютъ, переходилъ мѣру, льстилъ властямъ, потакалъ господствовавшимъ оффиціальнымъ возрѣніямъ. Такъ ли это?

Уликами для обвиненія служатъ нѣсколько стихотвореній [97]), на оцѣнкѣ которыхъ мы и остановимся. Къ этимъ стихотвореніямъ принадлежитъ: 1) піесы, восхваляющія Николая I, и 2) піесы по польскому вопросу. Что касается до послѣднихъ, то „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“ признаны достаточными уликами для обвиненія Пушкина безо всякаго снисхожденія: въ этихъ піесахъ обыкновенно видятъ не-

---

[94]) V, 220.

[95]) VII, 405.

[96]) Въ наброскѣ о Карамзинѣ (1826 г.) Пушкинъ самъ указываетъ на то, что русскому писателю иногда необходимо прибѣгать къ *иносказаніямъ:* „молодые якобинцы негодовали: нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыя вѣрнымъ разсказомъ событій, казались имъ верхомъ варварства и униженія. Они забывали, что Карамзинъ печаталъ исторію свою въ Россіи“. № 2387, А. 51, см. V, 41.

[97]) „*Заказныя* стихотворенія Пушкина“, какъ выражается совершенно несправедливо одинъ извѣстный критикъ: у Пушкина нѣтъ *заказныхъ* стихотвореній, если не разумѣть подъ этимъ піесы „къ принцу Оранскому“ или еще, пожалуй, „На лирѣ скромной, благородной“... (I, 137 и 208); но критикъ, конечно, не ихъ разумѣетъ.

простительное потворство оффиціальному міру, непозволительное прихлебательство передъ властью-побѣдительницей, непозволительную насмѣшку надъ побѣжденными. Такую оцѣнку выставляютъ не только позднѣйшіе критики: мы знаемъ, что напр., кн. Вяземскій тогда же возмущался этими піесами, какъ и однородными произведеніями Жуковскаго. Но черновыя тетради Пушкина даютъ намъ матеріалъ если не для полнаго оправданія, то для защиты поэта отъ главной части обвиненія. Въ нихъ мы находимъ черновое посланіе къ графу О**, относящееся къ 1824 году; здѣсь не только выражены чувства, вполнѣ враждебныя полякамъ, но есть прямо стихи, повторенные позднѣе въ посланіи къ „Клеветникамъ Россіи". Въ другой черновой тетради (1828 года) находимъ эпиграмму на поляковъ [98]). Такимъ образомъ, взглядъ Пушкина на поляковъ и на польскій вопросъ сложился еще задолго до возстанія, и чувства, выраженныя въ піесахъ „Клеветникамъ Россіи" и „Бородинская годовщина", не были потворствомъ оффиціальнымъ сферамъ. Правъ ли Пушкинъ въ своемъ отношеніи къ польскому вопросу, это другое дѣло, но во всякомъ случаѣ съ него надо снять обвиненія въ прислуживаніи передъ властью. Взгляды Пушкина на польскія дѣла должны быть разбираемы въ общей связи со всѣмъ ходомъ польскаго вопроса въ нашей литературѣ [99]).

Не менѣе безусловно обвиняется Пушкинъ въ лести Николаю I и, можетъ-быть, еще несправедливѣе. Обыкновенно стансы „Въ надеждѣ славы и добра" считаютъ началомъ, или, вѣрнѣе, признакомъ измѣны Пушкина прежнимъ взглядамъ, началомъ его подслуживанія передъ властью. Мы уже видѣли, что Пушкинъ не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, что онъ только измѣнилъ свое отношеніе къ практическому примѣненію ихъ, къ средствамъ; мы видѣли, что эта перемѣна, вполнѣ искренняя, совершилась очень быстро: зная, что жалкіе остатки либеральной партіи не могутъ дѣйствовать противъ „необъ-

---

[98]) См. № 2370, 32 и № 2371, 99.—Соч. I, 334. Припомнимъ еще „Характеристику": „Не вѣрю чести игрока"—1830 года, II, 91.

[99]) См. статью А. Н. Пыпина: Польскій вопросъ въ русской литературѣ Вѣстн. Европы 1880 г., февр.; см. также В. Я. Стоюнина, Пушкинъ, 358 слѣд.

ятной силы“ правительства, Пушкинъ рѣшилъ, что надо дѣйствовать черезъ правительство, черезъ него проводить идеи просвѣщенія, идеи прогресса, стараться вызвать въ правительствѣ сочувствіе къ просвѣщенію и т. д. Въ разбираемыхъ стансахъ только и выразился такой взглядъ: Пушкинъ высказываетъ въ нихъ свои pia desideria, основанія для которыхъ онъ, можетъ-быть, имѣлъ право видѣть въ отношеніи къ нему новаго правительства. Пушкинъ ждетъ отъ будущаго много добраго для Россіи, такъ какъ онъ надѣется, что новый царь будетъ походить на Петра Великаго, который умѣлъ отличить Як. Долгорукова отъ буйнаго стрѣльца, т.-е., наказывая открытое возстаніе, допускалъ и одобрялъ законную оппозицію, который не боялся просвѣщенія, любилъ и понималъ родину и былъ вѣчнымъ работникомъ на пользу ея; новый царь долженъ подражать пращуру во всемъ... Для оцѣнки этого стихотворенія всего важнѣе выяснить въ немъ отношеніе Пушкина къ декабристамъ. Поэтъ приравниваетъ ихъ буйнымъ стрѣльцамъ... Вотъ, говорятъ, какъ быстро измѣнилось его отношеніе къ прежнимъ товарищамъ! Нѣтъ, мы знаемъ, что сочувствіе и идеи Пушкина не измѣнились, мы знаемъ, что за нѣсколько дней до стансовъ онъ написалъ посланіе къ Пущину, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ посланіе въ Сибирь. При этомъ мы не должны видѣть въ стансахъ грубую лесть противъ убѣжденія. Для правильной оцѣнки стансовъ надо стать на историческую точку зрѣнія, надо припомнить все, что было выше сказано о происхожденіи и значеніи Пушкинскаго „оппортюнизма“. Пушкинъ желаетъ дѣйствовать съ правительствомъ, для этого оно должно быть просвѣщенно, и онъ старается выяснить обязанности правительства по отношенію къ просвѣщенію, указать ему, что, несмотря на все происшедшее, оно можетъ, оно должно быть за прогрессъ и за реформы. Правительство побѣдило, раздавило вооруженное возстаніе, но, слѣдуя, примѣру Петра, оно должно теперь итти по пути преобразованія, допускать свободную оппозицію, нужную для выясненія истины и потребностей народа. Таковъ былъ смыслъ стансовъ, смыслъ самый благородный; тутъ не лесть, а высокое наставленіе для новой власти [100]).

[100]) II, 7.

Какъ извѣстно, стансы эти тогда же вызвали упреки Пушкину въ лести и въ подслуживаніи. Онъ оправдывался въ другой пьесѣ: „Нѣтъ, я не льстецъ“... [101]) Искренность вообще составляетъ отличіе поэзіи Пушкина, но данная пьеса проникнута особеннымъ чувствомъ. Видно, что несправедливые упреки въ льстивомъ ласкательствѣ были тяжелы бѣдному поэту; онъ подвергся этимъ упрекамъ даже отъ друзей, не понимавшихъ его новаго направленія, и къ такимъ-то друзьямъ написана эта прекрасная пьеса. Объясняя имъ общія и личныя причины, заставляющія его хвалить молодого царя, поэтъ затѣмъ въ въ энергическихъ выраженіяхъ еще разъ отвергаетъ упрекъ въ лести и дѣлаетъ вѣрную и рѣзкую характеристику льстецовъ, которые внушаютъ власти крутыя мѣры и возстановляютъ ее *противъ просвѣщенія,* а это можетъ *накликать на царя горе:* мы видѣли, что въ стансахъ поэтъ вызываетъ въ царѣ именно милость и любовь къ просвѣщенію.

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу!...

И это стихотвореніе, содержащее опять похвалы честности и милости царя, снова вызвало совершенно несправедливые упреки въ лести. А между тѣмъ оно настолько далеко было отъ всякой лести, что Императоръ, выразивъ Пушкину одобреніе, вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ печатать стихотвореніе. Это очень характерно: произведенія Пушкина, которыя служатъ поводомъ къ обвиненію его въ лести, въ измѣнѣ либеральнымъ идеямъ, въ проповѣди оффиціальнаго консерватизма, не дозволяются правительствомъ къ печати; такъ мы это видѣли на статьяхъ о Радищевѣ, такъ было не дозволено посланіе „Друзьямъ“; или еще: такъ за свою записку „О народномъ воспитаніи“, тоже сильно осуждаемую съ той же точки зрѣнія, Пушкинъ получилъ строгій выговоръ. Къ этимъ статьямъ можетъ быть приложена фраза самого Пушкина, сказанная имъ по поводу драмы „Борисъ Годуновъ“: „хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ

---

[101]) II, 28.

колпакъ юродиваго: торчатъ!“ [102]) Эти случаи ясно доказываютъ, какъ нужна историческая точка зрѣнія при оцѣнкѣ лицъ и произведеній, болѣе или менѣе отъ насъ отдаленныхъ.

Къ восхваленіямъ Николая I относится еще піеса „Герой“, но на ней долго останавливаться нечего, такъ какъ Пушкинъ напечаталъ ее подъ строжайшимъ инкогнито, и его авторство открылось лишь послѣ его смерти; затѣмъ въ этой піесѣ онъ требуетъ только, чтобы у героя было *сердце*... Написана же піеса по поводу посѣщенія Николаемъ I холерной Москвы; этотъ поступокъ вызвалъ въ Пушкинѣ искренній энтузіазмъ [103]). Припомнимъ, какъ въ 1884 году даже оппозиціонная пресса расточала всяческія похвалы королю Гумберту, посѣтившему холерный Неаполь.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Ал. Бестужеву [104]) Пушкинъ дѣлаетъ общую оцѣнку русской литературы, ему предшествовавшей, и находитъ въ ней важную и почтенную черту: полное отсутствіе рабскаго униженія, отсутствіе лести. Если эту характеристику, къ сожалѣнію, теперь нельзя уже примѣнить къ русской литературѣ, то во всякомъ случаѣ произведенія Пушкина выдерживаютъ тотъ же характеръ: обвиненіе въ ласкательствѣ несправедливо. И въ стихахъ, и въ прозѣ Пушкинъ довольно часто отзывается съ похвалой о дѣятельности правительства, но, откинувъ иносказанія (въ прозѣ), какой смыслъ всѣхъ этихъ похвалъ? Пушкинъ всегда выставляетъ идею просвѣщенія, какъ главную основу правительственной дѣятельности, отчасти въ видѣ требованія, отчасти какъ дѣйствительность. Онъ желаетъ, чтобы правительство было просвѣщенно, онъ привѣтствуетъ то немногое изъ правительтсвенныхъ дѣйствій, что было достойно похвалы въ этомъ отношеніи; онъ постоянно твердитъ о просвѣщеніи, онъ старается навязать, натвердить правительству идею просвѣщенія. Вотъ истинный смыслъ его похвалъ правительству.

---

[102]) Письмо къ Вяземскому; VII, 160.

[103]) Въ черновой статьѣ о Радищевѣ (№ 2385) читаемъ: „Нынѣ царствующій императоръ чаще другихъ удостоиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ его въ концѣ 1830 года, во время заразы, принадлежитъ будущему историку“.

[104]) VII, 127.

Еще въ своей запискѣ о народномъ воспитаніи Пушкинъ прямо выставляетъ просвѣщеніе, какъ единственную гарантію государственнаго спокойствія и благосостоянія. Въ черновой статьѣ о Радищевѣ мы находимъ слѣдующее мѣсто: „нельзя не замѣтить, что со времени возведенія Романовыхъ, отъ Михаила Ѳеодоровича до Николая I, правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно. *Вотъ что составляетъ силу нашего самодержавія*". Тутъ идея просвѣщенія кладется въ основу силы правительства, въ основу силы самаго принципа самодержавія.

Хотя французская пословица и увѣряетъ, что сравненіе ничего не доказываетъ, но я опять-таки позволю себѣ сдѣлать одно сравненіе, которое, по моему, должно еще уяснить вопросъ.

Одинъ изъ лучшихъ римскихъ поэтовъ, Горацій, стоя ниже Пушкина по дарованію, близокъ къ нему по нѣкоторымъ общимъ чертамъ въ поэзіи, но они еще ближе по сходству судьбы. Подобно Пушкину, Горацій былъ въ связи съ заговорщиками; онъ даже принималъ открытое участіе въ дѣйствіяхъ Брута, сражался при Филиппахъ; подобно Пушкину онъ уцѣлѣлъ отъ разгрома, подобно ему онъ „искренно примирился" съ установившимся правительствомъ и воспѣвалъ Августа. Такъ же, какъ и Пушкинъ, Горацій до сихъ подъ несетъ укоризны въ лести передъ Августомъ; самъ Пушкинъ называетъ Горація „умнымъ льстецомъ", а его оды „льстивыми"; но какъ по отношенію къ Пушкину, такъ и по отношенію къ Горацію упреки въ лести одинаково несправедливы.

Горацій, присоединяясь въ Греціи къ войску Брута, мечталъ о возстановленіи древней республики, вмѣстѣ съ которою возродится и древне-римская virtus. Республиканская партія побѣждена; Горацій, бѣжавъ съ поля битвы, оставляется потомъ въ покоѣ, не преслѣдуется новымъ правительствомъ. Идеалы Горація, его стремленія къ возстановленію древней доблести не были въ немъ уничтожены; онъ видитъ, что прежнія средства для ихъ осуществленія не удались и не могутъ удасться; онъ видитъ въ установившейся имперіи „необходимость" и, не становясь „въ безумное противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ", онъ надѣется, что другія средства

помогутъ осуществленію его идеаловъ; и въ политикѣ, онъ, недавній революціонеръ, держится modus in rebus и воспѣтой имъ aureae mediocritatis. Онъ становится на сторону новаго правительства, но опять-таки во имя тѣхъ же идеаловъ древнеримской доблести, во имя мира и тишины, столь необходимыхъ родинѣ. Онъ хвалитъ въ своихъ пѣсняхъ Августа, но именно какъ миротворителя, какъ возстановителя и защитника древней чистоты нравовъ. Въ дѣятельности Августа, представителя чисторимскаго консерватизма, многое дѣйствительно было направлено къ поддержанію стараго, къ улучшенію нравовъ и обычаевъ. Вотъ въ чемъ истинный смыслъ „льстивыхъ одъ" Горація: онъ остался вѣренъ своимъ идеаламъ, но, видя невозможность осуществленія ихъ черезъ республиканскую партію, видя непригодность для этого возстаній, онъ сумѣлъ примириться съ необходимостью, сумѣлъ понять значеніе историческаго момента и по возможности воспользоваться имъ для осуществленія своихъ общественныхъ стремленій.

Такимъ образомъ, внѣшняя судьба Горація и Пушкина и послѣдующая оцѣнка ихъ очень сходны. Сторонники побѣжденныхъ заговорщиковъ, они оба очень быстро примиряются съ побѣдоносною властью, и оба подвергаются за это несправедливымъ укоризнамъ. Оба они примиряются съ правительствомъ не изъ за личныхъ выгодъ, не только не измѣняя своимъ идеаламъ, но, напротивъ, продолжая пропагандировать и проводить ихъ въ жизни и при новомъ правительствѣ насколько возможно. Примиреніе обоихъ ихъ съ новымъ правительствомъ вытекаетъ изъ пониманія даннаго положенія, изъ любви къ родинѣ, изъ желанія быть ей полезнымъ.

Конечно, такое сравненіе между Гораціемъ и Пушкинымъ можно дѣлать лишь mutatis mutandis: при этомъ, понятно, нельзя сравнивать ни положенія римской республики при концѣ ея съ положеніемъ Россіи 20-хъ годовъ нашего вѣка, ни Августа и его дѣятельности съ дѣятельностью Николая I. И, конечно, Августъ былъ ближе къ идеаламъ Горація, чѣмъ Николай I къ идеаламъ Пушкина; вотъ почему у Горація похвалъ императору гораздо больше, и онѣ гораздо опредѣленнѣе; при томъ же Горацій пользовался большею свободой и лучшимъ положеніемъ. Для насъ здѣсь важно именно только самое общее

психологическое сравненіе въ общественномъ направленіи двухъ поэтовъ, имѣющихъ сходство и въ поэтическомъ творчествѣ. Замѣчу только еще одну частность. Въ стансахъ, за которые такъ несправедливо обвиняютъ Пушкина, особенно непріятно можетъ поражать то, что близкій другъ декабристовъ какъ бы приравниваетъ ихъ буйнымъ стрѣльцамъ; въ одной изъ своихъ пѣсенъ (II, 2) Горацій, бывшій соратникъ Брута, убѣждаетъ Августа, что онъ, императоръ, долженъ быть мстителемъ за Цезаря. Опять полная аналогія: и опять, при серьезномъ разборѣ мысли, мы должны оправдать обоихъ поэтовъ. Какъ Пушкинъ хочетъ сказать, что правительство, сломивъ открытое возстаніе, должно этимъ ограничиться, должно допустить законную свободу мнѣній и заботиться о просвѣщеніи, такъ и Горацій выражаетъ желаніе, чтобы Августъ былъ только мстителемъ за смерть Цезаря, чтобы этимъ ограничились его репрессивныя мѣры, чтобы онъ не былъ врагомъ республики. Извѣстно, что самъ Августъ старался выставить себя лишь какъ бы мстителемъ за Цезаря.

Насъ долго задержалъ вопросъ объ общественномъ направленіи Пушкина при Николаѣ I. Хотя я старался быть возможно краткимъ, ограничиваясь лишь необходимыми указаніями, но въ виду совершенно неправильнаго взгляда на этотъ вопросъ, господствующаго въ литературѣ, намъ пришлось коснуться многаго.

Повторимъ теперь вкратцѣ нашъ выводъ.

Пушкинъ, связанный близкими отношеніями съ передовыми дѣятелями 20-хъ годовъ, раздѣлялъ въ общемъ ихъ убѣжденія. Спасшійся отъ декабрьской бури, онъ сохранилъ свои общественные идеалы, не измѣнилъ имъ, но онъ измѣнилъ взглядъ на средства для проведенія этихъ идеаловъ въ жизнь, рѣшился примириться съ правительствомъ по необходимости и проводить свои идеалы уже легальнымъ путемъ. Задавшись такою мыслью, онъ всю остальную жизнь продолжалъ постоянно стремиться къ созданію честной публицистики, къ поддержанію въ литературѣ общественной мысли 20-хъ годовъ, для чего ему пришлось прибѣгать къ иносказаніямъ. Онъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ, что́ могъ, и, благодаря ему, идеи 20-хъ годовъ легче нашли доступъ къ молодому поколѣнію

30-хъ годовъ. Въ этомъ—великая общественная заслуга Пушкина, до сихъ поръ почти неоцѣненная.

Обращаясь къ статьямъ Пушкина о Радищевѣ, мы видимъ въ нихъ особенно яркое выраженіе указанныхъ общественныхъ стремленій поэта, его иносказательной проповѣди прогрессивныхъ идей, или, какъ онъ говоритъ, *просвѣщенія*. Поэтому эти статьи служатъ не къ укоризнѣ, а къ чести, къ славѣ Пушкина. Съ другой стороны, при разборѣ этихъ статей и вообще отношенія Пушкина къ Радищеву, мы ясно видимъ вліяніе Радищева на Пушкина и даже вообще на передовой литературный кружокъ 20-хъ годовъ. Такимъ образомъ эти статьи Пушкина о Радищевѣ опять-таки служатъ не къ уменьшенію, а къ увеличенію значенія Радищева, къ его прославленію. Сочиненія Радищева, несмотря на преслѣдованія цензуры, все-таки по возможности сдѣлали свое дѣло и имѣли существенное вліяніе на развитіе нашей общественной мысли.

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ...

Вникая въ историческій ходъ нашего развитія, убѣждаешься въ строгомъ, вѣрномъ преемствѣ общественныхъ идей, несмотря ни на что такъ или иначе передающихся отъ поколѣнія къ поколѣнію. Согласно съ заповѣдью о поминовеніи наставниковъ нашихъ, мы должны свято чтить память всѣхъ „борцовъ просвѣщенія“, перенесшихъ „первые выстрѣлы“, подвергшихся „всѣмъ невзгодамъ и опасностямъ“. Имя „извѣстнаго писателя Радищева“, какъ и имя нашего величайшаго поэта, должны занимать видныя мѣста въ исторіи нашего общественного развитія.

Январь 1885 года.

КОНЧИНА А. С. ПУШКИНА

29-го января 1837 года.

He was a man...
Schakespeare.

29-го января 1887 года, исполнилось пятидесятилѣтіе со дня смерти величайшаго русскаго поэта. Разсказы, написанные очевидцами, близкими его друзьями, даютъ намъ поразительно жизненную, цѣльную картину послѣднихъ, мучительныхъ дней нашего поэта; они сообщаютъ намъ не только трогательныя подробности о предсмертной болѣзни Пушкина или о томъ впечатлѣніи, какое было произведено въ русскомъ обществѣ ужасною вѣстью о смертельной ранѣ и затѣмъ о кончинѣ великаго поэта, они говорятъ намъ не только о мертвомъ, но и о живомъ Пушкинѣ: несмотря на страшно-мучительную рану, Пушкинъ до конца сохранялъ свѣжесть мысли и памяти, сохранялъ самообладаніе, и въ его предсмертныхъ словахъ, въ его отношеніяхъ къ лицамъ, окружавшимъ его эти дни, ясно проявляются многія существенныя черты его характера, которыя въ обыкновенной, обыденной обстановкѣ оставались, можетъ быть, болѣе скрытыми. Разсказы о послѣднихъ дняхъ Пушкина ярко рисуютъ намъ его, какъ человѣка; и однихъ этихъ разсказовъ было бы достаточно, чтобы опровергнуть обвиненія, взведенныя на личность Пушкина людьми, не понимавшими и не цѣнившими его. Несмотря на всѣ мучительно-тяжелыя подробности о послѣднихъ дняхъ умирающаго Пушкина, тягостное впечатлѣніе отъ этихъ разсказовъ смягчается именно тѣмъ, что въ нихъ такъ ясно выступаетъ высокій, нравственный характеръ нашего поэта.

Въ своемъ изложеніи я буду основываться на разсказахъ очевидцевъ: Жуковскаго, Даля, кн. Вяземскаго, Спасскаго и Данзаса, а также на нѣкоторыхъ другихъ матеріа-

лахъ, при чемъ постоянно буду дѣлать дословныя заимствованія изъ названныхъ разсказовъ, не цитуя ихъ каждый разъ, чтобы не испещрять текста безполезными въ данномъ случаѣ ссылками.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію послѣднихъ дней Пушкина, я коснусь самой дуэли съ Дантесомъ, а также и обстоятельствъ, вызвавшихъ эту роковую дуэль, но коснусь лишь настолько, насколько это нужно для полнаго пониманія послѣдующаго.

Послѣ своей женитьбы Пушкинъ, какъ извѣстно, поселился въ Петербургѣ, гдѣ его молодую жену ожидали свѣтскія удовольствія, а его самого — кружокъ близкихъ друзей, литературныя связи. Жизнь въ Петербургѣ требовала отъ Пушкина большихъ денежныхъ затратъ, ему трудно было сводить концы съ концами; ему пришлось вступить на службу, пришлось пользоваться милостями правительства, что́ не вывело его, однако, изъ денежныхъ затрудненій. И эти затрудненія, и непріятныя офиціальныя отношенія заставляли Пушкина желать оставить Петербургъ, переселиться въ деревню; но тѣ же офиціальныя отношенія, которыя угнетали его, не выпустили его изъ Петербурга, не пустили его въ отставку. Поэту пришлось остаться въ столицѣ, жизнь въ которой ему сдѣлалась такъ невыносимо тяжела не только изъ-за упомянутыхъ причинъ, но еще болѣе изъ-за его положенія въ петербургскомъ обществѣ, въ петербургскомъ свѣтѣ, изъ-за вражды, тамъ его окружавшей.

Ради удовольствій и выѣздовъ жены, Пушкину пришлось завести въ Петербургѣ множество свѣтскихъ знакомствъ, войти въ обширныя свѣтскія связи; но поэтъ нашъ вовсе не былъ желаннымъ гостемъ въ высшемъ петербургскомъ кругу. Принадлежа къ древнему дворянскому роду, Пушкинъ считалъ себя равнымъ со всѣми титулованными и нетитулованными аристократами; но они-то вовсе не хотѣли признавать своею ровней человѣка небогатаго, нечиновнаго, безъ важныхъ связей. Имъ не было дѣла до того, что Пушкинъ былъ славой и гордостью нашей литературы, великимъ народнымъ русскимъ поэтомъ.

Молодая красавица, жена Пушкина, была вездѣ принята, всюду охотно приглашаема; но все-таки Пушкины далеко не

заняли въ петербургскомъ кругу того мѣста, на которое разсчитывалъ и имѣлъ право нашъ поэтъ. Пушкинъ крайне тяготился такимъ положеніемъ, стремился выйти изъ него, страстно желалъ покинуть Петербургъ. Обнародованные за послѣдніе годы новые матеріалы, записки Пушкина, его письма къ женѣ, нѣкоторыя его стихотворенія,—все это окончательно разрушило долго существовавшую легенду о томъ, будто Пушкинъ заискивалъ униженно передъ правительствомъ, заискивалъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, искалъ камеръ-юнкерства и чванился имъ и т. д. Мы знаемъ теперь уже, что Пушкинъ постоянно желалъ вырваться изъ душнаго круга петербургскихъ аристократовъ, что онъ тяготится своими оффиціальными и свѣтскими отношеніями, не дорожилъ ими, страстно мечталъ, бросивъ все, переѣхать въ деревню.

Недавно было впервые напечатано слѣдующее задушевное, неотдѣланное еще стихотвореніе Пушкина, обращенное къ женѣ его и относящееся къ 1836 году:

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ...

Петербургское аристократическое общество смотрѣло свысока на Пушкина, пренебрегало имъ не только какъ потомкомъ захудалаго рода, но оскорбляло въ немъ нравственнаго человѣка, во-первыхъ,—общественнаго дѣятеля, во-вторыхъ—поэта.

Для петербургскаго высшаго круга Пушкинъ представлялся скомпрометированнымъ человѣкомъ, опаснымъ либераломъ, безпокойнымъ публицистомъ. Такъ же относились къ нему и высшіе правительственные агенты, несмотря на благосклонное покровительство Пушкину самого царя. Страшная реакція господствовала въ высшихъ сферахъ Петербурга, и онѣ отталкивали отъ себя Пушкина, сохранившаго основныя идеи двадцатыхъ годовъ.

Выше я упомянулъ, что петербургское общество не умѣло цѣнить литературную славу Пушкина, уважать его поэтическое достоинство. Если „лордъ Уоронцовъ“ зналъ, по выраженію Пушкина, русскую словесность, какъ лордъ Веллингтонъ, то и весь петербургскій большой свѣтъ былъ точно такъ же въ общемъ совершенно равнодушенъ къ русской литературѣ. Онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на поэзію, на поэта; въ немъ вполнѣ еще возможенъ былъ бы діалогъ въ родѣ того, какой находится въ одной сценѣ Бориса Годунова:

„Кто сей?“
— Піитъ.
„Какое это званье?“
— Какъ бы сказать по-русски? Виршеписецъ.
Иль скоморохъ.

И такое отношеніе къ литературѣ, къ поэзіи должно было страшно возмущать Пушкина, выработавшаго себѣ въ это время особенно серьезный, особенно возвышенный взглядъ на искусство, на его значеніе, на его задачи.

Оскорбляемый въ мелочахъ, а еще болѣе въ своихъ основныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, Пушкинъ не только не заискивалъ въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, не только держалъ себя въ немъ совершенно самостоятельно, но всячески давалъ отпоръ окружавшему его недоброжелательству, употребляя для этого и мелкія, и болѣе крупныя средства,— возбуждая негодованіе свѣтскаго міра несоблюденіемъ моднаго костюма или разсыпая налѣво и направо мѣткія эпиграммы и насмѣшки, ни капли, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отступая передъ своими задачами поэта, историка, публициста. Самостоятельное, гордое, насмѣшливое отношеніе Пушкина къ окружавшей его свѣтской суетѣ и свѣтской злобѣ еще болѣе подстрекало противъ него его мелкихъ враговъ, которые и нашли вѣрное, слишкомъ вѣрное, какъ оказалось, средство отмстить Пушкину за всѣ его эпиграмматическія выходки. Они пустили въ ходъ клевету и сплетню, направивъ ихъ противъ семейной жизни Пушкина, и довели дѣло до ужасной катастрофы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что жена Пушкина была совершенно невиновна въ проступкѣ, въ которомъ ее обвиняла

злостная клевета; не останавливаюсь на этомъ вопросѣ: невиновность Пушкиной будетъ очевидна дальше изъ разсказа о послѣднихъ дняхъ ея мужа. Но молодая красавица, пользующаяся свѣтскимъ успѣхомъ, любящая веселиться, попадала на балахъ и празднествахъ, по самымъ условіямъ большого свѣта, въ извѣстную атмосферу любовныхъ ухаживаній и т. д. Свѣтская сплетня сумѣла при такихъ условіяхъ найти, къ чему ей придраться, съ какой стороны напасть на Пушкина. Ближайшимъ поводомъ къ главной клеветѣ, которую распускали враги Пушкина и которая привела къ катастрофѣ, послужило нахальное поведеніе двухъ иностранцевъ, принятыхъ въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ.

Итакъ, слѣдующее роковое сцѣпленіе обстоятельствъ погубило Пушкина. Недостатокъ денежныхъ средствъ заставилъ его воспользоваться особыми милостями правительства, которыя крѣпко затянули его офиціальныя и служебныя отношенія. И эти отношенія удержали Пушкина, противъ его воли, въ Петербургѣ, въ убійственной для него, удушливой атмосферѣ большого свѣта, который относился къ поэту самымъ враждебнымъ образомъ и, наконецъ, погубилъ его своими злобными преслѣдованіями.

Между свѣтскими знакомыми Пушкиныхъ былъ нѣкій Дантесъ, иностранецъ, сумѣвшій добиться покровительства высокопоставленныхъ лицъ, принятый офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ, усыновленный голландскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, барономъ Гекереномъ; Дантесъ былъ — личность совершенно безцвѣтная, но судьба доставила ему, благодаря его столкновенію съ Пушкинымъ, громкую и печальную извѣстность въ исторіи нашей литературы, извѣстность убійцы Пушкина, — лавры Герострата.

Встрѣчаясь съ Н. Н. Пушкиной въ обществѣ, Дантесъ позволялъ себѣ за нею ухаживать, отпуская при этомъ, въ присутствіи самого Пушкина, разные неприличные намеки и остроты. Эти выходки Дантеса-Гекерена, неважныя, быть можетъ, сами-по-себѣ, получали особое значеніе отъ страннаго поведенія стараго барона Гекерена, который, при встрѣчахъ съ Пушкиной, говорилъ ей о страстной любви къ ней его пріемнаго сына, предлагалъ ей оставить мужа и т. п. Надо

прибавить, что баронъ Гекеренъ пользовался репутаціей человѣка очень плохой нравственности.

Въ обществѣ обратили вниманіе на ухаживаніе Дантеса за Пушкиной. Враги Пушкина стали распускать и поддерживать неблагопріятные для Пушкиной слухи, которые дошли до самого Пушкина. Онъ отказалъ Дантесу отъ дома, но этимъ дѣло не кончилось. Пушкинъ получилъ вслѣдъ за этимъ нѣсколько анонимныхъ писемъ дерзкаго и неблагопристойнаго содержанія; такія же письма, оскорбительные для Пушкина, были разосланы многимъ его знакомымъ. Въ составленіи этихъ писемъ Пушкинъ подозрѣвалъ стараго Гекерена; кто былъ настоящимъ авторомъ, — не разъяснено до сихъ поръ, но, кажется, нельзя сомнѣваться, что въ этой преступной шуткѣ принимало участіе нѣсколько лицъ высшаго круга. Эти анонимныя письма и толки, ими возбужденные, страшно оскорбили Пушкина: онъ вызвалъ на дуэль Дантеса, — это было въ началѣ ноября 1836 г; на этотъ разъ дуэль не состоялась: баронъ Гекеренъ объявилъ, что его пріемный сынъ желаетъ жениться на свояченицѣ Пушкина, Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой, и это пока остановило окончательное столкновеніе. Свадьба Дантеса-Гекерена съ Гончаровой дѣйствительно состоялась, но это не улучшило отношеній Пушкина къ обоимъ Гекеренамъ. Пушкинъ не могъ простить имъ того, что они были главными и сознательными виновниками оскорбительной клеветы, которой онъ подвергся; мало того, молодой Гекеренъ и послѣ своей женитьбы продолжалъ до извѣстной степени свое легкомысленное поведеніе относительно Пушкиной, а старый баронъ ужасно въ то же время озлобился на самого Пушкина за его презрительное отношеніе къ нему и всячески досаждалъ ему подъ предлогомъ желанія примириться. Враги Пушкина воспользовались непріязненными отношеніями его къ Гекеренамъ, чтобы по возможности раздувать скандалъ. Они старались устроивать неожиданныя встрѣчи Пушкина и Пушкиной съ Дантесомъ, мучили преслѣдуемаго ими поэта двусмысленными взглядами и улыбками и т. д. Тутъ главную роль игралъ опять-таки старый Гекеренъ, который нарочно заставлялъ своего пріемнаго сына писать Пушкину письма, навязываться съ примиреніемъ. Немалое участіе принималъ старый баронъ и въ

непрекращавшихся сплетняхъ относительно Пушкиныхъ, въ распускаемой, по-прежнему, клеветѣ. Наконецъ, Пушкинъ не выдержалъ всѣхъ мелкихъ обидъ и оскорбленій, встрѣчавшихъ его на каждомъ шагу, и написалъ бранное письмо старому Гекерену, послѣдствіемъ чего и была роковая дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Гекереномъ (старый баронъ не могъ самъ драться по своему офиціальному положенію).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, повторяемъ, въ совершенной безупречности Пушкиной и въ томъ, что Пушкинъ самъ вполнѣ довѣрялъ своей женѣ, что имъ въ столкновеніи съ Дантесомъ вовсе не руководило чувство ревности. Что же заставило Пушкина драться съ Дантесомъ? Въ воспоминаніяхъ современниковъ и въ литературѣ существуютъ разнообразные взгляды на этотъ вопросъ, но, кажется, дѣло объясняется лучше всего словами самого Пушкина, передаваемыми кн. Вяземскимъ въ письмѣ къ вел. кн. Михаилу Павловичу: „на увѣщеваніе друзей Пушкинъ сказалъ: я принадлежу странѣ и хочу, чтобы имя мое было чисто вездѣ, гдѣ оно извѣстно“... Другими словами, Пушкинъ чувствовалъ, что злостная интрига въ петербургскомъ обществѣ направлена противъ него, какъ противъ писателя, котораго не понимали и не хотѣли признавать въ этомъ обществѣ. И онъ не вынесъ этихъ постоянныхъ мелкихъ оскорбленій его имени, значеніе котораго для всей Россіи онъ сознавалъ. Гнусная интрига, которой онъ былъ жертвой, заставила его покончить дѣло рѣзко и рѣшительно. Онъ дрался за честь своего имени, прославленнаго по всей Россіи и грязнимаго въ петербургскихъ салонахъ...

Пушкинъ былъ человѣкомъ своего времени; въ своей молодости онъ былъ довольно задорнымъ дуэлистомъ и имѣлъ много всякихъ исторій. Извѣстно, какъ бретёрство было распространено у насъ въ первой четверти этого вѣка, какъ легко тогда дѣло доходило до дуэли даже между людьми, передовыми по своему развитію. Пушкинъ сохранялъ, вмѣстѣ съ общественными взглядами двадцатыхъ годовъ, извѣстныя понятія и привычки того времени. По этимъ понятіямъ, державшимся все еще въ русскомъ обществѣ, оскорбленіе имени должно было смываться кровью. Пушкинъ и вышелъ на дуэль съ главнымъ виновникомъ позорныхъ для его имени сплетенъ.

Въ письмахъ кн. Вяземскаго мы находимъ такіе отзывы: „Пушкина въ гробъ положили и зарѣзали жену его городскія сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургскихъ салоновъ, безыменныя письма. Пылкая, страстная душа его, африканская кровь, — не могли выдержать раздраженія, произведенныя сомнѣніями и подозрѣніями общества...“ И еще: „адскія сѣти, адскія козни были устроены противъ Пушкина и жены его...“ Такое же объясненіе мы встрѣчаемъ въ страстныхъ стихахъ Лермонтова...

Не буду говорить подробно о переговорахъ, предшествовавшихъ дуэли, подготовленія къ которой не оставались тайными для многихъ: о дуэли зналъ и графъ Бенкендорфъ, который, принадлежа къ врагамъ Пушкина, нарочно послалъ жандармовъ, какъ думаетъ Данзасъ, не на то мѣсто, гдѣ была назначена дуэль.

Какъ извѣстно, дуэль Пушкина состоялась за Черною рѣчкой, 27-го января 1837 года, около пяти часовъ пополудни. Секундантомъ Пушкина былъ лицейскій его товарищъ Данзасъ, котораго онъ встрѣтилъ случайно въ это утро на улицѣ и пригласилъ быть свидѣтелемъ дуэли. Дантесъ-Гекеренъ выстрѣлилъ первый, и раненый Пушкинъ упалъ на шинель своего секунданта, служившую барьеромъ. Пушкинъ все-таки потребовалъ своего выстрѣла и стрѣлялъ, полулежа на землѣ; онъ тоже ранилъ Дантеса, но не тяжело. Обоихъ раненыхъ положили въ подъѣхавшія ихъ сани; у Комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякій случай барономъ Гекереномъ. Дантесъ предложилъ ее для тяжело раненаго Пушкина; Данзасъ принялъ предложеніе и повезъ Пушкина въ каретѣ, не сказавъ ему, чья она.

Дорóгой Пушкинъ чувствовалъ по временамъ сильную боль и начиналъ подозрѣвать опасность своего положенія; но главная его забота была, какъ бы не испугать жены, и онъ давалъ Данзасу наставленія, какъ поступать по пріѣздѣ домой.

Пушкинъ жилъ на Мойкѣ, близъ новаго Пѣвческаго моста, въ домѣ кн. Волконскаго. На этомъ домѣ теперь находится надпись: „Здѣсь скончался Пушкинъ“. Когда карета подъѣхала къ подъѣзду, Пушкинъ поручилъ Данзасу предупредить Наталью Николаевну. Данзасъ послалъ людей вынести Пушкина

изъ кареты, а самъ прямо безъ доклада прошелъ въ кабинетъ Пушкиной, гдѣ нашелъ ее съ ея незамужнею сестрой. Онъ осторожно сообщилъ Натальѣ Николаевнѣ о дуэли и о ранѣ Пушкина, увѣряя ее, что рана очень легкая. Она бросилась въ переднюю, куда въ это время люди вносили Пушкина на рукахъ.

Когда Пушкина вносили на крыльцо, онъ спросилъ своего камердинера: *„Грустно тебѣ нести меня?“* Увидя въ передней жену, Пушкинъ началъ ее успокаивать, что рана его не опасна, и попросилъ ее уйти, говоря, что онъ ее позоветъ, какъ только его уложатъ. Она, пораженная случившимся, безсознательно, какъ бы машинально повиновалась просьбѣ мужа.

Пушкина внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; его раздѣли и положили на диванъ. Тогда онъ позвалъ къ себѣ жену, и первыя слова его къ ней были: *„Какъ я счастливъ! Я еще живъ, и ты возлѣ меня! Будь покойна: ты невиновата, я знаю, что ты невиновата“.*

Между тѣмъ Данзасъ уѣхалъ за докторомъ. Онъ не засталъ дома лейбъ-медика Арендта, потомъ еще нѣсколько докторовъ, наконецъ нашелъ въ Воспитательномъ домѣ доктора Шольца, который, сказавъ, что онъ, какъ акушеръ, не можетъ быть полезенъ въ данномъ случаѣ, обѣщался немедленно привезти другого доктора.

Данзасъ возвратился пока одинъ, безъ доктора; въ это время пріѣхалъ Плетневъ; вскорѣ явились Шольцъ и Задлеръ. *„Плохо со мною“*,—сказалъ Пушкинъ, подавая руку Шольцу. Его осмотрѣли. Задлеръ наложилъ компрессъ и поѣхалъ за нужными инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ его: *„Что вы думаете о моемъ положеніи? скажите откровенно“.* — Не могу отъ васъ скрыть, что вы въ опасности.—*„Скажите лучше: умираю“.*—Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Соломона, за которыми послано. — *„Благодарю васъ, что вы сказали мнѣ правду, какъ честный человѣкъ; теперь займусь дѣлами моими“.*—Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ близкихъ?—*„Прощайте, друзья!“*—сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку... Немного погодя, онъ спросилъ Шольца:

„Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?“—О, нѣтъ, но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого-нибудь изъ вашихъ. Плетневъ здѣсь.—*„Да, но я желалъ бы и Жуковскаго... Дайте мнѣ воды, тошнитъ...“* Пульсъ больнаго былъ слабъ и скоръ, рука холодная... Вскорѣ вернулся Задлеръ, затѣмъ пріѣхалъ Соломонъ и, наконецъ, Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увидалъ, что не было никакой надежды, Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе: больной поуспокоился. Пушкинъ просилъ Арендта сказать ему откровенно. въ какомъ онъ его находитъ положеніи, прибавивъ, что никакой отвѣтъ его не можетъ испугать, что ему надо знать навѣрное свое положеніе, чтобы успѣть распорядиться. „Если такъ,—отвѣчалъ Арендтъ,—то я долженъ вамъ сказать, что рана ваша очень опасна, и что къ выздоровленію вашему я почти не имѣю надежды“. Пушкинъ благодарилъ Арендта за откровенность и просилъ только не говорить женѣ. Прощаясь, Арендтъ сказалъ Пушкину, что ѣдетъ къ Государю,—не будетъ ли отъ Пушкина порученія?—*„Скажите, что умираю и прошу у него прощенія и за себя, и за Данзаса“*. Еще до отъѣзда Арендта явился домашній докторъ Пушкиныхъ, И. Т. Спасскій; Арендтъ, уѣзжая, и поручилъ ему больного. Спасскій не отходилъ отъ постели Пушкина всю ту ночь. Когда Спасскій вошелъ къ Пушкину, послѣдній встрѣтилъ его словами: *„Что, плохо!“* Спасскій старался его успокоить, но Пушкинъ сдѣлалъ рукою отрицательный знакъ, показывавшій, что онъ ясно понималъ опасность своего положенія. Онъ просилъ Спасскаго: *„Пожалуйста, не давайте большихъ надеждъ женѣ не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло; она не притворщица, вы ее хорошо знаете. Впрочемъ, дѣлайте сомною, что вамъ угодно; я на все согласенъ и на все готовъ“*. И, дѣйствительно, Пушкинъ покорно слушался Спасскаго, исполнялъ всѣ врачебныя предписанія.

По желанію родныхъ и друзей, Спасскій сказалъ Пушкину объ исполненіи христіанскаго долга, на что́ больной сейчасъ же согласился и на вопросъ, за кѣмъ послать, отвѣчалъ: *„Возьмите перваго, ближайшаго священника“*. Домашніе рѣшили послать за о. Петромъ, настоятелемъ Конюшенной церкви.

Въ это время одинъ за другимъ къ Пушкину уже съѣхались друзья его; кромѣ Данзаса и Плетнева, пріѣхали еще Жуковскій, князь Вяземскій съ женой, графъ М. Вьельгорскій, кн. П. И. Мещерскій, П. А. Валуевъ, А. И. Тургеневъ, Загряжская: всѣ эти лица до самой смерти Пушкина уже не оставляли его домъ и отлучались на самое короткое время. Вяземская и Загряжская были съ Натальей Николаевною, состояніе которой было ужасно; какъ привидѣніе прокрадывалась она иногда въ кабинетъ къ мужу, который, хотя лежалъ на диванѣ лицомъ отъ двери, всегда чувствовалъ ея появленіе и говорилъ: *„Жена здѣсь? Отведите ее“*. Онъ боялся, чтобы еще болѣе не разстроить жену видомъ своихъ страданій, которыя онъ старался пересиливать съ удивительнымъ мужествомъ. Когда мучительная боль вырывала у него невольный крикъ, онъ, зажимая ротъ свой, всегда прибавлялъ: *„Бѣдная жена! Бѣдная жена!“* и посылалъ докторовъ ее успокоивать. Вообще, съ начала до конца своихъ страданій (кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, — о которой мы сейчасъ будемъ говорить, — когда страданія превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія) Пушкинъ былъ удивительно твердъ. Арендтъ, который видѣлъ много смертей на своемъ вѣку и на поляхъ тридцати сраженій, и на болѣзненныхъ одрахъ, отходилъ со слезами на глазахъ отъ постели его и говорилъ, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго, такого терпѣнія при такихъ страданіяхъ.

И несмотря на эти лютѣйшія страданія, настроеніе Пушкина всѣ эти часы отличалось поразительною мягкостью, кротостью! Ни одной жалобы, ни одного упрека, ни одного холоднаго, черстваго слова не произнесъ Пушкинъ, Буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его неодолимою страстью, исчезла безслѣдно. Въ своихъ страшныхъ мученіяхъ, въ виду неизбѣжной, близкой смерти, Пушкинъ не забывалъ о чужомъ горѣ. Наканунѣ получилъ онъ пригласительный билетъ на похороны сына Греча. Онъ вспомнилъ объ этомъ и сказалъ Спасскому: *„если увидите Греча, кланяйтесь ему и скажите, что я принимаю дутевное участіе въ его потерѣ“*.

Но обратимся къ послѣдовательному разсказу. Припомнимъ, что Арендтъ отъ Пушкина уѣхалъ къ государю; часа черезъ

два, около уже полуночи, онъ вернулся и привезъ для прочтенія Пушкину собственноручную записочку императора Николая: „Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, — посылаю тебѣ мое прощеніе и вмѣстѣ мой совѣтъ — исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свое попеченіе“. Когда Арендтъ прочиталъ Пушкину письмо государя, то больной вмѣсто отвѣта поцѣловалъ письмо и долго не выпускалъ изъ рукъ; но Арендтъ не могъ ему его оставить, такъ какъ государь велѣлъ только показать и привезти его назадъ. Нѣсколько разъ Пушкинъ повторялъ: *„Отдайте мнѣ это письмо, я хочу умереть съ нимъ. Письмо! гдѣ письмо?“*. Согласно прежде сдѣланному распоряженію, сейчасъ же послали за священникомъ, и тотъ явился еще до отъѣзда Арендта: онъ скоро отправилъ церковную требу, больной исповѣдался и причастился Св. Тайнъ.

Когда въ кабинетъ Пушкина, послѣ исповѣди, вошелъ Спасскій, больной спросилъ его: *„что дѣлаетъ жена?“* Спасскій отвѣчалъ, что она нѣсколько спокойнѣе. *„Она, бѣдная, невинно терпитъ и можетъ еще потерпѣть во мнѣніи людскомъ. Не уѣхалъ еще Арендтъ? Просите за Данзаса, за Данзаса, онъ мнѣ братъ“*. И Пушкинъ вернулъ къ себѣ Арендта, чтобы повторить ему лично просьбу къ государю за Данзаса.

Уѣзжая, Арендтъ просилъ тотчасъ же прислать за нимъ, если понадобится. Въ лѣченіи не послѣдовало перемѣнъ. Положеніе Пушкина было все то же, онъ съ тѣмъ же мужествомъ переносилъ свои страданія. Отъ времени до времени онъ тихо жаловался на боль въ животѣ и забывался на короткое время. Докторъ Спасскій спросилъ Пушкина, не угодно-ли ему сдѣлать какія-либо распоряженія. *„Все женѣ и дѣтямъ“*, — отвѣтилъ онъ, — *„позовите Данзаса“*. Онъ продиктовалъ Данзасу списокъ тѣхъ своихъ долговъ, на которые не было ни векселей, ни заемныхъ писемъ. Потомъ онъ снялъ съ своей руки перстень и отдалъ Данзасу, прося принять его на память. При этомъ онъ сказалъ Данзасу, что не хочетъ, чтобы кто-нибудь мстилъ за него и что желаетъ умѣреть христіаниномъ.

Мы уже упомянули, что Пушкинъ съ самаго начала про-

силъ жену не оставаться постоянно въ его кабинетѣ, что онъ удалялъ ее оттуда, когда она сама приходила. Но когда онъ чувствовалъ минуту бо̀льшаго облегченія отъ своихъ страданій, онъ сейчасъ же призывалъ ее къ себѣ. Вообще, онъ постоянно думалъ о женѣ, спрашивалъ часто о ней, выказывалъ къ ней такую нѣжность, что на это не могли не обратить вниманія даже люди посторонніе. Такъ, докторъ Арендтъ нѣсколько разъ повторялъ друзьямъ Пушкина: „Для Пушкина жаль, что онъ не былъ убитъ на мѣстѣ, потому что мученія его невыразимы; но для чести жены его — это счастіе, что онъ остался живъ. Никому изъ насъ, видя его, нельзя сомнѣваться въ невинности ея и въ любви, которую къ ней сохранилъ Пушкинъ". Эти слова въ устахъ Арендта, который не имѣлъ никакой личной связи съ Пушкинымъ и былъ при немъ, какъ былъ бы онъ при каждомъ другомъ въ томъ же положеніи, имѣютъ особое значеніе. Стало быть, видимое имъ было такъ убѣдительно, такъ поразительно и полно истины, что пробудило и его вниманіе, его, человѣка посторонняго, извѣстнаго своею разсѣянностью, столь привычнаго къ подобнымъ сценамъ. Но обратимся опять къ ужасной ночи...

— „О ночь мученій!"...

Около четвертаго часа ночи боль отъ раны начала усиливаться и къ пяти часамъ сдѣлалась значительною. Спасскій послалъ за Арендтомъ, который пріѣхалъ очень скоро. Принятыя мѣры не помогли и только измучили больного. Боль въ животѣ возросла до высочайшей степени. Это была настоящая пытка. Лицо Пушкина измѣнилось; взоръ его сдѣлался дикъ, казалось, глаза его готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ, чело покрылось холоднымъ потомъ, руки похолодѣли, пульса—какъ не бывало. Больной испытывалъ ужасную муку. Но и тутъ необыкновенная твердость его души раскрылась въ полной мѣрѣ. Готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ, чтобы жена не услышала, чтобы ея не испугать. „*Зачѣмъ эти мученія*, — сказалъ онъ, — *безъ нихъ я бы умеръ спокойно*". И мученія достигли такой степени, что Пушкину пришла мысль покончить съ собою. Позвавъ слугу, онъ велѣлъ ему подать одинъ изъ ящиковъ

письменнаго стола; слуга исполнилъ его волю, но, вспомнивъ, что въ этомъ ящикѣ лежали пистолеты, онъ предупредилъ Данзаса; послѣдній подошелъ къ Пушкину и взялъ у него пистолеты, которые тотъ уже успѣлъ спрятать подъ одѣяло; отдавая ихъ, Пушкинъ признался, что хотѣлъ застрѣлиться потому, что страданія его были невыносимы.

Наконецъ, боль, повидимому, стала утихать, но лицо его выражало глубокое страданіе, руки по-прежнему были холодны, пульсъ едва замѣтенъ. „*Жену, просите жену!*“ — сказалъ Пушкинъ. Она съ воплемъ горести бросилась къ страдальцу. Это зрѣлище у всѣхъ извлекло слезы. Несчастную надо было отвлечь отъ одра умирающаго. Таковъ дѣйствительно, былъ Пушкинъ въ то время. Онъ потребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ; онъ на каждаго оборачивалъ глаза, молча клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь. Спасскій спросилъ, не хочетъ ли Пушкинъ видѣть свихъ друзей? — „*Зовите ихъ!*“ — отвѣчалъ онъ. Жуковскій, Віельгорскій, Вяземскій, Тургеневъ и Данзасъ ходили къ нему одинъ за другимъ. Онъ братски прощался со всѣми. Жуковскій подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую къ нему руку, поцѣловалъ ее и ничего не могъ сказать отъ глубокаго волненія; Пушкинъ махнулъ рукой, и онъ отошелъ, но потомъ, вернувшись, спросилъ Пушкина, не поручитъ ли онъ что́ передать государю. „*Скажи, что мнѣ жаль умереть, былъ бы весь его*“, — отвѣчалъ Пушкинъ слабымъ, отрывистымъ, но явственнымъ голосомъ. У кн. Вяземскаго Пушкинъ крѣпко пожалъ и руку сказалъ: „*прости, будь счастливъ*“. Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку, хотѣлъ, казалось, что-то сказать, но промолвилъ только: „*Карамзину*“. Ея тогда тутъ не было, за нею немедленно послали. Было очевидно, что Пушкинъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ-будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Докторъ Спасскій въ это время взялъ больного за руку и сталъ щупать пульсъ. Когда Спасскій оставилъ его руку, онъ самъ приложилъ пальцы лѣвой руки къ пульсу правой и, выразительно взглянувъ на доктора, сказалъ „*смерть идетъ*“... Онъ спра-

шивалъ, когда, по мнѣнію Арендта, онъ долженъ умереть; измученный своими страданіями, онъ выражалъ желаніе, чтобы предсказаніе Арендта сбылось скорѣе. Онъ нетерпѣливо ждалъ пріѣзда Арендта, уѣхавшаго отъ него утромъ, и говорилъ: *„жду Арендта и царскаго слова, чтобы умереть спокойно“*...

Пріѣхала Карамзина. Прощаясь съ нею, Пушкинъ просилъ ее, чтобы она его перекрестила, и поцѣловалъ ея руку. Скоро явился докторъ Арендтъ. Пріѣздъ его нѣсколько оживилъ Пушкина. *„Простилъ ли царь моего Данзаса?“* — спросилъ онъ, — и на успокоительный отвѣтъ Арендта, выразилъ благодарность государю. Арендтъ далъ ему пріемъ опіума, который его значительно успокоилъ; къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ стали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему, и онъ началъ безпрекословно исполнять предписанія докторовъ, которыя передъ этимъ онъ сталъ было упрямо отвергать, будучи истомленъ своими мученіями и жадно желая смерти для ихъ прекращенія.

Вернулся Жуковскій, ѣздившій къ государю, и передалъ больному новыя обѣщанія царя позаботиться объ его женѣ и дѣтяхъ. Пушкинъ, выслушавъ его, поднялъ обѣ руки къ небу въ какомъ-то судорожномъ движеніи и произнесъ: *„Вотъ какъ я утѣшенъ! Скажи государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи“*...

Во второмъ часу дня (28-го января) къ Пушкину явился В. И. Даль, только что узнавшій о случившемся. Онъ подошелъ къ больному, который подалъ ему руку, улыбнулся и сказалъ: *„Плохо, братъ!“* Въ первый разъ онъ сказалъ Далю на ты, тотъ отвѣчалъ ему такъ же, и они такимъ образомъ побратались за сутки до кончины Пушкина... И Даль не отходилъ отъ его одра до конца страшныхъ сутокъ...

Несмотря на перенесенныя уже мучительныя страданія, несмотря на полную увѣренность въ своей смерти, Пушкинъ поразилъ Даля своею необыкновенною твердостью. По его словамъ, умирающій заставилъ всѣхъ присутствующихъ какъ бы сдружиться со смертью. Плетневъ говорилъ: „Глядя на Пушкина, я въ первый разъ не боюсь смерти“. Пушкинъ

былъ вполнѣ увѣренъ, что смерть его близка; онъ отвергалъ утѣшенія и на слова Даля: „всѣ мы надѣемся, не отчаявайся и ты!“, отвѣчалъ: „*Нѣтъ, мнѣ здѣсь не житье, я умру, да видно ужъ такъ и надо*“.

Пушкинъ между прочимъ, спросилъ Даля: „*Кто у жены моей?*“ Даль отвѣчалъ: Много людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и переднія полны“.—„*Ну, спасибо; однако же поди, скажи женѣ, что все, слава Богу, легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ*“.

Съ утра пульсъ его былъ крайне слабъ, частъ, но съ полудня сталъ онъ подниматься, а къ 6-му часу ударялъ 120 въ минуту и сталъ полнѣе и тверже; въ то же время началъ показываться небольшой общій жаръ. Вслѣдствіе полученныхъ отъ д-ра Арендта наставленій, Даль и Спасскій приставили тотчасъ 25 піявокъ и послали за Арендтомъ, который, пріѣхавъ, одобрилъ всѣ сдѣланное. Пушкинъ твердою рукой самъ ловилъ и припускалъ себѣ піявокъ, смотрѣлъ, какъ онѣ принимаются, и приговаривалъ: „*Вотъ это хорошо, это прекрасно*“... Пульсъ сдѣлался ровнѣе, рѣже и гораздо мягче. Даль ухватился какъ утопленникъ за соломинку и, обманувъ и себя, и друзей, робкимъ голосомъ провозгласилъ *надежду*. Пушкинъ замѣтилъ, что онъ сталъ бодрѣе, взялъ его за руку и сказалъ: „*Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?*“.—„Мы за тебя надѣемся еще,—отвѣтилъ Даль,—право, надѣемся!“—Онъ пожалъ Далю руку и сказалъ: „*Ну, спасибо*“. Но, повидимому, только однажды и обольстился онъ надеждой, которую подалъ ему Даль; ни прежде, ни послѣ этого онъ ей не вѣрилъ; спрашивалъ нетерпѣливо; „*А скоро ли конецъ?*“ и прибавлялъ еще: „*Пожалуйста, поскорѣе!*“ Однажды съ глубокимъ вздохомъ онъ сказалъ: „*Какъ жаль, что нѣтъ теперь здѣсь ни Пущина, ни Малиновскаго* (лицейскіе его товарищи, ближайшіе друзья), *мнѣ бы легче было умирать*“...

Даль, мы знаемъ, сказалъ Пушкину, что передняя и зала наполнены народомъ. Это было вѣрно. Роковая вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, разнеслась по городу. Съ утра 28-го января передняя въ квартирѣ Пушкина наполнилась. Одни присылали узнавать о состояніи больного, другіе,—люди всѣхъ

состояній, знакомые и незнакомые,—приходили сами. Со всѣхъ сторонъ сыпались вопросы: „Что Пушкинъ? Легче ли ему? Поправится ли онъ? Есть ли надежда?“... Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. У подъѣзда была давка, экипажи постоянно подъѣзжали одинъ за другимъ. Въ передней какой-то старичекъ сказалъ съ удивленіемъ: „Господи, Боже, мой! я помню, какъ умиралъ фельдмаршалъ, а этого не было!“ Число приходящихъ наконецъ сдѣлалось такъ велико, что дверь въ прихожей постоянно отворялась и затворялась, чтó безпокоило больного,—кабинетъ, гдѣ онъ лежалъ, былъ рядомъ съ прихожею. Тогда придумали совсѣмъ запереть дверь изъ прихожей въ сѣни, а открыли небольшую дверь прямо съ лѣстницы въ буфетъ, и съ той минуты буфетъ былъ постоянно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ выражалось глубокое участіе; очень многіе плакали. Друзей Пушкина особенно тронуло участіе, выказанное при этомъ многими иностранцами; между прочимъ, былъ тутъ и французскій посолъ Барантъ, извѣстный писатель; онъ долго стоялъ въ уныніи посреди прихожей, гдѣ около него шептали съ печальными лицами о томъ, что дѣлалось за дверями. Императоръ Николай узнавалъ о положеніи Пушкина отъ Арендта (который разъ по шести въ день и по нѣскольку разъ ночью пріѣзжалъ навѣстить больного) и отъ Жуковскаго; Цесаревичъ, Великая Княгиня Елена Павловна часто присылали справляться о Пушкинѣ. Съ утра 29-го января посѣтителей было еще больше, и на улицѣ, передъ крыльцомъ квартиры, образовалась толпа, для которой не хватало мѣста въ комнатахъ; сквозь эту толпу трудно было проходить въ домъ даже друзьямъ Пушкина, и Данзасъ долженъ былъ обратиться въ Преображенскій полкъ съ просьбой поставить у крыльца нѣсколько солдатъ, чтобы установить тутъ какой-нибудь порядокъ. Пушкинъ впускалъ къ себѣ только самыхъ короткихъ знакомыхъ, самыхъ близкихъ домашнихъ друзей, хотя интересовался всѣми, часто спрашивалъ, кто былъ у него въ домѣ, и говорилъ: „*Мнѣ было бы пріятно видѣть ихъ всѣхъ, но у меня нѣтъ силы говорить съ ними*“...

Вечеромъ 28-го января Пушкину сдѣлалось опять хуже.

У него не было въ эту ночь такихъ невыносимыхъ мукъ, какъ предыдущею ночью, но положеніе его все-таки стало опять очень тяжелымъ. Онъ опять постоянно высказывалъ желаніе смерти, неизбѣжное приближеніе которой чувствовалъ. Онъ не разъ, напр., спрашивалъ у Даля, который часъ, и, получивъ отвѣтъ, снова спрашивалъ отрывисто и съ разстановкою: *„Долго ли... мнѣ такъ... мучиться?... пожалуйста... поскорѣе“*... И это повторялъ онъ нѣсколько разъ: *„Скоро ли... конецъ?... пожалуйста... поскорѣе!“*... Почти всю ночь держалъ онъ Даля за руку, часто просилъ ложечку холодной воды, кусочекъ льду и всегда при этомъ дѣлалъ все самъ: бралъ самъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ снималъ и накладывалъ себѣ на животъ припарки, и всегда еще приговаривая: *„Вотъ и хорошо, и прекрасно“*. Вообще онъ былъ тутъ послушенъ и повадливъ, какъ ребенокъ, дѣлалъ все, о чемъ его просили. Собственно отъ боли страдалъ онъ мало, по словамъ его, не столько, сколько отъ чрезмѣрной тоски (что нужно приписать, по мнѣнію Даля, воспаленію брюшной полости, а, можетъ быть, и еще болѣе воспаленію венозныхъ жилъ). *„Ахъ, какая тоска!*—восклицалъ онъ, когда припадокъ усиливался,—*сердце изнываетъ!“* Тогда просилъ онъ поднять его, поворотить или поправить подушку и, не давъ кончить того, останавливалъ обыкновенно словами: *„Ну, такъ, такъ хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно, теперь очень хорошо“*. Когда тоска и боль его одолѣвали особенно, онъ усиленно крѣпился. Даль, видя это, говорилъ ему: „Терпѣть надо, любезный другъ, дѣлать нечего; но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче“; но Пушкинъ возражалъ прерывающимся голосомъ: *„Нѣтъ... не надо... стонать... жена... услышитъ... смѣшно же... чтобъ... этотъ... вздоръ меня... пересилилъ... не хочу“*. И онъ продолжалъ по прежнему дышать часто и отрывисто, и его тихій стонъ замолкалъ на время вовсе...

Можно себѣ представить, что́ долженъ былъ чувствовать Даль въ эту ночь, держа почти все время за руку умирающаго Пушкина!... Самъ онъ такъ изображаетъ свои чувства: „Въ продолженіе долгой, томительной ночи глядѣлъ я съ душевнымъ сокрушеніемъ на эту таинственную борьбу жизни и

смерти и не могъ отбиться отъ трехъ словъ изъ Онѣгина, трехъ страшныхъ словъ, которыя неотвязчиво раздавались въ ушахъ, въ головѣ моей,—слова:

Ну, что-жъ?—убитъ!...

О! сколько силы и краснорѣчія въ трехъ этихъ словахъ!... Ужасъ невольно сдавилъ меня съ головы до ногъ, я сидѣлъ, не смѣя дохнуть"....

Такъ прошла эта томительная ночь, менѣе мучительная, чѣмъ первая, но не менѣе, быть можетъ, тяжелая для несчастнаго страдальца, силы котораго были такъ истощены предшествовавшими мученіями... Настало утро 29-го января. Пушкинъ замѣтно все слабѣлъ и слабѣлъ, замѣтно таялъ. Руки у него были холодны. Пульсъ едва слышанъ. Онъ безпрестанно требовалъ холодной воды и бралъ ее въ малыхъ количествахъ, иногда держалъ во рту небольшіе куски льду, отъ времени до времени самъ теръ себѣ виски и лобъ льдомъ.

Около 12 часовъ больной спросилъ зеркало, посмотрѣлъ въ него и махнулъ рукой. Онъ неоднократно приглашалъ къ себѣ жену. Вообще всѣ входили къ нему только по его желанію. Нерѣдко на вопросъ, не хочетъ ли онъ кого-нибудь видѣть, онъ отвѣчалъ: *„я позову"*.

Ударило два часа пополудни, 29-го января, — и въ Пушкинѣ оставалось жизни только на три четверти часа. Бодрый духъ все еще сохранялъ могущество свое, мысли, память его были свѣтлы, изрѣдка только полудремота, забвеніе отуманивало ихъ. Тогда умирающій нѣсколько разъ подавалъ Далю руку, сжималъ ее и говорилъ: *„ну, подымай же меня, подымай, да выше, выше, ну, пойдемъ"*. Опамятовавшись, онъ сказалъ Далю: *„мнѣ было пригрезилось, что я съ тобою лѣзу по этимъ книгамъ и полкамъ, высоко,—и голова закружилась"*. Раза два присматривался онъ пристально къ Далю, спрашивая: *„кто это? ты? что это я не могъ тебя узнать"*...

Пушкинъ лежалъ больше съ закрытыми глазами, но вдругъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Скорѣе послали за этою ягодой. Онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ее ожидалъ и нѣсколько разъ повторялъ: *„морошки, морошки"*... Наконецъ, принесли морошку. *„Позовите жену, пусть она меня*

покормитъ". Наталья Николаевна пришла, опустилась на колѣни у изголовья и поднесла ему нѣсколько ложечекъ морошки. Послѣ всякой ложечки Пушкинъ говорилъ: „*ахъ, какъ это хорошо*"!—потомъ сказалъ: „*довольно*". Жена прижалась лицомъ къ его лицу. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: „*ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо, поди*". Лицо его выражало спокойствіе. Это и обмануло несчастную жену, которая, уходя, сказала Спасскому: „вотъ увидите, что онъ будетъ живъ, онъ не умретъ"... Но смерть была близка, близка...

Немного погодя, онъ опять сталъ искать руку Даля, и потянувъ ее, сказалъ: „*ну, пойдемъ же, пожалуйста, да вмѣстѣ*"... Даль подошелъ къ Жуковскому и Вьельгорскому, бывшимъ тутъ, и сказалъ: „отходитъ"! Друзья, близкіе молча окружили изголовье умирающаго. Пушкинъ попросилъ, чтобы его перевернули на правый бокъ. Даль, Данзасъ и Спасскій исполнили его волю, поворотили его слегка и подложили къ спинѣ подушку. „*Хорошо*",—сказалъ онъ. Потухающимъ взоромъ обвелъ онъ шкафы своей библіотеки и чуть внятно прошепталъ: „прощайте, прощайте"... Вдругъ онъ будто проснулся, быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось и онъ сказалъ: „*кончена жизнь*"! Даль не дослышалъ и спросилъ тихо: что кончено?—„*Жизнь кончена*", отвѣчалъ онъ внятно и положительно: „*тяжело дышать, давитъ*"...—были послѣднія слова его... Спокойствіе разлилось по всему тѣлу, руки остыли по самыя плечи, пальцы на ногахъ, ступни и колѣни тоже; отрывистое и частое дыханіе измѣнялось болѣе и болѣе въ медленное, тихое, протяжное; еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ,—и Пушкина не стало. Онъ скончался такъ тихо, что присутствовавшіе не сразу замѣтили его смерть. Тишина, его обнявшая, показалась имъ успокоеніемъ. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ Жуковскій спросилъ: „что онъ"? — *Кончилось!* отвѣтилъ Даль. Друзья еще долго простояли надъ нимъ, молча, не шевелясь... Въ кабинетъ вошла Наталья Николаевна, она бросилась къ трупу мужа, упала передъ нимъ на колѣни... Съ глубокимъ отчаяніемъ она протянула руки къ Пушкину, толкала его и, рыдая, вскрикивала: „Пушкинъ, Пушкинъ, ты живъ"!?.. Картина была раздирающая душу...

Пушкинъ умеръ въ три четверти третьяго часа пополудни, 29-го января 1837 года.

При вскрытіи оказалось: чресельная часть правой половины раздроблена, часть крестцовой кости также; пуля затерялась около оконечности послѣдней. Кишки были воспалены, но не убиты гангреной; внутри брюшины до фунта запекшейся крови, вѣроятно изъ бедренной или брыжжечныхъ венъ. Пуля вошла въ двухъ дюймахъ отъ верхней передней оконечности правой чресельной кости и прошла косвенно или дугой внутри большого таза сверху внизъ до крестцовой кости. Пушкинъ умеръ, вѣроятно, отъ воспаленія большихъ венъ, въ соединеніи съ воспаленіемъ кишекъ. Вскрытіе трупа показало, что рана принадлежала къ безусловно смертельнымъ (по крайней мѣрѣ, при тогдашнемъ состояніи хирургіи). Поэтому отсутствіе медицинской помощи на мѣстѣ поединка и затѣмъ нескорое прибытіе врача къ Пушкину, уже привезенному домой, въ данномъ случаѣ не имѣли значенія.

Жуковскій долго оставался, послѣ смерти Пушкина, при его трупѣ. Свои чувства онъ излилъ въ прочувствованномъ стихотвореніи.

Жуковскій еще во-время вспомнилъ и распорядился снять маску съ лица Пушкина. Кромѣ того, были сдѣланы портреты мертваго Пушкина Бруни, Мокрицкимъ, Козловымъ.

30-го января друзья Пушкина положили его въ гробъ; его одѣли во фракъ, а не въ придворный мундиръ, котораго онъ не любилъ. Гробъ въ теченіе двухъ дней оставался въ квартирѣ, и входъ былъ для всѣхъ открытъ. Комната, гдѣ стоялъ гробъ, была постоянно полна народу,—одни уходили, другіе приходили; много тысячъ людей перебывали тутъ за эти два дня, чтобы взглянуть послѣдній разъ на Пушкина. Многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лицо его...

Панаевъ разсказываетъ намъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“: „Трагическая смерть Пушкина пробудила Петербургъ отъ апатіи. Весь Петербургъ всполошился. Въ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. На Мойкѣ у Пѣвческаго моста не было ни прохода, ни проѣзда. Толпы народа съ утра до ночи осаждали домъ; извозчиковъ нанимали, просто говоря: „къ Пуш-

кину“, и извощики везли туда. Всѣ классы петербургскаго населенія, даже люди безграмотные, считали какъ бы своимъ долгомъ поклонится тѣлу поэта. Это было уже похоже на народную манифестацію, на очнувшееся вдругъ общественное мнѣніе“. Въ числѣ лицъ, приходившихъ на поклоненіе праху великаго поэта, былъ также и И. С. Тургеневъ, тогда еще молодой человѣкъ. Онъ тоже долго стоялъ передъ гробомъ, и ему вспомнились стихи:

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела...

Родственникъ Н. Н. Пушкиной, гр. Г. А. Строгановъ, взялъ на себя заботы о похоронахъ и предполагалъ устроить ихъ съ обычною торжественностью; похороны были назначены въ Исаакіевскомъ соборѣ (въ приходѣ котораго жилъ Пушкинъ), что и значилось на пригласительныхъ билетахъ, разосланныхъ отъ имени вдовы. Университетская и литературная молодежь рѣшили нести гробъ на рукахъ до церкви; но полиція, боясь какой-нибудь демонстраціи при похоронахъ Пушкина, обставила ихъ особыми условіями, отмѣнивъ распоряженія гр. Строганова. Выносъ тѣла былъ совершенъ ночью (въ ночь съ 31-то января на 1-е февраля), въ присутствіи нѣкоторыхъ родныхъ и самыхъ только близкихъ друзей: въ дозволеніи присутствовать при выносѣ было отказано А. Н. Муравьеву и гр. Бобринской. При выносѣ присутствовалъ начальникъ штаба корпуса жандармовъ Л. В. Дубельтъ, въ сопровожденіи около двадцати штабъ и оберъ-офицеровъ. По сосѣднимъ дворамъ были разставлены пикеты. Церковь для похоронъ была назначена тоже другая, именно—церковь конюшеннаго вѣдомства. Въ день отпѣванія профессорамъ и студентамъ велено было находиться на лекціяхъ, не оставлять университета.

Отпѣваніе происходило 1-го февраля. Хотя въ церковь пускали только по билетамъ, но въ ней была давка; много народу толпилось на лѣстницѣ, даже на улицѣ. „Это было дѣйствительно народные похороны“, говоритъ А. В. Никитенко. Послѣ отпѣванія всѣ бросились къ гробу Пушкина, всѣ хотѣли его нести. Гробъ вынесли на рукахъ Жуковскій, Кры-

ловъ, Вяземскій и другіе литераторы и поставили его въ подвалѣ, гдѣ ему было назначено оставаться до отправленія изъ города.

„Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, что мы все-таки подвинулись впередъ, сказалъ Кукольникъ по выходѣ изъ церкви, указывая на толпу, пришедшую поклониться праху одного одного изъ лучшихъ сыновъ своихъ.

Пушкинъ желалъ быть похороненнымъ около своего любимаго Михайловскаго, куда его такъ страстно тянуло въ послѣдніе годы, въ Святогорскомъ монастырѣ, рядомъ съ могилой матери: его мать умерла весною 1836 года, и онъ самъ отвозилъ ея тѣло въ Святогорскій монастырь.

Отправленіе гроба съ останками Пушкина изъ города происходило опять ночью; 3-го февраля, послѣ десяти часовъ, опять собрались ближайшіе друзья покойнаго въ подвалъ Конюшенной церкви; отпѣли послѣднюю панихиду; ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись...

Жена Никитенка, возвращаясь въ это время изъ Могилева, встрѣтила на станціи гробъ Пушкина, закрытый соломою и рогожей. Три жандарма суетились на почтовомъ дворѣ, хлопотали о томъ, чтобы скорѣе перепречь *курьерскихъ* лошадей и скакать дальше съ гробомъ...

Сопровождать тѣло Пушкина до могилы были назначены жандармскій капитанъ и А. И. Тургеневъ, человѣкъ очень близкій покойному: онъ въ 1811 году содѣйствовалъ помѣщенію Пушкина-мальчика въ ново-открывавшійся тогда Царскосельскій лицей, гдѣ впервые и сказалось поэтическое дарованіе Пушкина, гдѣ ему стала впервые являться муза... Тургеневу же пришлось увозить изъ Петербурга останки великаго поэта...

Святогорскій Успенскій монастырь находится въ Опочковскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, всего въ четырехъ верстахъ отъ Михайловскаго, такъ что тѣло Пушкина провозили черезъ его любимыя мѣста, мимо его сельскаго дома, мимо воспѣтыхъ имъ сосенъ... 4-го числа, въ девятомъ часу вечера, гробъ былъ привезенъ въ Псковъ, откуда, по надлежащемъ распоряженіи со стороны губернскаго начальства, въ ту же ночь (на 5-е февраля) былъ отправленъ черезъ городъ Островъ въ Святогорскій монастырь, куда привезли его уже къ 7-ми часамъ вечера. Гробъ поставили на Святой горѣ, въ собор-

ной Успенской церкви, и отслужили вечеромъ панихиду. Ночью вырыли могилу подлѣ той, гдѣ погребена Н. О. Пушкина. На другой день, на разсвѣтѣ, по совершеніи божественной литургіи, въ послѣдній разъ отслужили панихиду, и гробъ былъ опущенъ въ могилу въ присутствіи А. И. Тургенева и крестьянъ Пушкина, пришедшихъ изъ Михайловскаго... Тургеневъ писалъ Жуковскому изъ Пскова 7-го февраля: „Мы предали землѣ земное вчера на разсвѣтѣ. Я провелъ около сутокъ въ Тригорскомъ, у вдовы Осиповой, гдѣ искренно оплакиваютъ поэта и человѣка въ Пушкинѣ. Милая дочь хозяйки показала мнѣ домикъ и садъ поэта, я говорилъ съ его дворнею... Везу вамъ сырой земли, сухихъ вѣтвей и только; нѣтъ— и нѣсколько неизвѣстныхъ вамъ стиховъ Пушкина“...

Приведу еще нѣкоторыя современныя данныя о впечатлѣніи, произведенномъ смертью Пушкина.

Жуковскій писалъ тогда въ *Современникѣ:* „Россія потеряла Пушкина въ ту минуту, когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни, размышленіемъ и наукой, готовился дѣйствовать полною силой,—потеря невозвратная и ничѣмъ невознаградимая. Что бы онъ написалъ, если бы судьба такъ внезапно не сорвала его со славной, едва начатой имъ дороги?.. Что могу я... сказать, угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это, къ несчастію, вѣрно, но все еще кажется невѣроятнымъ... Въ одну минуту погибла сильная крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами... Россія лишилась своего любимаго, національнаго поэта... У кого изъ русскихъ съ его смертью не оторвалось что-то родное отъ сердца?... Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію всѣ народы родня; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинаковою, братскою скорбью. Пушкинъ по своему генію былъ собственностью не одной Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и посолъ Франціи (самъ знаменитый писатель) приходилъ къ дверямъ его съ печалью *собственною* и о *нашемъ* Пушкинѣ пожалѣлъ какъ будто о *своемъ*. Потому же и Люцероде, саксонскій посланникъ, сказалъ собравшимся у него гостямъ въ понедѣльникъ въ вечеру: „Нынче у меня танцовать не будутъ, нынче были похороны Пушкина“...

Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ *Русскому Инвалиду* редакторъ ихъ, А. А. Краевскій, напечаталъ слѣдующее:

> Солнце нашей поэзіи закатилось! *Пушкинъ* скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!.. Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силы, да и не нужно; всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будетъ растерзано. *Пушкинъ!* нашъ поэтъ! наша радость! наша народная слава!... Не уже ли въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина?
>
> Къ этой мысли нельзя привыкнуть!
>
> 29-го января, 2 ч. 45 м. пополудни.

Тѣ же самыя строки, только безъ траурной каймы, были помѣщены и въ самомъ *Русскомъ Инвалидѣ*. А. А. Краевскій получилъ отъ гр. Уварова, министра народнаго просвѣщенія (тогда начальникъ цензуры), строгій выговоръ черезъ попечителя и за траурную кайму, и за неумѣстныя выраженія: *великое поприще*—кого же?—стихотворца... Но и въ другихъ изданіяхъ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, появились печальныя, прочувствованныя извѣстія о смерти Пушкина. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Враждебно къ нему относившаяся *Сѣверная Пчела* напечатала:

„Сегодня, 29-го января, въ 3-мъ часу пополудни, литература русская понесла невознаградимую потерю: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*, по кратковременныхъ страданіяхъ тѣлесныхъ, оставилъ юдольную сію обитель. Пораженные глубочайшею горестію, мы не будемъ многорѣчивы при семъ извѣщеніи: Россія обязана Пушкину благодарностію за 22-хъ-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности, которыя были рядъ блистательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ успѣховъ въ сочиненіяхъ всѣхъ родовъ. Пушкинъ прожилъ 37 лѣтъ: весьма мало для жизни человѣка обыкновеннаго, и чрезвычайно много въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ уже онъ въ столь краткое время существованія, хотя много, очень много могло бы еще ожидать отъ него признательное отечество. *Л. Якубовичъ*.“

Въ *Библіотекѣ для чтенія* была напечатана довольно

обширная статья Н. Полеваго „Пушкинъ“, начинавшаяся такъ: „Умеръ онъ. Пѣсня его умолкла, погребальный звонъ колокола надъ его гробомъ отозвался въ русской землѣ печальною вѣстью—„Пушкина нѣтъ!“ Свѣтлая Божія весна скоро зазеленѣетъ, и въ тающемъ снѣгѣ псковскихъ лѣсовъ впервые обнажитъ холодную, безмолвную могилу великаго русскаго поэта...“ Статья кончалась предложеніемъ всероссійской подписки на могильный памятникъ Пушкина.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* сначала было помѣщено краткое извѣстіе: „Вчера, 29-го января, въ третьемъ часу пополудни, скончался Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Русская литература не терпѣла столь важной потери со времени смерти Карамзина“. Въ слѣдующемъ нумерѣ было напечатано письмо М. Коркунова, лично знавшаго Пушкина, о похоронахъ поэта.

Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* было напечатано: „*Пушкина не стало!* Мы потеряли съ нимъ часть лучшихъ наслажденій нашихъ, часть нашей народной жизни, нашей души, нашего слова...“

А сколько стиховъ было написано на смерть Пушкина! И эти стихи, и эта проза были истинными выразителями общественнаго настроенія, общественнаго движенія, сказавшагося еще во время болѣзни Пушкина. Стихи Лермонтова,—это наиболѣе замѣчательное произведеніе въ литературѣ на смерть Пушкина,—переписывались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перечитывались и выучивались наизусть...

Скорбная вѣсть о кончинѣ великаго поэта облетѣла сыстро всю Россію, вездѣ отзываясь болью въ русскихъ сердцахъ; наконецъ, достигла она до лицейскаго товарища Пушкина, его близкаго друга, котораго поэтъ вспоминалъ, умирая, — И. И. Пущина, находившагося въ Сибири. Для него это было тяжелымъ личнымъ горемъ, но оно, сливаясь съ горемъ общественнымъ, находило себѣ исходъ...

„Въ грустныя минуты,—пишетъ Пущинъ,—я утѣшалъ себя тѣмъ, что поэтъ не умираетъ, и что Пушкинъ мой всегда живъ для тѣхъ, кто, какъ я, его любилъ, и для всѣхъ, умѣющихъ отыскивать его—живаго въ безсмертныхъ его стихотвореніяхъ“...

Январь, 1887 года.

Очеркъ исторіи печатнаго Пушкинскаго текста съ 1814 по 1887 годъ.

Прочитано на торжественномъ засѣданіи общества любителей Россійской словестности 1-го февраля 1887 г.

Мы сегодня собрались всѣ сюда, чтобы почтить память величайшаго нашего поэта, почтить только что исполнившуюся пятидесятилѣтнюю годовщину смерти Пушкина...

У насъ въ Россіи установился довольно странный съ перваго взгляда обычай торжественно поминать (почти-что праздновать) годовщину смерти выдающагося дѣятеля. Но этотъ странный обычай, при ближайшемъ разсмотрѣніи, имѣетъ свои достаточныя основанія. По условіямъ нашего быта, неблагопріятнымъ для самостоятельнаго выраженія общественныхъ стремленій и симпатій, самымъ подходящимъ и удобнымъ способомъ чествовать память умершаго дѣятеля является прежде всего панихида, пріуроченная ко дню его смерти. И нерѣдко въ теченіе многихъ десятилѣтій по смерти дѣятеля никакое другое чествованіе его памяти не бываетъ возможно. Отсюда въ русскомъ обществѣ и установился, говорю я, обычай пріурочивать вообще чествованіе въ память дѣятеля ко дню его смерти.

Но торжественное чествованіе *пятидесятилѣтней* годовщины со дня смерти *писателя* имѣетъ у насъ и еще другое, самостоятельное и болѣе опредѣленное значеніе.

По нашему законодательству, право литературной собственности, какъ извѣстно, продолжается въ теченіе пятидесяти лѣтъ послѣ смерти писателя. По истеченіи этого долгаго срока, сочиненія писателя дѣлаются, наконецъ, общественнымъ достояніемъ. Поэтому-то пятидесятилѣтняя годовщина смерти выдающагося писателя является у насъ въ этомъ смыслѣ дѣйствительнымъ, такъ сказать, праздникомъ, — и литературнымъ, и общественнымъ. И чествуя, празднуя *въ этомъ смыслѣ* пятидесятилѣтіе, недавно исполнившееся со дня смерти Пушкина, нелишнее, кажется, будетъ выразить

пожеланія, чтобы столь долгій срокъ посмертной литературной собственности, срокъ, установленный въ свое время по случайнымъ, какъ говоритъ преданіе, вліяніямъ, — былъ наконецъ сокращенъ, чтобы наше законодательство снова вернулось къ прежнему, вполнѣ достаточному сроку въ двадцать пять лѣтъ.

Итакъ, повторяю, пятидесятилѣтняя годовщина со смерти всякаго выдающагося писателя имѣетъ важное у насъ значеніе, и тѣмъ болѣе важное, громадное значеніе имѣетъ такая годовщина со дня смерти Пушкина. 29-го января 1887 г. сочиненія Пушкина сдѣлались, наконецъ, общественнымъ, народнымъ достояніемъ: это событіе первостепенной важности и въ литературномъ, и въ общественномъ отношеніи.

И теперь, когда только что это событіе свершилось, не безъинтересно, думаю, будетъ окинуть общимъ взглядомъ всю предшествующую судьбу сочиненій Пушкина въ печати.

Исторія печатнаго Пушкинскаго текста до 1887 года распадается на два періода: первый изъ нихъ, меньшій, начинается съ перваго появленія въ печати произведенія Пушкина въ 1814 году и продолжается до его смерти въ январѣ 1837 г., обнимая собою послѣдніе двадцать три года жизни нашего поэта: это собственно Пушкинскій періодъ. Съ января 1837 г. до января 1887 года продолжается второй періодъ, періодъ пятидесятилѣтней посмертной литературной собственности. 29-го января 1887 г., всего три дня тому назадъ, начался третій періодъ, періодъ общественной собственности на сочиненія Пушкина, уже ознаменованный появленіемъ десятковъ изданій Пушкина—разныхъ цѣнъ, разныхъ форматовъ и объемовъ, разныхъ достоинствъ и съ разными цѣлями. Исторія двухъ предшествовавшихъ періодовъ, интересная во многихъ отношеніяхъ сама по себѣ, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать намъ извѣстные критеріи, положительные или отрицательные, для оцѣнки новопоявившихся теперь изданій.

Постараюсь въ краткихъ очеркахъ охарактеризовать оба періода, на которые распадается семидесятитрехлѣтняя исторія печатнаго Пушкинскаго текста. Прежде всего сдѣлаю общее замѣчаніе: исторія эта очень печальная: неблагопріятныя обстоятельства постоянно тяготѣли надъ печатаніемъ со-

чиненій нашего поэта; съ одной стороны, благодаря разнымъ условіямъ, сочиненія Пушкина обыкновенно сильно страдали отъ опечатокъ, съ другой стороны, на нихъ сильно отражались строгія цензурныя требованія; въ концѣ концовъ Пушкинскій текстъ нерѣдко являлся искалѣченнымъ. Такъ было въ первый періодъ; такъ, если еще не хуже, было и во второй.

Обратимся къ первому Пушкинскому періоду; основываться въ своемъ изложеніи я буду, кромѣ указаній, заключающихся въ самыхъ изданіяхъ, главнымъ образомъ на письмахъ Пушкина. Несмотря на спеціальный характеръ нашей задачи, мы, разбирая соотвѣтствующіе матеріалы, встрѣтимъ такія черты, которыя и представляютъ интересъ для біографіи поэта вообще, и—даже больше того—даютъ существенныя указанія для исторіи нашей литературы въ широкомъ смыслѣ этого слова. Таково значеніе личности Пушкина, такова ея сила, что, касаясь даже незначительнаго вопроса въ его біографіи, невольно наталкиваешься на вопросы общаго, широкаго значенія.

Какъ уже упомянуто, впервые стихотвореніе Пушкина появилось въ печати въ 1814 г.: въ № 13 *Вѣстника Европы* этого года была помѣщена пьеса Пушкина: „Къ другу-стихотворцу“. Затѣмъ Пушкинъ, и оставаясь въ лицеѣ, и окончивъ въ немъ курсъ (1817 г.), продолжалъ печатать свои стихи сначала въ *Вѣстникѣ Европы,* затѣмъ въ *Россійскомъ Музеумѣ,* въ *Трудахъ Общества любителей Россійской словесности,* въ *Сѣверномъ Наблюдателѣ* и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Но въ эти годы молодой Пушкинъ, уже и тогда очень строгій судья своихъ произведеній, печаталъ немного: съ 1814 по 1819 г. включительно въ разныхъ журналахъ было напечатано тридцать—сорокъ стихотвореній нашего поэта. Въ 1820-мъ году Пушкинъ приступилъ было къ печатанію отдѣльнымъ изданіемъ только что оконченной поэмы „Русланъ и Людмила“,—произведенія, которое сразу поставило его имя такъ высоко въ литературѣ; но судьба не позволила ему самому окончить это изданіе: весною 1820-го года онъ былъ удаленъ изъ Петербурга на югъ,—начатое изданіе пришлось поручить Н. И. Гнѣдичу. И съ этихъ поръ—когда именно его творчество только что развилось и усилилось—въ продолженіе почти семи лѣтъ Пушкину пришлось жить въ

провинціи. Если и теперь у насъ такъ мало и такъ рѣдко, сравнительно, печатается книгъ въ провинціи, то въ двадцатыхъ годахъ наше книгопечатаніе было сосредоточено исключительно въ обѣихъ столицахъ. Пушкину поневолѣ приходилось для печатанія своихъ сочиненій обращаться къ содѣйствію то того, то другаго изъ своихъ друзей, которые нерѣдко оказывались весьма неаккуратными исполнителями данныхъ имъ порученій. Не входя въ подробности, приведу изъ писемъ поэта нѣсколько мѣстъ, которыя покажутъ намъ, какъ шло дѣло.

Гнѣдичъ докончилъ изданіе „Руслана и Людмилы“ (1820 г.) и въ 1822-мъ году издалъ „Кавказскаго плѣнника“, но послѣднее изданіе было исполнено съ ошибками. Пушкинъ, задумавъ вновь перепечатать обѣ поэмы, обратился для этого къ Вяземскому и писалъ ему: „Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ, кромѣ одной — въ самомъ концѣ... Кавказскій плѣнникъ—иное дѣло“... и далѣе идетъ довольно длинный рядъ поправокъ, отчасти исправленій, отчасти опечатокъ.

Удаленіе Пушкина изъ Петербурга мѣшало ему самому слѣдить за своими изданіями, что отражалось не только на количествѣ опечатокъ, но и въ неудобствѣ — изъ - за тысячи верстъ вносить въ печатаемый текстъ своевременно новыя исправленія. Въ письмахъ Пушкина мы постоянно встрѣчаемъ указанія, что то или другое мѣсто въ печатаемомъ произведеніи надо такъ-то и такъ-то исправить,—но эти исправленія не всегда были вносимы въ изданія друзьями поэта, иногда потому, что уже было поздно, иногда по недосмотру; при этомъ друзья, печатавшіе произведеніе поэта, оказывались часто несогласными съ указываемыми самимъ поэтомъ поправками, спорили противъ нихъ или же, напротивъ, предлагали иногда свои поправки въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ поэтъ не хотѣлъ исправлять, и Пушкину приходилось отстаивать свои стихи отъ чужихъ поправокъ: на все это мы находимъ не мало указаній въ письмахъ Пушкина.

Опечатки иногда ужасно сердили Пушкина; онъ пишетъ брату: „Не стыдно ли Кюхлѣ (т. - е. В. К. Кюхельбекеру, лицейскому товарищу Пушкина, издателю альманаха „Мнемозина“) — не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего „Демона“! моего „Демона“! Послѣ этого онъ и „Вѣрую“ на-

печатаетъ ошибочно"... И въ виду этихъ частныхъ ошибокъ въ стихотвореніяхъ, печатаемыхъ въ журналахъ, Пушкину приходилось иной разъ такія искаженныя стихотворенія вторично перепечатывать въ другомъ изданіи, уже въ настоящемъ ихъ видѣ.

Не мало страдалъ пушкинскій текстъ въ печати еще отъ того, что произведенія Пушкина печатались иногда въ альманахахъ по невѣрнымъ спискамъ: поэтъ былъ далеко, наблюдать за свѣркой копій было некому. Отчасти въ этомъ былъ виноватъ самъ Пушкинъ; въ одномъ письмѣ къ брату онъ дозволяетъ ему печатать его стихотворенія по памяти: „съ журналистами дѣлай что угодно,—дарю тебѣ мои мелочи на пряники; продавай или дари, *что упомнишь*, а переписывать мочи нѣтъ". Конечно, это разрѣшеніе печатать по памяти касается только *мелкихъ* пьесъ, но все-таки оно, несмотря на блестящую дѣйствительно память, которой отличался Л. С. Пушкинъ, до извѣстной степени, можетъ оправдывать неаккуратное отношеніе друзей поэта къ печатанію его текстовъ. Правду сказать, они часто бывали неаккуратны въ этомъ отношеніи. Вотъ примѣръ изъ письма Пушкина къ брату. Въ „Полярной Звѣздѣ" было напечатано стихотвореніе Пушкина „Мечта воина" (теперь оно называется „Война"). Пушкинъ пишетъ: „Мечта" напечана съ ошибочнаго списка: *призванье* вмѣсто взыванье; *тревожныхъ* думъ... (вмѣсто привычныхъ); *воспоминаніе и брата, и друзей*—стихъ трогательный, а въ „Звѣздѣ" *(и братьевъ, и друзей)* просто плоскій". Извѣстно, кромѣ того, что иногда „альманашники" печатали стихотворенія Пушкина безъ его дозволенія и ужъ въ совершенно искаженномъ видѣ. О двухъ такихъ случахъ говоритъ Пушкинъ въ своихъ замѣткахъ (Соч. V, 115).

Послѣднія десять лѣтъ своей жизни Пушкинъ имѣлъ возможность большею частью лично наблюдать за печатаніемъ своихъ произведеній,—ему была возвращена въ 1826 г. свобода, дозволенъ въѣздъ въ столицы. Но и въ эти годы, благодаря, съ одной стороны, частымъ разъѣздамъ Пушкина, а съ другой—разнымъ обстоятельствамъ, отвлекавшимъ его отъ издательскихъ заботъ, въ отдѣльныхъ изданіяхъ его сочиненій мы опять-таки встрѣчаемъ не мало болѣе или менѣе важ-

ныхъ опечатокъ; при томъ же Пушкинъ не могъ все-таки слѣдить всегда за печатаніемъ своихъ стиховъ по альманахамъ и журналамъ, и тамъ по-прежнему стихи его искажались ошибками. Когда обстоятельства позволяли, Пушкинъ съ полнымъ вниманіемъ слѣдилъ за своими изданіями. Такъ, лѣто 1834 года онъ проскучалъ въ Петербургѣ, одинъ, безъ семьи, за корректурами Пугачевскаго бунта.

Не входя больше въ подробности объ опечаткахъ въ пушкинскомъ текстѣ, изданномъ при его жизни, приведу нѣсколько характерныхъ примѣровъ этихъ опечатокъ. Такъ, Пушкина очень сердила опечатка въ Мнемозинѣ, гдѣ веселіе было названо „засѣдателемъ"; такъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ", въ разныхъ его изданіяхъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такія опечатки: зимой, вм. домой; важнѣй, вм. нѣжнѣй; зимнія, вм. дымныя; такъ въ первомъ изданіи „Полтавы" былъ пропущенъ одинъ стихъ, было напечатано „работы", вм. „заботы" и т. д. Примѣровъ можно было бы привести безъ конца. Ошибокъ и опечатокъ въ произведеніяхъ Пушкина, напечатанныхъ съ 1814 по 1837 гг., встрѣчается много особенно по журналамъ, несмотря на всѣ старанія и протесты Пушкина.

Перехожу къ другой сторонѣ изданій Пушкина,—къ ихъ внѣшности. Пушкинъ много о ней заботился, и изданія его произведеній, особенно тѣ, за которыми онъ могъ лично наблюдать, нерѣдко выходили очень изящными книжками,—принимая, конечно, во вниманіе положеніе печатнаго дѣла въ Россіи того времени. Пушкинъ изъ своего изгнанія слѣдилъ за внѣшностью изданій, предпринятыхъ по его порученію его братомъ или друзьями, дѣлая иногда указанія даже на мелочи. Когда въ 1825-мъ году Пушкинъ предпринялъ изданіе своихъ стихотвореній (вышло въ 1826 году), онъ писалъ брату и Плетневу, которые взяли на себя наблюденіе за печатаніемъ: „Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піэсу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣднее изданіе Жуковскаго, и, пожалуйста, безъ ~~~~~~~~~~ и безъ • ▬ • • ▬ • и безъ ═══ ,—вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами и *à la ligne*. На каждую штуку особенно, хоть бы изъ четырехъ стиховъ состоящую (развѣ изъ двухъ — такъ можно *à la ligne* и другую)".

Удавшееся изданіе радовало всегда Пушкина; въ 1821 году онъ пишетъ Гнѣдичу по поводу полученнаго имъ въ Кишиневѣ „Руслана и Людмилы“ (объ этомъ изданіи уже было упоминаемо выше): „платье, сшитое по заказу вашему на „Руслана и Людмилу“, прекрасно. И вотъ уже четыре дня, какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня“.

Нѣкоторыя изданія Пушкина выходили съ виньетками или и съ отдѣльными картинками: большею частью это были сюрпризы, которые ему устроивались его друзьями. И Пушкинъ бывалъ очень доволенъ этими сюрпризами. Иногда онъ самъ выражалъ друзьямъ-издателямъ желаніе видѣть въ изданіи такую-то картинку, но, къ сожалѣнію, эти желанія не были тогда исполнены, остаются неисполненными и до сихъ поръ. Для изданія стихотвореній 1826 года Пушкинъ просилъ награвировать виньетку; онъ писалъ брату: „виньетку бы не худо, даже можно, даже нужно, даже ради Христа сдѣлайте; именно: Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ... Что если-бъ волшебная кисть Ѳ. Толстаго?

Нѣтъ! слишкомъ дорога!
А ужасть какъ мила!...

Къ тому же кромѣ Уткина ни чей рѣзецъ недостоинъ его карандаша“. „Стихотворенія“ 1826 г. вышли безъ виньетки. Пушкинъ желалъ, чтобы къ первой главѣ „Евгенія Онѣгина“ была приложена картинка. Онъ писалъ объ этомъ брату, послалъ даже набросанный имъ самимъ рисунокъ. „Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина,—найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ все въ томъ же мѣстоположеніи. Та же сцена, слышишь ли? Это мнѣ нужно непремѣнно“. На рисункѣ Пушкина представлены два человѣка (онъ самъ и Онѣгинъ), облокотившіеся на гранитъ Невской набережной; за Невой видна Петропавловская крѣпость; по Невѣ плыветъ лодка (картинка относится къ XLVIII строфѣ первой главы Е. Онѣгина). И опять Левъ Сергѣевичъ почему-то не исполнилъ просьбы брата: первая глава Е. Онѣгина вышла безъ всякой картинки. Къ „Невскому Альманаху“ на 1829 годъ были приложены шесть картинокъ къ Е. Онѣ-

гину, не особенно удачныхъ; между ними есть одна, изображающая указанную Пушкинымъ сцену, по его мыслн. Извѣстно, что двѣ изъ этихъ картинокъ вызвали эпиграммы Пушкина въ томъ числѣ и та, гдѣ изображенъ самъ поэтъ съ Евгеніемъ Онѣгинымъ. Къ Библіографическимъ Запискамъ 1858 года было приложено факсимиле записочки Пушкина и набросаннаго имъ рисунка.

Выше я упоминалъ уже, что Пушкинъ, поручая друзьямъ свои изданія, имѣлъ съ ними иногда по этому поводу разныя недоразумѣнія. Особенно часто приходилось ему жаловаться на брата, главнаго своего агента, который дѣйствительно и въ срокахъ изданія, и въ высылкѣ денегъ часто былъ очень неаккуратенъ. Для изданія „Стихотвореній“ 1826 г. пришлось много хлопотать, разбираться въ страшной путаницѣ, въ которой, впрочемъ, на этотъ разъ былъ виноватъ самъ поэтъ. Вкратцѣ, дѣло было въ томъ, что Пушкинъ сначала объявилъ подписку на свое изданіе, затѣмъ запродалъ было его Всеволожскому, потомъ захотѣлъ снова издавать самъ, но вмѣстѣ не сразу отклонилъ новое предложеніе кн. Лобанова и Толстого: изо всего этого получилась путаница, и изданіе, задуманное въ 1822 г., появилось, наконецъ, только въ 1826, подъ наблюденіемъ Льва Пушкина и Плетнева. Слѣдующее изданіе своихъ стихотвореній, какъ извѣстно, Пушкинъ печаталъ уже самъ томами,—въ 1829, 1832 и 1835 гг.,—всего въ шести томахъ, считая поэмы и драмы.

Мы видѣли сейчасъ, какую легкомысленную вѣтренность выказалъ Пушкинъ въ исторіи изданія своихъ стихотвореній 1826 года; ему въ данномъ случаѣ должно служить отчасти извиненіемъ положеніе, въ которомъ онъ находился: при невозможности самому завѣдывать своими изданіями, при неаккуратности своихъ друзей-агентовъ, ему естественно было хвататься за предложеніе постороннихъ издателей и вообще проявлять въ этомъ дѣлѣ нерѣшительность, колебанія. Но въ общемъ къ финансовой, торговой сторонѣ своихъ изданій Пушкинъ относился очень серьезно, иногда даже вызывая несправедливый упрекъ въ корыстолюбіи. Этотъ вопросъ имѣетъ весьма важное общее значеніе, и я нѣсколько на немъ остановлюсь.

Несмотря на значительные успѣхи, на быстрое развитіе нашей литературы во второй половинѣ XVIII-го вѣка и въ первые годы нашего столѣтія, у насъ все-таки не было еще достаточно развиты многія существенныя стороны литературной жизни; между прочимъ у насъ почти не существовало или даже совершенно не существовало литературнаго гонорара, а между тѣмъ это необходимый элементъ для правильнаго и самостоятельнаго развитія литературы. Книжная торговля наша, временно было оживленная энергическою, безпримѣрною дѣятельностью Новикова, дѣятельностью, еще до сихъ поръ мало оцѣненною въ этомъ отношеніи, книжная торговля наша была въ первой четверти нашего вѣка очень необширна, очень слаба, но все-таки издательство давало извѣстный доходъ; только имъ пользовались почти исключительно издатели и очень мало, рѣдко авторы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ нашемъ обществѣ тогда было очень мало уваженія къ литературѣ, къ литературнымъ занятіямъ, къ писателямъ, то въ немъ еще болѣе сильное предубѣжденіе существовало противъ литературнаго гонорара, противъ литературнаго заработка: получать плату за свои сочиненія, особенно за стихи казалось почти-что святотатствомъ, оскорбленіемъ своего поэтическаго творчества, неуваженіемъ къ искусству.

Пушкинъ, нуждавшійся въ деньгахъ и жившій главнымъ образомъ вообще отъ дохода съ своихъ сочиненій, очень рано сумѣлъ поставить вопросъ о своемъ литературномъ заработкѣ на настоящую почву, сумѣлъ отнестись къ нему правильно. Онъ не только не стыдился своего литературнаго заработка, не только не скрывалъ, что печатаніе его сочиненій даетъ ему средства къ жизни, но даже особенно настойчиво указывалъ на это, постоянно говоря, что онъ печатаетъ свои стихи не для славы и похвалъ, но для денегъ. Въ письмахъ его мы часто встрѣчаемся съ такого рода заявленіями; такъ, онъ говоритъ, напр., въ письмѣ къ Вяземскому: „я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола“. Ту же мысль выразилъ Пушкинъ въ одномъ стихотворномъ наброскѣ:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
„Смотрите! вы поэтъ,—уклонкой лицемѣрной

Вы насъ морочите, вамъ слава не нужна:
Смѣшной и суетной вамъ кажется она.
Зачѣмъ же пишете"—Я? для себя!—„На что же
Печатаете вы"? — Для денегъ!—„Ахъ, мой Боже!
Какъ стыдно"! — Почему-жъ?...

Всего прямѣе поставленъ и всего лучше рѣшенъ вопросъ въ письмѣ къ Казначееву: тутъ мы видимъ, что этотъ вопросъ мучилъ Пушкина, но что онъ сумѣлъ рѣшить его просто и правильно: „я уже побѣдилъ свое отвращеніе писать и продавать стихи ради насущнаго хлѣба; главный шагъ уже сдѣланъ: если я и пишу подъ вліяніемъ капризнаго вдохновенія, то на самые стихи, разъ они написаны, я смотрю уже какъ на товаръ по стольку-то за штуку". И этотъ же самый, такой простой и такой вѣрный, взглядъ коротко и опредѣленно выраженъ въ „Разговорѣ поэта и книгопродавца", въ словахъ послѣдняго:

Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Вопросъ поставленъ и рѣшенъ съ полною опредѣленностью.

Пушкинъ гордился тѣмъ, что онъ значительно развилъ у насъ книжную торговлю: и это совершенно вѣрно, — заслуга его въ этомъ отношеніи очень важна; но не менѣе, если еще не болѣе важно его вліяніе на развитіе у насъ литературнаго заработка. Для того, чтобы писатель могъ вообще быть самостоятельнымъ, не зависѣть ни отъ кого и ни отъ чего, надо, чтобы его писательство, его литературные труды обезпечивали его, давали ему свободу, независимость. И въ этомъ заключается важное условіе для достоинства и самостоятельности самой литературы. Пушкинъ и поднялъ размѣры литературнаго гонорара, и выяснилъ его значеніе. Эта заслуга великая, до сихъ поръ не оцѣненная по справедливости, какъ и многое въ дѣятельности нашего поэта.

Въ связи съ финансовою, торговою стороной изданій Пушкина стоитъ еще одинъ вопросъ, который открываетъ намъ очень характерную черту въ исторіи нашей литературы.

Въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка у насъ въ Россіи, несмотря на развившееся печатное дѣло, еще очень большую роль играла литература рукописная, заключавшая въ себѣ отчасти такія сочиненія, которыя никогда не были изданы, отчасти же представлявшая просто списки съ печатныхъ книгъ. Если между такими списками немало, между прочимъ, попадается списковъ съ разныхъ печатныхъ сочиненій Пушкина (переписчики, списывая съ печатнаго оригинала, обыкновенно обозначали на своей копіи типографію и годъ изданія), то тѣмъ охотнѣе, понятно, дѣлались списки съ тѣхъ произведеній Пушкина, которыя еще были не напечатаны; разъ они дѣлались извѣстными и переписывались въ кругу друзей поэта, многочисленные списки съ нихъ расходились по всей Россіи. Такого рода списки представляли нерѣдко большую конкурренцію послѣдующимъ печатнымъ изданіямъ, и Пушкинъ всегда очень сердился на своихъ пріятелей, распускавшихъ его сочиненія гулять по свѣту, и очень серьезно выговаривалъ имъ за это.

Приведу нѣсколько примѣровъ изъ писемъ Пушкина. Онъ пишетъ брату изъ Одессы: „Плетневъ пишетъ мнѣ, что „Бахчисарайскій Фонтанъ“ у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей славѣ! Благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! Остается узнать, раскупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица,—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи и долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола“... Въ слѣдующемъ письмѣ Пушкинъ опять говоритъ брату: „Вотъ, что пишетъ мнѣ Вяземскій: „Въ Благонамѣренномъ читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой „Фонтанъ“ еще до напечатанія. На что это похоже? И въ Петербургѣ ходятъ тысячи списковъ съ него, — кто же послѣ будетъ покупать? Я на совѣсти грѣха не имѣю...“ Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3,000 руб., а тамъ хоть трава не расти. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ,—

да впередъ невозможно будетъ и мнѣ продавать себя съ барышомъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ *моей славы*,—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ голода не околѣть, а они кричатъ: *слава!*" Другой разъ Пушкинъ пишетъ Вяземскому: „Скажи отъ меня Муханову, что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало „Цыгановъ" и распустилъ его по свѣту. Варваръ! Вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги!..." Посылая Вяземскому 2-ю главу Е. Онѣгина, Пушкинъ на рукописи приписалъ брату: „Доставь это Вяземскому, повторивъ просьбу, чтобы онъ никому не показывалъ, да и самъ не пакости." И въ этомъ отношеніи ему часто приходилось жаловаться на брата за его, какъ онъ выражался, „чтеньебѣсіе".

Но обратимся опять къ печатному тексту Пушкинскихъ произведеній, — онъ главнымъ образомъ насъ и интересуетъ.

Мы видѣли, какія искаженія были вносимы въ Пушкинскій текстъ опечатками и ошибками издателей. Не меньше того, если еще не больше, текстъ этотъ страдалъ отъ цензурныхъ сокращеній и измѣненій.

Не буду вдаваться въ подробности о цензурѣ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка; по принятому плану, буду держаться главнымъ образомъ опять писемъ поэта.

Общая характеристика цензуры того времени хорошо извѣстна: это была цензура крайне произвольная, придирчивая, обращавшая вниманіе на пустыя мелочи, дозволявшая себѣ даже эстетическую критику и т. д. Блестящее изображеніе ея дано въ двухъ знаменитыхъ посланіяхъ Пушкина къ цензору. И въ другихъ стихотвореніяхъ Пушкинъ тоже упоминаетъ иногда о цензурѣ: это было больное мѣсто, трагическій вопросъ для поэта. Передъ Пушкинымъ, когда онъ писалъ, страшнымъ *memento* стояла мысль: да пропуститъ ли цензура, можно ли напечатать? И изъ этого стѣснительнаго для его творчества положенія поэтъ находилъ единственный выходъ въ томъ, чтобы отгонять отъ себя представленіе о печатаніи, о цензурныхъ рамкахъ. Такъ, онъ пишетъ Вяземскому по поводу „Евгенія Онѣгина": „О печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею

невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать; а если брать, такъ брать; не то, что и когтей марать...“ Но созданіе готово; надо его печатать,—хоть бы изъ-за денегъ, какъ увѣрялъ обыкновенно Пушкинъ: и вотъ, поэту приходится для печати, для цензуры передѣлывать свое созданіе, мѣнять слова, пропускать стихи, строфы; приходится бороться съ цензоромъ, отвоевывать у него, что̀ можно, уступать ему шагъ за шагомъ; а цензоръ, придирчивый и безаппелляціонный судья, все урѣзываетъ, все мѣняетъ, и въ концѣ концовъ произведеніе поэта печатается не въ своемъ видѣ, измѣненное, искалѣченное; поэту же остается только любоваться на его „благородныя раны...“

Столкновенія съ цензурой начались для Пушкина очень скоро. Въ 1821 году онъ пишетъ Дельвигу:

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ,
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ...

Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ писемъ, говорящія объ отдѣльныхъ случаяхъ столкновеній съ цензурою.

Въ первомъ изданіи „Кавказскаго плѣнника“ цензура въ одномъ стихѣ замѣнила слово *ночей* словомъ *дней*:

Не много радостныхъ *ей дней*
Судьба на долю ниспослала.

Готовя второе изданіе поэмы, Пушкинъ пишетъ Вяземскому: „Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: *ей дней* въ концѣ стиха. Ночей, ночей — ради Христа, *ночей судьба на долю ей послала.* То ли дѣло ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась,—смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Бируковъ добрый малый: уговори его, или я слягу“ Посылая Вяземскому „Бахчисарайскій Фантанъ“ Пушкинъ писалъ: „сдѣлай милость, не уступай этой... цензурѣ, отгрызайся за каждый стихъ и загрызи если возможно въ мое воспоминаніе“. И какъ

только нашъ великій поэтъ думалъ что-нибудь печатать, его начиналъ мучить вопросъ, что скажетъ Бируковъ... „Что дѣлаютъ мои „Разныя стихотворенія“? спрашиваетъ онъ брата, когда готовилось изданіе 1826 г.,—видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный?...“

Немудрено, что при такихъ условіяхъ у нашего поэта иногда не подымалась, такъ сказать, рука на свои созданія, что онъ не рѣшался ихъ портить для цензуры; по поводу того же изданія 1826 г. онъ пишетъ брату: „богатая мысль напечатать „Наполеона“, да цензура... лучшія строфы потонутъ“... Или онъ пишетъ Бестужеву: „если согласіе мое не шутя тебѣ нужно для напечатанія „Разбойниковъ“, то я никакъ его не дамъ, если не пропустятъ *грезъ* и *харчевни*“...

Въ приведенныхъ выдержкахъ изъ писемъ мы видимъ, какъ цензура придиралась къ отдѣльнымъ словамъ въ стихахъ Пушкина: характеристика, данная въ посланіи къ цензору, была составлена на основаніи собственнаго горькаго опыта.

Неудивительно, что при такомъ цензурномъ гнетѣ Пушкинъ въ своихъ письмахъ даетъ нерѣдко самые рѣзкіе отзывы о цензурѣ. Онъ пишетъ Бестужеву: „кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется, голубушка еще поумнѣла; не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ... Предвижу препятствія къ напечатанію стиховъ „къ Овидію“, но старушку можно и должно обмануть“.

Тяжело было положеніе нашего поэта, тяжело было положеніе нашей литературы. Слѣдующее характерное мѣсто въ одномъ письмѣ Пушкина показываетъ, до чего доходилъ цензурный гнетъ, до какого чувства доводилъ онъ Пушкина: по поводу назначенія Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія Пушкинъ надѣялся на облегченіе цензурныхъ требованій (см. „Второе посланіе къ цензору“), но какъ бы не рѣшался радоваться этому: „съ перемѣной министерства ожидаю и перемѣны цензуры. А жаль... *la coupe était pleine.* Бируковъ и Красовскій не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны“... Ту же мысль въ еще болѣе рѣзкой формѣ выражаетъ онъ въ письмѣ къ Вяземскому около того же времени.

И ничего нѣтъ страннаго, что Пушкинъ одно письмо къ Гнѣдичу кончаетъ такъ: *vale, sed delenda est censura.*

Извѣстно, что осенью 1826 г. Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву, обласканъ и прощенъ молодымъ царемъ, который, между прочимъ, избавилъ Пушкина отъ общей цензуры, взялся самъ быть его цензоромъ. Но эта великая милость привела еще къ большему стѣсненію для поэта. Съ одной стороны, у государя, конечно, не всегда хватало времени для „цензурованія“ стиховъ Пушкина, которое все-таки главнымъ образомъ зависѣло отъ гр. Бенкендорфа, а съ другой—и обыкновенная цензура не поступалась своими правами и не пропускала безъ своего особаго разсмотрѣнія произведеній Пушкина, одобренныхъ государемъ или его собственною канцеляріей. И Пушкинъ, „освобожденный отъ цензуры“, оказался собственно подъ тройною цензурой.

Когда Пушкинъ сдѣлался издателемъ *Современника,* ему еще больше пришлось возиться съ цензурой, которая тогда еще дѣлилась по вѣдомствамъ, и статьи по военной исторіи надо было отдавать на просмотръ военнымъ цензорамъ, кромѣ общей цензуры, и т. д. Скорбное письмо написалъ въ 1836 г. Пушкинъ Д. В. Давыдову, сообщая о цензурныхъ придиркахъ къ статьѣ послѣдняго: „Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурой напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства, но знаю, что никогда не бывали они притѣснены, какъ нынче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову...“

Итакъ, цензура очень вредно вліяла на печатный Пушкинскій текстъ. Кромѣ цѣлаго ряда произведеній Пушкина, совершено бывшихъ нецензурными для своего времени, кромѣ другихъ, представленныхъ въ цензуру и недозволенныхъ ею; кромѣ пропусковъ, которые приходилось дѣлать Пушкину въ своихъ сочиненіяхъ для печати; кромѣ иносказаній, къ которымъ долженъ былъ прибѣгать Пушкинъ въ своихъ прозаическихъ статьяхъ; кромѣ всего этого, текстъ его стихотвореній былъ постоянно искажаемъ мелкими, но существенными

измѣненіями: если цензоръ позволялъ себѣ иногда слово *ночей* замѣнить словомъ *дней* (какъ мы видѣли выше) и т. п., то тѣмъ болѣе онъ бывалъ строгъ къ особымъ выраженіямъ и всегда замѣнялъ слово *царь* — словомъ *князь*, слово священникъ — словомъ *пустынникъ* и т. д.

Въ концѣ-концовъ, несмотря на всѣ заботы Пушкина о своихъ изданіяхъ, печатный текстъ, намъ отъ него доставшійся, въ значительной степени искаженъ опечатками и ошибками, цензурными пропусками и цензурными измѣненіями.

Со смертью Пушкина, когда начинается второй періодъ въ исторіи его печатнаго текста,—въ задачахъ, которыя должно себѣ ставить изданіе его сочиненій, естественно произошла важная и существенная перемѣна.

Самъ Пушкинъ не только не печаталъ всѣхъ своихъ произведеній, но даже не вносилъ въ собраніе своихъ стихотвореній иныхъ пьесъ, напечатанныхъ раньше въ журналахъ: точка зрѣнія посмертныхъ издателей должна была сразу измѣниться. Пушкинъ — взыскательный художникъ, строгій цѣнитель своихъ произведеній — не могъ имѣть въ виду давать въ изданіяхъ своихъ дѣйствительно полное отраженіе своего творчества; но посмертные издатели должны были именно задаться цѣлью представить полную картину творчества Пушкина, его поэтическую исторію какъ относительно процесса развитія таланта, такъ и относительно способа созданія отдѣльныхъ произведеній. Собраніе сочиненій Пушкина послѣ его смерти должно всегда быть возможно полнымъ.

Прежде всего всякое посмертное изданіе сочиненій Пушкина должно основываться на самостоятельномъ и полномъ изученіи всего печатнаго текста Пушкина, всѣхъ произведеній, изданныхъ при жизни поэта; затѣмъ, оно должно основываться на подлинныхъ рукописяхъ поэта, извлекать изъ нихъ дополненія и поправки. Пушкинъ много произведеній, какъ сказано, не напечаталъ, по разнымъ причинамъ, при жизни; много произведеній оставилъ недоконченными, — все это надо было добыть изъ рукописей, которыя, кромѣ того, должны были дать массу черновыхъ варіантовъ и набросковъ, много поправокъ какъ къ цензурнымъ пропускамъ и измѣ-

неніямъ, такъ и къ типографскимъ опечаткамъ, не всегда сразу замѣтнымъ.

Первыми посмертными издателями сочиненій Пушкина были близкіе друзья поэта, съ Жуковскимъ во главѣ. Казалось, въ вѣрныя руки попало дѣло изданія. Жуковскій, между прочимъ, печатно заявилъ тогда же: „въ бумагахъ послѣ него (Пушкина) оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченнаго; съ благоговѣйною любовью къ его памяти, мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ, и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ". Посмертное изданіе вышло въ 11 томахъ, дѣйствительно, со многими добавленіями. Но послѣ оказалось, что издатели, вопреки обѣщанію Жуковскаго, воспользовались далеко не всѣмъ матеріаломъ рукописей и, что̀ еще хуже, нерѣдко передавали текстъ рукописей съ грубыми ошибками.

Слѣдующее изданіе, вышедшее въ 1855 г. и исполненное П. В. Анненковымъ, во многомъ превосходило посмертное. Анненковъ посвятилъ много времени на изученіе черновыхъ рукописей поэта, которыя и дали главное содержаніе интереснымъ матеріаламъ для біографіи Пушкина, сохраняющимъ важное значеніе до сихъ поръ. Анненковъ представилъ множество цѣнныхъ дополненій, сдѣлалъ существенныя поправки въ пьесахъ, сообщенныхъ въ посмертномъ изданіи. Онъ исправилъ также пропуски и ошибки предыдущаго изданія въ пушкинскомъ печатномъ текстѣ. Изданіе Анненкова было обставлено очень серьезно, долго пользовалось авторитетомъ, оправдываемымъ многими дѣйствительными достоинствами; но, къ сожалѣнію, потомъ оказалось, что это изданіе все-таки даетъ далеко не весь рукописный матеріалъ, что оно допустило тоже не мало существенныхъ ошибокъ и опечатокъ въ текстѣ, какъ вновь сообщенномъ, такъ и въ напечатанномъ прежде; въ печатномъ текстѣ были тоже сдѣланы пропуски, не говоря уже о неполнотѣ печатныхъ варіантовъ.

Слѣдующія изданія, вплоть до 1887 г., уже не пользовались главными рукописями Пушкина. Изданія 1859 г. и 1870 г. были исполнены подъ редакціей Геннади. Изданія эти внесли нѣкоторыя дополненія отчасти по рукописямъ, отчасти по спискамъ, но они страдали большими недостатками. Хотя библіо-

графъ по спеціальности, Геннади допустилъ въ своихъ изданіяхъ Пушкина много опечатокъ, много ошибокъ, исказившихъ Пушкинскій текстъ. Соболевскій пустилъ злую эпиграмму на это изданіе:

Нашъ Пушкинъ жертвой палъ двухъ адовыхъ исчадій:
Дантесъ его убилъ и издавалъ Геннади!

Изданіе 1880 г., исполненное подъ редакціей П. А. Ефремова, впервые указало и исправило значительные пропуски и ошибки Анненковскаго изданія. Это—его великая заслуга. Оно дало также нѣсколько новыхъ дополненій. Въ этомъ отношеніи еще больше сдѣлало московское изданіе 1882 г., тоже подъ редакціей г. Ефремова. Оно впервые, между прочимъ, дало собраніе писемъ поэта, этотъ интересный матеріалъ для его біографіи, этотъ необходимый комментарій къ его произведеніямъ. Но опять-таки оба Ефремовскія изданія, въ свою очередь, не избѣгли ошибокъ и опечатокъ, иногда довольно крупныхъ.

Въ 1880 году черновыя рукописи поэта были пожертвованы его сыномъ въ Румянцовскій музей и сдѣлались доступны для новыхъ изысканій. Хотя это были уже не всѣ тѣ рукописи, которыми пользовались посмертные издатели или Анненковъ, но въ нихъ все-таки оказался богатый матеріалъ. Новыя изысканія, результаты которыхъ были сообщены въ *Русскомъ Архивѣ* и въ *Русской Старинѣ*, показали, что и посмертные издатели и даже г. Анненковъ воспользовались далеко не всѣмъ содержаніемъ тетрадей поэта, что они, въ своихъ сообщеніяхъ допустили очень много ошибокъ. Не буду приводить длиннаго списка этихъ ошибокъ; укажу для примѣра одну характерную ошибку, на выдержку. Въ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“ дѣйствуетъ, между прочимъ, Ласточка, старая крошка, которую и посмертное, и Анненковское изданіе, а затѣмъ и всѣ послѣдующія называли *кормилицей:* оказалось, что это вовсе не кормилица, а *карлица*, какъ у Пушкина вездѣ и написано прямо, безъ помарокъ.

Итакъ, посмертныя Пушкинскія изданія, вплоть до 1887 г., не меньше прежняго, если еще не больше, страдали отъ опечатокъ и ошибокъ. Пушкинскій текстъ, особенно въ произве-

деніяхъ, напечатанныхъ послѣ смерти поэта, часто является въ крайне искаженномъ видѣ.

Что касается до цензурныхъ условій, то они опять-таки были очень тяжелы для посмертнаго и Анненковскаго изданія, и, лишь потомъ, начиная съ дополнительнаго тома, напечатаннаго г. Анненковымъ въ 1857 г., пушкинскій текстъ сталъ понемногу освобождаться отъ цензурныхъ искаженій. Въ этомъ отношеніи всякое послѣдующее изданіе значительно исправляло и дополняло пушкинскій текстъ, и, конечно, новыя изданія 1887 года, съ своей стороны, сдѣлаютъ то же.

Разсмотрѣвъ вкратцѣ всю исторію печатнаго пушкинскаго текста, съ 1814 по 1887 г., какія можемъ мы извлечь изъ нея общія указанія для оцѣнки новыхъ изданій, какія же требованія мы можемъ предъявить къ нимъ?

Смыслъ перваго періода въ разсмотрѣнной нами исторіи пушкинскаго текста можетъ быть выраженъ однимъ словомъ: *точность*. Этотъ принципъ былъ выставленъ и поддерживаемъ самимъ поэтомъ. Въ посмертномъ періодѣ всѣ изданія къ этому принципу присоединили еще второй, тоже очень важный, — *полнота*.

Точность и полнота должна лежать въ основѣ всякаго собранія сочиненій Пушкина. И оба эти непремѣнныя качества достигаются однимъ и тѣмъ же путемъ; прежде всего, основательнымъ и самостоятельнымъ изученіемъ всего печатнаго пушкинскаго текста; во-вторыхъ, такимъ же изученіемъ всѣхъ извѣстныхъ рукописей поэта, до сихъ поръ неисчерпанныхъ, не окончательно разобранныхъ. Это два основные принципа, два основныя требованія.

Затѣмъ Пушкинъ завѣщалъ еще всѣмъ своимъ посмертнымъ издателямъ заботу о возможномъ изяществѣ изданій. Это требованіе, конечно, уже второстепенное, исполненіе котораго зависитъ отъ данныхъ условій изданія; но, все-таки, упускать его совсѣмъ изъ виду не слѣдуетъ.

Наконецъ, остаются отдѣльныя указанія Пушкина насчетъ разныхъ подробностей печатанія: на нихъ тоже надо обращать вниманіе, что̀ до сихъ поръ не всегда дѣлалось.

Много вышло теперь новыхъ изданій Пушкина: на обязанности журналистики лежитъ поскорѣе дать ихъ оцѣнку. Те-

перь же пока, и не разбирая подробно всѣхъ вышедшихъ изданій, мы можемъ высказать искреннее сожалѣніе, что между всѣми этими изданіями нѣтъ одного, которому должно бы принадлежать первое мѣсто: мы не имѣемъ академическаго изданія. Прямая обязанность Академіи, установленная точно однимъ § въ ея уставѣ, — издавать лучшихъ русскихъ писателей. Если Академіи мы обязаны за прекрасное изданіе сочиненій Державина, то тѣмъ болѣе у нея должны бы найтись и силы и средства для изданія сочиненій Пушкина. И только Академія можетъ дать намъ разныя изданія Пушкина, и изящныя, и простыя, и дорогія, и дешевыя, всѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гарантированныя относительно точности и полноты текста. Повторяю, это обязанность Академіи, и мы не хотимъ вѣрить, чтобы она не думала объ ея исполненіи.

Пушкинъ—нашъ величайшій поэтъ, величайшій нашъ писатель. Его значеніе для эстетическаго, нравственнаго и общественнаго воспитанія русскихъ людей громадно. И значеніе это теперь вполнѣ ясно, вполнѣ сознано. Во многихъ мѣстахъ Россіи воздвигаются памятники Пушкину, не говоря уже о прекрасномъ всероссійскомъ памятникѣ поэту въ Москвѣ. Но поэтъ нашъ „памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный“, и на всѣхъ насъ лежитъ обязанность, по мѣрѣ возможности, заботиться о томъ, чтобы этотъ нерукотворный памятникъ, чтобы безсмертныя творенія нашего поэта были дѣйствительно доступны русскому народу, и при томъ въ достойномъ видѣ.

Мы всѣ столько обязаны Пушкину, что улучшеніе, удешевленіе, распространеніе его изданій составляютъ нашъ долгъ, составляютъ для насъ обязательное выраженіе благодарности и благоговѣнія къ нашему великому, геніальному поэту. Чѣмъ больше русское общество, русскій народъ будутъ знать Пушкина, тѣмъ лучше.

Январь 1887 г.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

ВЪ ИЗДАНІЯХЪ 1887 ГОДА.

29-го января 1887 г. окончился срокъ литературной собственности на сочиненія Пушкина, и сразу, въ первые же дни, появилось нѣсколько полныхъ изданій Пушкина, которыя заранѣе готовились къ этому сроку. Очень характерно для книжниковъ обѣихъ столицъ то обстоятельство, что сначала изданія эти появились лишь въ Петербургѣ, въ Москвѣ же къ сроку не вышло ни одного полнаго собранія сочиненій Пушкина, а затѣмъ, когда поразительный успѣхъ петербургскихъ изданій выяснился, въ Москвѣ послѣдовали одно за другимъ пять изданій: это показываетъ отсутствіе предпріимчивости и вмѣстѣ сильную степень спекуляторства у московскихъ издателей. Ниже мы увидимъ, что по существу и характеру самыхъ изданій сравненіе тоже не къ выгодѣ москвичей. Здѣсь я пока не говорю о школьномъ изданіи Пушкина, подъ редакціей *Л. И. Поливанова*, появившемся въ Москвѣ (первыхъ два тома) къ 29-му января.

Въ два-три дня вышло сразу *пять* изданій Пушкина, всего по крайней мѣрѣ до 40 тысячъ экземпляровъ. За ними послѣдовали еще и еще новыя изданія. Въ три мѣсяца на книжномъ рынкѣ появилось всего болѣе 150,000 (можетъ быть, и всѣ 200,000) экземпляровъ собраній сочиненія Пушкина въ разныхъ изданіяхъ, и до сихъ поръ число ихъ все растетъ и растетъ. И это—кромѣ отдѣльныхъ изданій изъ Пушкина, экземпляры которыхъ должны считаться милліонами. Всѣ эти изданія отлично раскупались и раскупаются.

„Памятникъ нерукотворный“, созданный Пушкинымъ, его безсмертныя произведенія широко распространятся теперь „по всей Руси великой“. Но это только еще половина дѣла, тутъ

еще является важный вопросъ,—*въ какомъ видѣ* распространяются сочиненія Пушкина?

Мало того, что сочиненія Пушкина выходятъ въ многочисленныхъ дешевыхъ изданіяхъ, это, конечно, важно, но въ этомъ нѣтъ большой заслуги со стороны издателей: низкая цѣна объясняется конкуренціей, и при томъ даже при такой низкой цѣнѣ издатели все-таки имѣютъ очень достаточный барышъ. Итакъ, многочисленность общедоступныхъ изданій не представляется никакою заслугой: издатели при этомъ обязаны, главнымъ образомъ, позаботиться о достоинствѣ текста,—въ этомъ состоитъ наиболѣе важная и наиболѣе трудная сторона задачи. Изданій Пушкина много, каковъ же текстъ ихъ?

Прежде всего остановимся на общихъ требованіяхъ, какія мы должны предъявлять къ изданіямъ Пушкина; эти требованія могутъ быть выражены двумя словами: *полнота* и *точность*. Къ достиженію обоихъ этихъ необходимыхъ качествъ въ изданіяхъ Пушкина ведутъ одни и тѣ же средства. 1) самостоятельное ознакомленіе со всѣми извѣстными рукописями поэта и 2) самостоятельное ознакомленіе со всѣми изданіями сочиненій Пушкина, какъ напечатанныхъ при жизни поэта, такъ и тѣхъ, которыя впервые или же въ дополненномъ видѣ явились послѣ его смерти: при этомъ я разумѣю, конечно, не только отдѣльныя изданія Пушкина, но и тѣ его произведенія или дополненія къ нимъ, которыя печатались по альманахамъ и по журналамъ, а также въ отдѣльныхъ монографіяхъ.

Главное собраніе рукописей Пушкина хранится теперь въ Москвѣ въ Румянцевскомъ музеѣ: тутъ находится больше тридцати тетрадей поэта, заключающихъ болѣе 2,000 писанныхъ листовъ подлиннаго текста, не говоря о копіяхъ, исправленныхъ Пушкинымъ. Изъ всѣхъ новыхъ изданій, о которыхъ я собираюсь говорить, только одно, редактированное *П. О. Морозовымъ*, пользовалось этими рукописями, и я укажу подробности этого ниже, говоря объ изданіи г. Морозова; а теперь остановлюсь нѣсколько на томъ значеніи, какое имѣетъ прежній печатный пушкинскій текстъ.

При жизни Пушкина многія его произведенія печатались по нѣскольку разъ, при чемъ Пушкинъ иногда дѣлалъ въ послѣдующихъ изданіяхъ поправки и измѣненія: такимъ об-

разомъ, подлинный печатный Пушкинскій текстъ (буду такъ называть произведенія, напечатанныя при жизни поэта) даетъ не только окончательную редакцію того или другого стихотворенія, но и варіанты къ нимъ. Надо прибавить, что между стихотвореніями Пушкина, напечатанными при его жизни, почти двѣ трети такихъ, рукописи которыхъ до насъ не дошли, что еще болѣе, конечно, увеличиваетъ значеніе подлиннаго печатнаго Пушкинскаго текста. Этотъ текстъ долженъ быть теперь внимательно изучаемъ всякимъ издателемъ (т.-е. редакторомъ) сочиненій Пушкина, какъ составляющій ихъ первую и главную основу. Какъ ни важно изученіе рукописей поэта (тѣмъ болѣе, что онѣ еще не исчерпаны), но изученіе подлиннаго печатнаго текста Пушкина, какъ главной основы изданія, еще важнѣе, еще обязательнѣе. Издатель долженъ изучить всѣ печатныя Пушкинскія редакціи каждаго стихотворенія (если этихъ редакцій нѣсколько), выбрать изъ нихъ основную (т.-е. обыкновенно наиболѣе позднее изданіе) и дополнить ее указаніемъ имѣющихся варіантовъ. Далѣе, такъ какъ очень многія пьесы Пушкина *(по счету* даже бо̀льшая часть ихъ) напечатаны послѣ смерти поэта и иногда по рукописямъ, теперь уже неизвѣстнымъ, то, значитъ, подобному же изученію надо подвергнуть и посмертный печатный текстъ Пушкина. Однимъ словомъ, критическое изданіе сочиненій Пушкина,—а всякое добросовѣстное полное изданіе его должно быть критическимъ, если не по отношенію къ варіантамъ, то по отношенію все-таки къ основному тексту,—критическое изданіе Пушкина должно прежде всего основываться на печатномъ Пушкинскомъ текстѣ, какъ по отсутствію рукописей для бо̀льшей части произведеній Пушкина вообще, такъ и по тому важному и самостоятельному значенію, какое, повторяю, принадлежитъ подлинному печатному Пушкинскому тексту, т.-е. тексту произведеній его, напечатанныхъ имъ самимъ или подъ его наблюденіемъ, принимая, понятно, при этомъ во вниманіе тѣ измѣненія, которыя дѣлались Пушкинымъ для печати изъ цензурныхъ или личныхъ соображеній и т. д.

Всѣ эти общія элементарныя правила изданій, конечно, уже давно хорошо извѣстны, всегда всѣми признавались, имъ старались слѣдовать по возможности всѣ редакторы изданій

Пушкина; П. В. Анненковъ, Г. Н. Геннади, П. А. Ефремовъ; я бы и совсѣмъ не остановился на такихъ старыхъ истинахъ, если бы недавно въ одномъ журналѣ не было высказано удивительное непониманіе этихъ основныхъ правилъ: говоря объ изданіяхъ Пушкина, одинъ рецензентъ назвалъ безполезною Сизифовою работой изученіе печатнаго текста Пушкина, сличеніе „книги въ большую осьмушку съ книгою въ малую осьмушку"...

Этотъ удивительный взглядъ на дѣло серіезно проповѣдуется въ назиданіе будущимъ издателямъ.

I.

Петербургскія изданія.

1. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціей и съ объяснительными примѣчаніями *П. О. Морозова.* Цѣна за семь томовъ шесть рублей.

Предисловіе объясняетъ намъ, что изданіе это имѣло первою цѣлью „представить по возможности полный и тщательно провѣренный текстъ произведеній великаго поэта". Что же было сдѣлано редакціею для достиженія этой цѣли, этихъ основныхъ требованій? Предисловіе сейчасъ же даетъ намъ отвѣтъ: „соотвѣтственно этой цѣли, редакціей просмотрѣны, исправлены и дополнены по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ и Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, всѣ его произведенія, впервые появившіяся въ печати послѣ его смерти".

Ниже я сдѣлаю оговорку о такомъ ограниченіи, но въ общемъ избранный пріемъ можетъ быть одобренъ. Посмотримъ же на его результаты.

Прежде всего, г. Морозовъ, занимаясь рукописями Пушкина, извлекъ изъ нихъ нѣсколько новыхъ, прежде незамѣченныхъ или неразобранныхъ вещей. Такъ, между прочимъ, имъ впервые были прочитаны въ рукописяхъ Публичной библіотеки: три стихотворенія, изъ которыхъ два—1) „Мнѣ васъ

не жаль“ и 2) „Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ“—важны для біографіи поэта и, несмотря на свою неотдѣланность, отличаются высокимъ художественнымъ значеніемъ. Есть и еще дополненія изъ рукописей Публичной библіотеки. Изъ рукописей Румянцовскаго музея г. Морозовъ извлекъ неразобранные раньше черновые наброски: „Въ рощахъ карійскихъ“, „Мнѣ жаль великія жены“ и „Еще одной высокой, важной пѣсни“ (послѣднее стихотвореніе интересно по біографическимъ мотивамъ). Затѣмъ сдѣланы дополненія въ нѣкоторыхъ пьесахъ (напр., 4 стиха въ посланіи къ гр. О. и т. д.), во многихъ стихотвореніяхъ, также какъ и въ прозѣ, сдѣланы новыя исправленія, новыя вставки. Нечего и говорить, конечно, что всѣ многочисленныя дополненія и поправки Пушкинскаго текста, которыя сообщены были раньше въ „Русской Старинѣ“ и въ „Русскомъ Архивѣ“, на основаніи рукописей, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ,—всѣ они (или почти всѣ) вошли въ изданіе г. Морозова и при томъ иногда съ существенными исправленіями. Такимъ образомъ, въ общемъ г. Морозову удалось извлечь изъ черновыхъ рукописей Пушкина значительныя дополненія и поправки,—въ этомъ главная заслуга разбираемаго изданія; но все-таки я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о способѣ, какой употребленъ г. Морозовымъ для пользованія рукописями.

Прежде всего надо сказать, что г. Морозовъ не выяснилъ намъ этого способа, не опредѣлилъ своего отношенія къ рукописямъ. Какъ онъ ими пользовался? что онъ бралъ изъ нихъ, что оставлялъ? исчерпалъ ли онъ ихъ? и хотѣлъ ли исчерпать? На такіе вопросы „Предисловіе“ не даетъ прямого отвѣта; читателю приходится самому доискиваться ихъ рѣшенія.

Г. Морозовъ объясняетъ только (это мѣсто предисловія приведено выше), что онъ свѣрялъ съ рукописями и исправлялъ лишь тѣ произведенія Пушкина, которыя появились въ печати послѣ смерти поэта. Такого ограниченія, конечно, нельзя безусловно одобрить. Несомнѣнно, провѣрка по рукописямъ для *посмертнаго* Пушкинскаго текста важнѣе, чѣмъ для подлиннаго его печатнаго текста, но она имѣетъ значеніе и для послѣдняго: она даетъ намъ черновыя къ нему дополненія и варіанты, отмѣчаетъ самый процессъ творчества поэта, иногда

даетъ поправки къ типографскимъ ошибкамъ и опечаткамъ. Самъ г. Морозовъ, однако, не держится точно выставленнаго ограниченія и, свѣряя *иногда* съ рукописью произведеніе, напечатанное самимъ Пушкинымъ, даетъ черновыя дополненія, напр., къ „Е. Онѣгину", къ „Кавказскому плѣннику", къ „Разбойникамъ". Но это не входитъ въ систему г. Морозова, и онъ не даетъ, напр., *извѣстныхъ уже ранѣе* дополненій къ „Борису Годунову" или къ мелкимъ пьесамъ: „Шишкову", „Безвѣріе", „Мечтателю" и т. д. Впрочемъ, мы точно также находимъ не всѣ извѣстныя дополненія при нѣкоторыхъ пьесахъ, напечатанныхъ послѣ смерти Пушкина,—напр., при „Русалкѣ", при „Галубѣ"; или еще: нѣсколько пьесъ, напечатанныхъ по смерти поэта, остались у г. Морозова неисправленными по рукописямъ, укажу для примѣра: „Къ молодой вдовѣ", „Письмо къ Лидѣ", „Щербинину"; не вполнѣ исправлены: „Заздравный кубокъ", „Желаніе" и пр. То же самое мы видимъ въ отдѣлѣ прозы; не вполнѣ, напр., исправлены: „Арапъ Петра Великаго", „Исторія села Горохина", „Египетскія ночи", или оставленъ безъ поправокъ „Русскій Пеламъ" и т. д. Благодаря такому неправильному пріему, допускающему неполное исправленіе текста, оказалась возможною слѣдующая курьезная ошибка. Въ пьесѣ „Осеннее утро" у Пушкина шестой стихъ съ конца прежде былъ: „стоитъ туманъ на *волнахъ похладѣлыхъ"*; такъ и напечатано въ посмертномъ изданіи. Но въ рукописи Пушкинъ поправилъ: „...на нивахъ *пожелтѣлыхъ"*; г. Морозовъ исправилъ лишь одно послѣднее слово, и у него вышло: „Стоитъ туманъ *на волнахъ пожелтѣлыхъ"*... (I, 140) Очень странное описаніе чистыхъ царскосельскихъ прудовъ! [1]).

Если г. Морозовъ не сдѣлалъ съ рукописями Пушкина всего, что должно было бы, все-таки и сдѣланное имъ вполнѣ заслуживаетъ благодарности. Что касается до печатнаго Пушкинскаго текста, то, къ сожалѣнію, г. Морозовъ занялся имъ не такъ внимательно.

---

[1]) Такъ еще, въ посланіи „Моему Аристарху", г. Морозовъ сдѣлалъ поправки по рукописи, но сохранилъ въ серединѣ пьесы (I, 108) рядъ точекъ, совершенно ненужныхъ и ошибочно допущенныхъ П. В. Анненковымъ.

Выше уже говорено о необходимости всякому издателю Пушкина изучить подлинный Пушкинскій текстъ, оригинальныя его изданія: такой пріемъ безусловно обязателенъ, и въ этомъ отношеніи можно сдѣлать г. Морозову сильный упрекъ.

Подлинный печатный Пушкинскій текстъ долженъ быть положенъ въ основу критическаго изданія сочиненій Пушкина, и всякій издатель долженъ выяснить, оговорить свое отношеніе къ этому тексту. Г. Морозовъ этого не дѣлаетъ, и читатель опять долженъ самъ заключать объ этомъ отношеніи; къ заключенію же онъ можетъ прійти къ такому: г. Морозовъ мало, недостаточно пользовался подлинными Пушкинскими изданіями, а въ основу своего изданія положилъ текстъ Ефремовскаго изданія 1882 г. Г. Морозовъ взялъ текстъ 1882 г., исправлялъ и дополнялъ его по рукописямъ, но недостаточно свѣрилъ его съ подлиннымъ печатнымъ текстомъ: если не всегда, то часто онъ повторялъ текстъ 1882 г., сохранивъ его ошибки. Приведу нѣсколько примѣровъ, не оставляющихъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. У г. Морозова (I, 337) въ „Андрей Шенье“: „*поднялась* вновь усталая сѣкира“, а въ собственныхъ изданіяхъ Пушкина 1825 и 1829 гг.: *подъялась;* „Вакхическая пѣсня“ (I, 344): „*поднимемъ* стаканы“..., изданіе 1829 г.: „*подымемъ*“; „Цыганы“ (II, 97): „*провожалъ* сіи шатры“, въ изданіи 1832 г.: „*провождалъ*“; всѣ эти неточности повторены г. Морозовымъ изъ изданія 1882 г. Или вотъ еще примѣръ, особенно характерный у г. Морозова, вслѣдъ за изданіемъ 1882 г., „Посвященіе Плетневу“ (II, 56) помѣщено въ концѣ 1828 г. и помѣчено 29-го декабря 1828 г., а между тѣмъ въ подлинномъ изданіи оно помѣчено: 29-го декабря 1827 г.

Такое же повтореніе ошибокъ или опечатокъ изданія 1882 г. замѣчается и въ текстѣ крупныхъ произведеній. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ „*Е. Онѣгина*“. Глава I, стофа LX, стихъ 10: „Плоды трудовъ *своихъ* отдамъ“, а у Пушкина во всѣхъ изданіяхъ: „плоды трудовъ *моихъ*“...—Глава III, строфа XVIII, послѣдній стихъ: „И съ пѣньемъ въ церковь повели“, у Пушкина; „Да съ пѣньемъ“... — Глава VI, строфа XXI, стихъ 12-й: „Такъ *наша* вѣрная подруга“, — у Пушкина: „Такъ *ваша*“...—Глава VII, строфа XVI, стихъ 13-й: „Маль-

чишки *разгоняли* псовъ", — у Пушкина: „Мальчишки *разогнали*"... Той же главы въ строфѣ XXXIV совсѣмъ пропущенъ цѣлый стихъ 6-й: „Высокопарный, но голодный". — Той же главы, строфа XXXVIII, стихъ 1-й: „Прощай, свидѣтель *нашей* славы", а у Пушкина вездѣ: „...*падшей* славы". — Глава VIII, строфа LI, стихъ 6-й: „А ты, съ которой образованъ",—у Пушкина: „а та, съ которой..." Всѣ указанныя неточности — ошибки или опечатки — находятся въ изданіи 1882 г. и отчасти принадлежатъ ему, отчасти повторены изъ предшествовавшихъ не-Пушкинскихъ изданій, но во всякомъ случаѣ у г. Морозова онѣ (примѣровъ можно было бы привести гораздо больше) повторены изъ изданія 1882 г. и показываютъ намъ, что текстъ 1882 г. положенъ въ основу разбираемаго изданія. Быть можетъ, кто-либо найдетъ, что отмѣченныя неточности часто неважны, но, во-первыхъ, самъ г. Морозовъ, безъ сомнѣнія, не можетъ быть такого мнѣнія, а, во-вторыхъ, согласимся даже, что эти ошибки не важны: это вѣдь, однако, не значитъ, что ихъ слѣдуетъ повторять. Изданіе полнаго собранія сочиненій Пушкина — дѣло очень нелегкое; при обширности и сложности такого изданія въ немъ, конечно, трудно вовсе избѣжать ошибокъ и опечатокъ; но вотъ поэтому-то именно и не слѣдуетъ повторять еще чужія ошибки. Въ изданіи г. Морозова есть свои собственныя ошибки и опечатки (онѣ отчасти указаны въ поправкахъ изданія, отчасти были отмѣчены уже въ критикѣ), и есть, кромѣ того, еще ошибки и опечатки изданія 1882 г.; такимъ образомъ, тутъ является уже двойное количество ошибокъ, и какъ бы ни были онѣ маловажны, но если дѣло пойдетъ такимъ образомъ дальше, Пушкинскій текстъ будетъ мѣняться и искажаться все больше и больше. На данномъ примѣрѣ хорошо видно все значеніе выставленнаго выше принципа: необходимо изучить подлинный печатный Пушкинскій текстъ [2]).

---

[2]) Нельзя также не замѣтить, что въ разстановкѣ знаковъ препинанія г. Морозовъ тоже большею частью слѣдуетъ изданію 1882 г., которое иногда значительно въ этомъ отношеніи отличается отъ подлинныхъ Пушкинскихъ изданій. Мнѣ кажется, что гдѣ возможно, т.-е. въ большинствѣ случаевъ, слѣдуетъ сохранять пушкинскую разстановку знаковъ препинанія.

Итакъ, въ основѣ разбираемаго изданія лежитъ, какъ мы видимъ, текстъ 1882 г.; тутъ нельзя не отмѣтить одной странности. Изданіе Литературнаго Фонда пользуется текстомъ Ефремовскаго изданія 1882 г.; особенно важную помощь долженъ былъ оказать VII томъ, въ которомъ г. Ефремовъ *впервые* собралъ переписку Пушкина (и у насъ есть доказательства, что VII томъ Ефремовскаго изданія опять-таки послужилъ основой для VII тома разбираемаго изданія: такъ, напр., въ письмѣ къ Нащокину, отъ 27-го мая 1836 г., у г. Морозова, какъ и въ изданіи 1882 г., пропущена приписка); этого мало, въ своихъ примѣчаніяхъ г. Морозовъ часто пользуется примѣчаніями г. Ефремова, повторяя ихъ иногда буквально, — это особенно замѣтно въ VII томѣ, но встрѣчается также и въ другихъ, несмотря на такое широкое и внимательное пользованіе изданіемъ 1882 г., въ разбираемомъ изданіи совсѣмъ не упоминается о предшествовавшихъ изданіяхъ *П. А. Ефремова*, какъ будто ихъ и не было. Такое умолчаніе очень странно.

Остановлюсь теперь еще на вопросѣ, весьма важномъ для критическаго изданія, — на *варіантахъ*. О нихъ предисловіе выражается такъ: „что касается варіантовъ, то, въ виду возможно правильнаго возстановленія текста, изъ числа ихъ приводятся, въ подстрочныхъ выноскахъ, лишь такіе, которые допускались самимъ авторомъ въ различныхъ при жизни его напечатанныхъ изданіяхъ его сочиненій, или же имѣютъ значеніе автобіографическое и историко-литературное.... мѣста, измѣненныя или отброшенныя при напечатаніи, но не зачеркнутыя въ рукописи и т. п.“. Признаюсь, я не понимаю, почему какіе бы то ни было варіанты, приведенные въ примѣчаніяхъ, могутъ мѣшать „*правильному возстановленію* (?) *текста*“,— къ чему тутъ какія-нибудь ограниченія? Конечно, можно считать мелкіе черновые варіанты излишними въ популярномъ изданіи Пушкина,—это другое дѣло,—но правильность текста тутъ не при чемъ. Впрочемъ, и при такомъ ограниченіи, странно мотивированномъ, остается все-таки значительное число варіантовъ, дать которые обѣщается г. редакторъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не исполняетъ своего обѣщанія: мы почти не находимъ у него никакихъ варіантовъ. Можно было бы указать

цѣлый рядъ пьэсъ, гдѣ пропущены болѣе или менѣе важные варіанты, какъ изъ незачеркнутыхъ въ рукописи, такъ и изъ тѣхъ, „которые допускались самимъ авторомъ въ различныхъ, при жизни его напечатанныхъ, изданіяхъ его сочиненій“, — однимъ словомъ, такихъ, которые обѣщаны въ предисловіи; но такой списокъ былъ бы слишкомъ длиненъ; гораздо легче обратно, привести списокъ тѣхъ стихотвореній, при которыхъ даны варіанты; въ первомъ отдѣлѣ (лирическія стихотворенія) я замѣтилъ такихъ стихотвореній всего шесть: „Наполеонъ“ (I, 253), „Элегія“ (I, 255), „Ріего“ (I, 298), „Для береговъ отчизны дальней“ (II, 119), „Полководецъ“ (II, 175), „Памятникъ“ (II, 190). Трудно сказать, чѣмъ руководствовался г. Морозовъ, выбирая только эти пьэсы для указанія варіантовъ и оставляя безъ варіантовъ цѣлый рядъ другихъ стихотвореній. Нѣсколько чаще встрѣчается указаніе варіантовъ при крупныхъ произведеніяхъ, но и тутъ далеко нѣтъ желательной или даже обѣщанной полноты. Возьмемъ для примѣра „Е. Онѣгина“. Извѣстно, что всѣ главы этого романа выходили сначала отдѣльно; отрывки изъ нихъ печатались раньше еще по журналамъ и альманахамъ; затѣмъ вышло полное изданіе романа въ 1833 г.; всѣ эти изданія различались между собою варіантами; были, наконецъ, еще новыя отличія и въ изданіи 1837 г. Всѣ эти варіанты г. Морозовъ долженъ былъ указать по прямому обѣщанію своего предисловія, но онъ этого не сдѣлалъ; вмѣсто обѣщаннаго, вмѣсто Пушкинскихъ печатныхъ варіантовъ онъ далъ, на ряду съ дополненіями, довольно много черновыхъ варіантовъ, большею частью несомнѣнно *откинутыхъ Пушкинымъ*, т.-е. не подходящихъ подъ условленное ограниченіе. Иногда у г. Морозова внесены въ текстъ „Онѣгина“ первоначальные варіанты, безъ указанія на позднѣйшія измѣненія и безъ оговорокъ. Такъ, третій стихъ XIX строфы главы второй у г. Морозова читается: „Она *влюблялася* въ романы“, но это первоначальная редакція „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ 1826 г., въ изданіяхъ же 1826, 1833 и 1837 гг. читаемъ: „Она *влюбилася*“..; такъ, 12 стихъ XXV строфы главы четвертой напечатанъ: „Улыбкой Ольги *ободренный*“, но это редакція перваго изданія 1829 г., а въ изданіяхъ 1833 и 1837 г. находимъ: „Улыбкой Ольги *одобрен-*

ный". Или еще: г. Морозовъ печатаетъ вторую главу „Е. Онѣгина", съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя сдѣланы, впервые, въ Ефремовскихъ изданіяхъ по подлинной рукописи (даже и тутъ объ Ефремовскомъ изданіи не упомянуто!), но совсѣмъ этого не оговариваетъ и не указываетъ прежней *печатной* Пушкинской редакціи измѣненныхъ мѣстъ. Однимъ словомъ, несмотря на обѣщанія, данныя въ предисловіи, разбираемое изданіе такъ невнимательно отнеслось къ варіантамъ, что они просто, можно сказать, въ немъ отсутствуютъ.

Кромѣ этихъ общихъ указаній относительно того, какъ изданіе Литературнаго Фонда пользуется рукописями и печатными изданіями Пушкина, сдѣлаю еще нѣсколько второстепенныхъ, частныхъ замѣчаній.

Недостаточная систематичность въ пользованіи рукописями, отмѣченная выше, отразилась, между прочимъ, и на помѣтахъ. Подъ немногими пьесами, впервые напечатанными по рукописи (о нихъ говорено выше), сдѣлана краткая ссылка на рукопись, но иногда подобная ссылка,—неизвѣстно зачѣмъ, — сдѣлана при такихъ произведеніяхъ, которыя не только были извѣстны раньше, но въ которыя не внесено тутъ никакихъ измѣненій (напр. II, стр. 124, стр. 313, или V, 109). Такія помѣты тутъ могутъ лишь сбивать читателя. Напротивъ того, иногда г. Морозовъ ни помѣтой, ни словомъ не упоминаетъ о рукописи тамъ, гдѣ вноситъ въ прежній текстъ существенныя измѣненія; напр., въ элегіи „Опять я вашъ, о, юные друзья" (I, 148), кромѣ другихъ поправокъ, на основаніи рукописи выкинуто шесть стиховъ, но объ этомъ ничего не сказано.

Надо еще отмѣтить, что г. Морозовъ дѣлаетъ иногда невѣрныя указанія насчетъ рукописей. Такъ, относительно пропуска въ отрывкѣ: „Мой другъ, уже три дня", онъ замѣчаетъ (I, 285): „здѣсь въ рукописи недостаетъ листа". Читатель долженъ подумать, что пропускъ очень великъ, въ цѣлый листъ, а между тѣмъ у Пушкина отрывокъ этотъ набросанъ на одной страничкѣ въ два столбца, пропускъ же въ срединѣ его зависитъ отъ того, что *верхній уголъ* страницы оторванъ (Рукопись № 2366, л. 8, см. „Русскую Старину" 1884 г., май, стр. 326. Описаніе рукописей Пушкина въ Румянцовскомъ музеѣ). Еще подобный примѣръ: г. Морозовъ го-

воритъ (I, 319), что наброски поэмы и драмы „Вадимъ“ сохранились въ рукописяхъ Румянцовскаго музея, а между тѣмъ, по упомянутому сейчасъ описанію этихъ рукописей, въ нихъ находятся только отрывки драмъ и программа (поэмы), а самого наброска поэмы нѣтъ. Конечно, это мелочи, но г. Морозовъ, безъ сомнѣнія, согласится, что и такія мелкія ошибки нежелательны, что рукописями Пушкина слѣдуетъ пользоваться со всевозможною точностью.

Относительно правильности хронологическаго распредѣленія нѣкоторыхъ произведеній, принятаго въ разбираемомъ изданіи, можно иногда сомнѣваться, но всякомъ случаѣ никакъ нельзя было помѣщать подъ 1822-мъ годомъ программу „Стрѣлецъ, влюбленный въ боярскую дочь“ и проч. (II, стр. 320); эта программа находится въ одной тетради съ „*Арапомъ Петра Великаго*“ (1827 года). Можно ли также относить къ 1820 году набросокъ „*И чувствую, душа моя*“ (I, 232), когда онъ находится въ тетради 1829 года и имѣетъ отношенія къ другимъ произведеніямъ этого времени?

Подъ пьесой „Свободы сѣятель пустынный“ г. Морозовъ выставилъ помѣту—„1-го декабря“. Дѣйствительно, это стихотвореніе находится въ письмѣ Пушкина къ А. И. Тургеневу отъ 1-го декабря 1823 г., но Пушкинъ говоритъ въ письмѣ объ этихъ стихахъ, что онъ ихъ „написалъ *надняхъ*“; такимъ образомъ подъ стихами невозможно выставлять „1-го декабря“, помѣту письма: они относятся къ концу ноября. Вообще надо замѣтить, въ разбираемомъ изданіи помѣты нерѣдко пропущены или переданы неточно, не вполнѣ, — наприм., въ нихъ иногда недостаетъ указанія года или мѣста тамъ, гдѣ въ рукописи оно есть. Подъ однимъ очень небольшимъ стихотвореніемъ: къ Аглаѣ (1821 г.) находимъ странную помѣту: „*февраль—мартъ*“. Неужели оно такъ помѣчено въ рукописи Публичной библіотеки? Кажется, вѣрнѣе, что это догадка редактора; во всякомъ случаѣ, *такую* помѣту слѣдовало оговорить. Подъ 1820 годомъ стихи *Чаадаеву*, помѣченные „Съ морскаго берега Тавриды“, должны, конечно, быть помѣщены раньше *Нереиды* и „Рѣдѣетъ облаковъ...“, двухъ пьесъ, помѣченныхъ „Каменка“, а не послѣ ихъ, какъ это сдѣлано г. Морозовымъ: Пушкинъ въ Каменкѣ былъ послѣ Крыма.

Въ концѣ 1825 года помѣщены вмѣстѣ „Пѣсни, *записанныя* Пушкинымъ“, и въ числѣ ихъ находимъ двѣ, которыя *не сомнѣнно сочинены*, а не записаны Пушкинымъ: 1) „Только что на проталинахъ весеннихъ“ и 2) „Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку“.

Предисловіе указываетъ, что въ примѣчаніяхъ объяснены, между прочимъ, заимствованія и подражанія Пушкина. Это очень важный и очень интересный вопросъ, который — замѣчу кстати — требовалъ бы спеціальнаго изслѣдованія; дать въ примѣчаніяхъ подобныя указанія — дѣло очень полезное (ср. ниже, объ изданіи г. Поливанова); но только при опредѣленіи этихъ подражаній и заимствованій надо наблюдать строгую мѣру, большую осторожность. Г. Морозовъ, между прочимъ, указываетъ (II, 338), будто описаніе гарема ночью въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ* заимствовано Пушкинымъ у Байрона, изъ шестой пѣсни Донъ-Жуана; это указаніе совершенно невѣрно, такъ какъ Бахчисарайскій Фонтанъ написанъ въ 1822 году, а шестая пѣсня Донъ-Жуана издана только въ слѣдующемъ 1823 году. Такимъ образомъ, сходство въ описаніи гаремовъ у обоихъ поэтовъ случайное, т.-е. зависѣвшее отъ общности сюжета. Этотъ примѣръ хорошо показываетъ, съ какою осмотрительностью надо дѣлать подобныя предположенія и сравненія. Не будь хронологическаго противорѣчія, указаніе г. Морозова могло бы, пожалуй, получить общее признаніе, и тогда стали бы, можетъ быть, еще обвинять Пушкина въ умышленномъ запирательствѣ, такъ какъ онъ въ своей перепискѣ не разъ повторяетъ, что знаетъ только *первыя пять* пѣсенъ „Донъ-Жуана“.

Вотъ еще ошибка въ этомъ отдѣлѣ примѣчаній: на стр. 371, тома I-го, напечатанъ отрывокъ — „Начало I-й пѣсни Дѣвственницы“, и тутъ же замѣчено: „первые 17 стиховъ этого отрывка представляютъ довольно близкій переводъ начала поэмы Вольтера — Pucelle d'Orleans. *Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ самому Вольтеру*“. Послѣднее совершенно невѣрно, такъ какъ *весь* отрывокъ переведенъ изъ Вольтера, въ концѣ же его не Пушкинъ *насмѣшливо* обращается къ Вольтеру, а Вольтеръ къ Шапелену, поэту XVII вѣка, который воспѣлъ Орлеанскую Дѣву въ двадцати четырехъ пѣсняхъ.

Особенность разбираемаго изданія составляетъ его расположеніе. Всѣ стихотворенія Пушкина раздѣлены на двѣ отдѣла — мелкихъ и крупныхъ произведеній. Такое раздѣленіе, стало быть, основывается лишь на принципѣ удобства для читателей, а не на эстетическихъ требованіяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ многіе критики осуждали *Пушкинское* хронологическое распредѣленіе піэсъ, когда оно, послѣ долгаго забвенія, было возстановлено въ изданіи 1880 года; критики тогда находили крайне, наприм., неприличнымъ непосредственное сосѣдство *графа Нулина съ Борисомъ Годуновымъ* въ изданіи же литературнаго фонда они какъ разъ находятся рядомъ, такъ какъ въ отдѣлѣ крупныхъ произведеній сохраняется хронологическій порядокъ. Но если разбираемое изданіе приняло свою систему въ видахъ удобства для читателей, то оно при этомъ сдѣлало очень существенную ошибку въ раздѣленіи томовъ, такъ какъ читателямъ могло бы казаться удобнымъ имѣть въ *одномъ мѣстѣ*, въ одномъ томѣ всѣ мелкія пьесы поэта, а между тѣмъ тутъ именно этого-то и нѣтъ: первый отдѣлъ занимаетъ весь первый томъ и часть второго тома, крупныя же произведенія составляютъ часть второго тома и весь третій; объемъ тома нисколько не мѣшалъ изъ перваго отдѣла составить одинъ томъ, а второй отдѣлъ разбить на два цѣльныхъ томовъ; теперь же, при существующемъ дѣленіи на томы, при помѣщеніи указателя лишь въ третьемъ томѣ, почти все удобство, которое можно признавать за дѣленіемъ на два отдѣла, пропадаетъ. Для того, чтобы отыскать какое-нибудь мелкое стихотвореніе въ разбираемомъ изданіи, читатель все-таки долженъ взять всѣ три первые тома: въ указателѣ третьяго тома найти заглавіе искомой пьесы, а затѣмъ отыскать ее въ первомъ или во второмъ томѣ.

VII томъ составленъ, какъ и въ изданіи 1882 года, изъ писемъ Пушкина, которыя здѣсь дополнены всѣмъ напечатаннымъ послѣ 1882 года и семейною перепиской. Письма здѣсь расположены въ хронологическомъ порядкѣ, каждый годъ отдѣльно: объ этомъ я тоже буду говорить дальше.

Очень удобно, что въ разбираемомъ изданіи примѣчанія слѣдуютъ непосредственно за каждою пьесой, такъ что они на глазахъ у читателя, а не скрыты въ концѣ тома. Большое удоб-

ство представляютъ также указатели, составленные г. Морозовымъ: кромѣ обычнаго алфавита заглавій, онъ даетъ еще указатель хронологическій и указатель лицъ и предметовъ (недостаточно, впрочемъ, полные).

Къ изданію литературнаго фонда приложены три портрета; изъ нихъ два извѣстные: хорошая копія съ гравюры Гейтмана и плохая съ гравюры Уткина; третій портретъ — неудовлетворительная фототипія съ карандашнаго портрета, нарисованнаго въ 1820 году Жюлемъ *Вернэ;* къ сожалѣнію, мы не узнаемъ изъ предисловія никакихъ больше подробностей объ этомъ портретѣ. При Пугачевскомъ бунтѣ (VI томъ) находятся всѣ Пушкинскія приложенія.

Изданіе литературнаго фонда было обставлено очень серьезно: за нимъ наблюдала особая коммиссія, имѣвшая въ своемъ составѣ авторитетныхъ спеціалистовъ; подробная программа изданія была разсмотрѣна и одобрена отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ; наконецъ, самая редакція текста и составленіе примѣчаній были поручены лицу, уже извѣстному своими работами по русской литературѣ. При подобныхъ условіяхъ отъ изданія можно требовать многаго, очень многаго; поэтому-то о такомъ изданіи объ его недостаткахъ и можно сдѣлать строгія замѣчанія. Наконецъ, я позволилъ себѣ остановиться подробнѣе на иныхъ, даже болѣе мелкихъ, промахахъ разбираемаго изданія потому, что оно, совершенно понятно, пользуется теперь особымъ авторитетомъ, послужило уже и еще будетъ служить образцомъ и матеріаломъ для другихъ изданій (см. наприм., ниже, объ изданіяхъ Маракуева, Сытина), такъ что всякая отдѣльная поправка къ нему можетъ имѣть близкое практическое значеніе. Но само собою разумѣется, что я не могъ задаваться въ этой статьѣ цѣлью систематически указать *всѣ* ошибки разбираемаго изданія: я отмѣчалъ общія черты, указывалъ отдѣльные, характерные примѣры.

Хотя указанные выше промахи и ошибки въ общемъ всѣ существеннаго характера, но все-таки они не лишаютъ разбираемаго изданія его достоинствъ. Оно исправило и дополнило Пушкинскій текстъ (особенно посмертный) на основаніи рукописей, при чемъ нѣкоторыя дополненія и поправки явились здѣсь

впервые. Напечатано изданіе, если не великолѣпно, то все-таки пріятно, на удовлетворительной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ красивомъ форматѣ. По внѣшности изданіе это, уступая прежнимъ, лучше всѣхъ новыхъ изданій.

2. А. С. Пушкинъ. Полное собраніе сочиненій. Изданіе *В. В. Комарова* подъ редакціею П. А. Ефремова. Семь томовъ, цѣна три рубля.

П. А. Ефремовъ, давно извѣстный своими изданіями русскихъ писателей XVIII и XIX вѣковъ, два раза уже редактировалъ сочиненія Пушкина. Его первое изданіе 1880 года (Исаковское) надѣлало шуму: г. Ефремовъ впервые въ немъ отмѣтилъ ошибки и неточности Анненковскаго изданія; это было серіезнымъ событіемъ въ исторіи Пушкинскаго печатнаго текста, и въ этомъ одномъ уже немаловажная заслуга г. Ефремова. Изданіе 1882 года (Ѳ. И. Анскаго, въ Москвѣ) имѣло весьма важную особенность: оно впервые дало собраніе писемъ Пушкина. Для обоихъ изданій г. Ефремовъ внимательно изучалъ печатный Пушкинскій текстъ, воспользовавшись также извѣстнымъ числомъ рукописей поэта, какъ хранящихся въ публичной библіотекѣ, такъ и находящихся въ частныхъ рукахъ; благодаря этому, ему удалось внести въ Пушкинскій текстъ немало поправокъ и даже дополненій. Но, къ сожалѣнію, въ его изданіяхъ были допущены неточности, опечатки: часть ихъ указана выше, когда говорилось о повтореніи ихъ въ изданіи литературнаго фонда.

Г. Ефремовъ тщательно внесъ теперь въ свое новое, Комаровское, изданіе всѣ поправки и дополненія, которыя явились въ печати съ 1882 года. За этотъ періодъ времени черновыя рукописи Пушкина сдѣлались общедоступными въ Румянцовскомъ музеѣ; обширныя извлеченія изъ нихъ, дополнявшія и исправлявшія прежній печатный Пушкинскій текстъ, были сообщены въ „Русской Старинѣ“ и въ „Русскомъ Архивѣ“. Г. Ефремовъ внимательно и вполнѣ воспользовался этими сообщеніями; самому ему, къ сожалѣнію, не пришлось заняться рукописями Пушкина въ Румянцовскомъ музеѣ. Въ этомъ отношеніи изданіе литературнаго фонда имѣетъ несомнѣнное пре-

имущество: мы видѣли, что г. Морозовъ извлекъ изъ московскихъ рукописей новыя дополненія и поправки. Но такъ какъ, съ одной стороны, главный матеріалъ этихъ рукописей былъ болѣе или менѣе исчерпанъ въ обширныхъ сообщеніяхъ „Русской Старины", а съ другой, г. Морозовъ, какъ замѣчено было выше, не воспользовался всѣми оставшимися въ рукописяхъ данными, то по *общему числу и важности* поправокъ, внесенныхъ въ текстъ противъ изданія 1882 года, изданіе Комарова мало уступаетъ изданію литературнаго фонда; другими словами, если сравнить Комаровское изданіе съ изданіемъ 1882 года, разница окажется гораздо значительнѣе, чѣмъ между Комаровскимъ изданіемъ и изданіемъ литературнаго фонда. Конечно, *новыя* дополненія г. Морозова, составляющія отличіе его изданія отъ изданія Комаровскаго, имѣютъ немаловажное значеніе, являясь въ первый разъ; но за то у г. Ефремова, въ Комаровскомъ изданіи, есть нѣкоторыя дополненія, которыя хотя и были напечатаны раньше, пропущены у г. Морозова; такъ, въ изданіи послѣдняго нѣтъ пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ, т.-е. не тѣхъ, которыя записаны, а которыя сочинены Пушкинымъ (въ Комаровскомъ изданіи, II т., стр. 117); или не хватаетъ приписки въ письмѣ къ Нащокину (о чемъ было сказано уже выше; ср. изд. литературнаго фонда VII, 405, и изд. Ком. VII, 419); или еще, въ письмѣ къ Я. Н. Толстому тоже пропущена приписка (ср. изд. Л. Ф., VII, 40, съ изд. Ком., VII, 143), которую г. Морозовъ долженъ былъ знать и по рукописи, и изъ „Русской Старины" (1884 года, декабрь, стр. 576).

Г. Морозовъ самъ занимался по черновымъ тетрадямъ поэта, это большое преимущество; отъ этого текстъ его изданія полнѣе и точнѣе, но и изданіе г. Ефремова явилось въ достаточной полнотѣ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что по экономическимъ соображеніямъ для дешевизны цѣны (7 томовъ въ 8⁰ — 3 р.), въ Комаровскомъ изданіи изъ *Джона Теннера* и изъ *Записокъ Моро-де-Бразе* помѣщены только предисловія. Точно также французскія письма помѣщены лишь въ русскомъ переводѣ. Нѣкоторыя изъ ошибокъ прежняго изданія г. Ефремова устранены въ новомъ: знакъ, что г. Ефремовъ снова работалъ по подлинному печатному Пушкинскому тексту.

Особенность прежнихъ Ефремовскихъ изданій составляло общее хронологическое распредѣленіе всѣхъ и мелкихъ, и крупныхъ стихотворныхъ произведеній Пушкина; въ новомъ изданіи эта особенность сохранена съ тѣмъ ограниченіемъ (какъ это уже было и въ изданіи 1882 года), что черновые наброски отнесены въ конецъ каждаго тома. Я попрежнему считаю, что это общее хронологическое *Пушкинское* распредѣленіе стихотвореній—самымъ лучшимъ. Письма у г. Ефремова и теперь, какъ въ изданіи 1882 года, расположены не хронологически, а по лицамъ, къ которымъ писаны. Такой порядокъ мнѣ кажется тоже болѣе удобнымъ. Съ одной стороны, письма къ одному лицу (наприм., къ женѣ) нерѣдко представляютъ у Пушкина нѣчто цѣлое, такъ что ихъ и удобно, и пріятно имѣть въ одномъ мѣстѣ, а съ другой—для читателя (не для изслѣдователя) вообще, кажется, интереснѣе читать письма по лицамъ, а не по годамъ. Но правда, что для справокъ хронологическое распредѣленіе писемъ лучше. Вообще надо, кажется, быть довольнымъ, что г. Морозовъ и г. Ефремовъ различнымъ образомъ расположили письма Пушкина, и мы имѣемъ теперь ихъ собраніе и по времени, и по лицамъ.

Нельзя не пожалѣть, что въ Комаровскомъ изданіи нѣтъ прежнихъ примѣчаній г. Ефремова, сгруппировавшаго въ нихъ немало интересныхъ данныхъ.

Къ Комаровскому изданію приложены шесть портретовъ Пушкина; между прочимъ, при II томѣ находится снимокъ съ портрета, рисованнаго Вернэ, но только портретъ этотъ крупнѣе, чѣмъ приложенный при изданіи литературнаго фонда (каковъ же размѣръ подлинника?), имя художника не названо, а самый портретъ отнесенъ къ 1821 г. (въ изданіи литературнаго фонда къ 1820 г.). Жаль, что и у г. Ефремова мы не находимъ никакихъ подробностей объ этомъ портретѣ. Всѣ портреты Пушкина въ разбираемомъ изданіи исполнены неудовлетворительно: вмѣсто шести неудачныхъ политипажныхъ портретовъ Пушкина лучше было бы приложить одинъ хорошій. Нельзя не пожалѣть, что ни въ одномъ изъ новыхъ изданій Пушкина не повторенъ замѣчательный портретъ работы Райта, приложенный къ изданію 1882 года.

При первомъ томѣ Комаровскаго изданія помѣщена неболь-

шая біографія Пушкина, составленная г. *П. П. Каратыгинымъ* по его же извѣстнымъ очеркамъ, напечатаннымъ раньше въ „Русской Старинѣ". Біографія написана живо, несмотря на краткость, но нѣкоторые факты передаются въ ней не совсѣмъ точно.

Изданіе г. Комарова напечатано хорошо, четкимъ шрифтомъ (не вездѣ чисто), на порядочной бумагѣ и, при дешевой цѣнѣ, представляетъ вполнѣ приличную внѣшность.

Первое изданіе г. Комаровъ пустилъ въ продажу (оно раскуплено было у него въ первый же день), а затѣмъ рядъ послѣдующихъ изданій (безъ всякихъ измѣненій) онъ разсылаетъ желающимъ изъ подписчиковъ своей газеты „Свѣтъ".

3. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе А. С. Суворина. 10 томовъ. Цѣна 1 р. 50 к.

— Тоже, изданіе второе, исправленное и дополненное.

Въ печати уже достаточно извѣстна исторія этого изданія, по отношенію къ изданію Литературнаго Фонда, такъ что на ея подробностяхъ я останавливаться не буду. Вкратцѣ все дѣло въ томъ, что значительная часть изданія г. Суворина напечатана съ корректуръ Литературнаго фонда [1], не только со всѣми поправками, внесенными въ текстъ впервые въ этомъ изданіи, но и со всѣми его опечатками и ошибками. Для насъ въ этомъ дѣлѣ любопытно заявленіе А. С. Суворина, что онъ самъ за своимъ изданіемъ не слѣдилъ, а такъ какъ кромѣ него отвѣтственнаго редактора не имѣется, то оказывается, что издательская фирма г. Суворина печатала полное собраніе сочиненій Пушкина, не только не имѣя болѣе или менѣе авторитетнаго редактора, а просто предоставивъ все дѣло совмѣстному рѣшенію корректора и метранпажа. Такое отношеніе къ изданію представляется весьма страннымъ, и въ результатѣ его было то, что одна часть изданія была напечатана по чужимъ корректурамъ, а другая, по старому, совсѣмъ не ис-

[1] Изданіе Литературнаго Фонда печаталось въ типографіи А. С. Суворина.

правленному тексту. Такъ все это изданіе и можно раздѣлить на два разные отдѣла: къ одному принадлежатъ мелкія пьесы, *Е. Онѣгинъ*, и значительная часть прозы,— все это напечатано по корректурамъ г. Морозова, со всѣми его дополненіями и поправками, которыя онъ сдѣлалъ, а также, понятно, и съ точнымъ воспроизведеніемъ ошибокъ и опечатокъ; ко второму отдѣлу относится бо́льшая часть крупныхъ произведеній и остальная проза; этотъ отдѣлъ напечатанъ по тексту 1882 года, т.-е. безъ позднѣйшихъ поправокъ или дополненій, такъ что, напр., остались неисправленными *Борисъ Годуновъ*, *Каменный Гость*, *Русалка* и многое, многое другое. Есть, однако, очень немного вещей, которыя были исправляемы не по корректурамъ г. Морозова, а самостоятельно, но зато, большею частью, и не вполнѣ точно. Самодѣятельность безыменнаго редактора сказалась еще въ томъ, что въ изданіе внесенъ изъ „Чтеній московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ“ не принадлежащій, повидимому, Пушкину переводъ „Слова о Полку Игоревѣ“, при чемъ текстъ не только не исправленъ по рукописи (хотя на сильныя неточности его было указано въ печати), но даже и не вставлены пропущенные пять стиховъ, которые приведены были въ „Русской Старинѣ“ изд. 1884 года.

Самостоятельность разбираемаго изданія проявилась также въ распредѣленіи произведеній Пушкина по томамъ, главнымъ образомъ въ распредѣленіи мелкихъ пьесъ. Въ предисловіи (неизвѣстно кѣмъ оно написано, кѣмъ составленъ планъ изданія; предисловіе говоритъ отъ лица издательской фирмы „мы“), читаемъ: „мелкія стихотворенія мы раздѣлили на три тома, руководствуясь отчасти Бѣлинскимъ въ его разборѣ Пушкина. Въ третій томъ нашего изданія вошли тѣ стихотворенія первыхъ лѣтъ, которыя или самъ Пушкинъ печаталъ въ собраніяхъ своихъ сочиненій, или вообще указываются, какъ лучшія, или же — хотя иногда и несправедливо — пользуются особенною извѣстностью. Въ этотъ же томъ вошли всѣ стихотворенія до 1826 года, *когда дарованія Пушкина не выработались еще до полной самостоятельности* (!?). Лучшія вещи этого періода мы перенесли въ четвертый томъ нашего изданія, въ которомъ помѣщены всѣ стихотворенія, которыя Пуш-

кинъ написалъ послѣ 1826 г., кромѣ нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ, — ими мы дополнили третій томъ. Въ четвертый томъ нами выбраны эпиграммы, не имѣющія личнаго характера, или же сильнымъ и рѣзкимъ оборотомъ мысли получившія общую извѣстность. Всѣ стихотворные отрывки и варіанты мы собрали въ концѣ третьяго тома". Десятый томъ составленъ изъ стихотвореній лицейскихъ и до 1819 года. Вотъ какая странная система! Въ основу дѣленія на томы положена какъ будто хронологія: 1) лицейскія стихотворенія, 2) стихотворенія до 1826 г. и 3) стихотворенія послѣ 1826 г.; но при этомъ прямо сказано, что по оцѣнкѣ достоинства пьесъ (цѣнителемъ былъ все тотъ же безыменный редакторъ изъ служащихъ въ типографіи), онѣ переносятся произвольно изъ тома въ томъ, такъ что хронологія тутъ не при чемъ. И эта оцѣнка или расцѣнка произведена очень странно и небрежно, Такъ, въ IV томъ попало нѣсколько черновыхъ, совершенно неоконченныхъ набросковъ, которые при томъ же отчасти относятся ко времени до 1826 г., т.-е. въ IV томъ могли попасть только по своему особенному художественному значенію, ставящему ихъ гораздо выше остальныхъ произведеній Пушкина того времени; таковыми, по мнѣнію безыменнаго редактора, наприм., оказались отрывочныя четверостишія 1824 г.: „Два чувства равно близки къ намъ", „Забывъ и рощу и свободу", „Дитя, не смѣю надъ тобой" (IV, стр. 140); или, напр., тутъ же находимъ стихотвореніе „Роза" („Гдѣ наша роза?"—IV, стр. 137), маленькую бездѣлку 1815 г., надъ которой самъ Пушкинъ отмѣтилъ у себя въ тетради: „не надо". Повидимому, безыменному редактору эта пьеса показалась достойною занять мѣсто въ ряду лучшихъ стихотвореній той эпохи, „когда дарованіе Пушкина выработалось до полной самостоятельности". Вообще IV томъ на одну треть состоитъ изъ произведеній до 1826 г.; съ другой стороны, не мало отличныхъ позднихъ произведеній отнесено въ III томъ. Разбирая стихотворенія Пушкина съ такою строгою и своеобразною критикою, безыменный редакторъ сортируетъ ихъ вполнѣ по своему произволу, — пьесы, написанныя въ одно время и стоящія въ связи другъ съ другомъ, притомъ нисколько не различающіяся по достоинству, — попадаютъ въ разные томы. Этого мало: пьесы

каждаго тома размѣщаются опять совершенно произвольно. Хронологія соблюдена въ X томѣ, но ни въ III, ни особенно въ IV томѣ на нее не обращено ни малѣйшаго вниманія, и всѣ пьесы перемѣшаны и перетасованы безъ всякой системы, безъ толку и смысла (и безъ указанія годовъ). Для всякаго читателя хронологическій порядокъ особенно мелкихъ лирическихъ произведеній Пушкина очень важенъ; онъ чрезвычайно удобенъ для отысканія той или другой пьесы: при чтеніи всякій легко и невольно запоминаетъ до нѣкоторой степени хронологическую послѣдовательность стихотвореній, изъ которыхъ многія имѣютъ такую тѣсную связь съ біографіей Пушкина, болѣе или менѣе извѣстной каждому читателю; такимъ образомъ, читатель легко потомъ находитъ разныя искомыя стихотворенія; не говорю уже о томъ, насколько, съ другой стороны, важнымъ и поучительнымъ поясненіемъ біографіи и личности поэта являются стихотворенія его, расположенныя хронологически. Нельзя не удивляться, къ чему безыменному редактору понадобилось устроивать такое болѣе, чѣмъ странное смѣшеніе! Перемѣшавъ стихотворенія Пушкина безъ всякой системы и цѣли, онъ еще нашелъ излишнимъ выставлять при каждой пьесѣ ея годъ; правда, къ изданію, *по примѣру г. Морозова,* приложенъ подробный хронологическій перечень, но какъ буду я искать въ этомъ погодномъ перечнѣ хотя „Розу", напечатанную съ лучшими стихотвореніями 1830-хъ годовъ и относящуюся къ 1815 году! Такая система или такая безсистемность въ расположеніи стиховъ поражаетъ своею полною безцѣльностью.

Не буду дѣлать подробныхъ указаній на отдѣльныя ошибки этого изданія,—ихъ очень не мало, и это слишкомъ бы насъ задержало. Довольно сказать, что оно повторило много ошибокъ и опечатокъ изъ изданія Литературнаго Фонда, да прибавило къ нимъ еще своихъ вдвое или даже втрое.

Къ разбираемому изданію приложены портреты Пушкина и его родныхъ (исполненные довольно плохо и не всегда вѣрно), нѣсколько видовъ (отмѣчу курьезъ: домъ Пушкина въ Кишиневѣ, благодаря ошибкѣ съ цинкографіей, представленъ навыворотъ, т.-е. какъ бы въ зеркалѣ), нѣсколько снимковъ съ рукописей въ уменьшенномъ видѣ; выборъ этихъ снимковъ

далеко неудаченъ, при томъ же если еще уменьшеніе рисунковъ не лишаетъ ихъ значенія, то уменьшенное факсимиле рукописи не имѣетъ смысла: *такъ* Пушкинъ никогда не писалъ, эти снимки не даютъ никакого понятія объ его почеркѣ. Находящаяся при первомъ томѣ „біографія А. С. Пушкина" представляетъ разсказъ краткій, безсодержательный и неточный, — въ такомъ видѣ она ни для кого не нужна; гораздо было бы лучше дать просто *полный* хронологическій перечень событій изъ жизни Пушкина, что имѣло бы большое значеніе, особенно бы при хронологическомъ расположеніи стихотвореній.

Внѣшность изданія не совсѣмъ пріятная, не совсѣмъ опрятная, хотя напечатано оно крупно и четко. Существенный недостатокъ: изданіе сброшюровано такъ скверно, что его стоитъ только перелистовать, чтобы оно разлетѣлось по листкамъ. Второе изданіе сброшюровано хорошо.

Первое изданіе фирмы Суворина разошлось въ нѣсколько дней (15,000 экз.); теперь вышло уже второе изданіе, „исправленное и дополненное" (30,000 экз.); конечно, эти исправленія и дополненія указываютъ на недостатки перваго изданія, такъ какъ новыхъ открытій безыменный редакторъ сдѣлать не могъ, такъ какъ новыхъ сообщеній по рукописямъ въ промежутокъ между двумя изданіями сдѣлано было очень немного.

Безыменная редакція заявляетъ, что во второмъ изданіи „распредѣленіе по томамъ нѣсколько измѣнно"; къ сожалѣнію, эти измѣненія ничего не значатъ: нѣсколько стихотвореній, по новому капризу, перенесены изъ III тома въ IV или обратно („Роза", о которой говорено выше, все-таки остается въ IV томѣ); прежняя безсистемность остается въ полной силѣ и попрежнему дѣлаетъ изданіе совершенно неудобнымъ, лишаетъ его значенія. Можно только одобрить перенесеніе изъ III тома въ I черновыхъ дополненій къ разнымъ поэмамъ. Надо еще замѣтить, что Суворинское изданіе отличается значительною осторожностью; въ немъ, напр., совсѣмъ нѣтъ оды „Вольность", „Кинжала", т.-е. того, что находимъ въ другихъ такихъ же дешевыхъ изданіяхъ; вѣроятно, этою же осторожностью объясняется и то, что второе изданіе перенесло въ X томъ „Посланіе въ Сибирь" (1827 г.), хотя по времени и по *извѣстности* эта пьеса должна была бы находиться въ IV томѣ.

Въ черновыхъ дополненіяхъ къ Евгенію Онѣгину второе изданіе фирмы г. Суворина воспользовалось новыми сообщеніями, которыя даны въ отдѣльномъ изданіи Московскаго общества любителей россійской словесности; но изданіе фирмы г. Суворина не обратило никакого вниманія на поправки, внесенныя московскимъ изданіемъ въ самый текстъ романа на основаніи подлиннаго печатнаго Пушкинскаго текста, и повторяетъ всѣ прежнія ошибки (см., напр., выше ошибки, указанныя въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ по изданію Литературнаго Фонда). Или еще: „Русалка“ во второмъ Суворинскомъ изданіи осталась неисправленною попрежнему, „Каменный гость“ исправленъ не вполнѣ, тоже „Арапъ Петра Великаго“ и „Египетскія ночи“; „Дубровскій“ не исправленъ окончательно по изданію Литературнаго Фонда, также „Исторія села Горохина“; *совсѣмъ* попрежнему *неисправлены* всѣ наброски повѣстей и т. д. Вообще улучшенія являются тутъ случайными, и все изданіе, какъ оно поставлено, не можетъ, при отсутствіи самостоятельнаго редактора, внушать довѣрія. Надо прибавить, что второе изданіе выходило довольно медленно по томамъ, и безыменная редакція имѣла довольно времени на исправленія.

4. а) Сочиненія А. С. Пушкина. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Изданіе *Ф. Павленкова*, исполненное подъ редакціей *А. М. Скабичевскаго*. Цѣна 1 р. 50 к.

б) Тоже, въ восьми томахъ, цѣна 1 р. 50 к.

Тоже, изданіе второе, въ одномъ томѣ или въ десяти томахъ, цѣна 1 р. 50 к.

Надо отдать справедливость г. Ф. Павленкову: онъ проявилъ много энергіи и предпріимчивости при изданіи сочиненій Пушкина. Напечатавъ ихъ въ одномъ томѣ большого формата, въ два столбца, онъ разбилъ каждый столбецъ на двѣ страницы и напечаталъ то же собраніе въ восьми маленькихъ томикахъ, пустивъ каждый изъ нихъ въ отдѣльную продажу. Затѣмъ г. Павленковъ еще варьировалъ эти изданія, выпустивъ ихъ на разныя цѣны,—на простой и на лучшей бумагѣ, въ переплетѣ и безъ переплета, а однотомное изданіе еще—съ картинами и безъ картинъ; далѣе, онъ съ того же набора

сдѣлалъ болѣе сорока отдѣльныхъ изданій изъ Пушкина, давъ также томъ мелкихъ стихотвореній, томъ поэмъ, томъ драмъ и т. д., и т. д. Наконецъ, онъ выпустилъ отдѣльнымъ альбомомъ картины къ Пушкину.

Выказавъ такую издательскую предпріимчивость, г. Павленковъ позаботился и о текстѣ своего изданія, поручивъ его редакцію извѣстному писателю *А. М. Скабичевскому*, т.-е. и въ этомъ отношеніи г. Павленковъ сдѣлалъ, что могъ, и не его вина, что г. Скабичевскій оказался, къ сожалѣнію, не вполнѣ удовлетворительнымъ редакторомъ сочиненій Пушкина.

Довольно обстоятельная біографія Пушкина, приложенная г. Скабичевскимъ къ изданію, составлена хорошо (хотя въ ней есть ошибки — напр., говорится, что „На выздоровленіе Лукулла“ написано *на выздоровленіе гр. Уварова,* отъ чего весь послѣдующій разсказъ объ этомъ стихотвореніи лишается смысла — и хотя со многими положеніями г. Скабичевскаго нельзя согласиться), но, какъ редакторъ Пушкинскаго текста, А. М. Скабичевскій *не сдѣлалъ ничего.* Выше достаточно было говорено уже о необходимости пользоваться подлинными изданіями и, по возможности, рукописями поэта. Г. Скабичевскій въ этомъ отношеніи совершенно ничего не объясняетъ намъ въ своемъ предисловіи, какъ и чѣмъ онъ пользуется; заявляетъ только, что его изданіе „не имѣетъ въ виду никакихъ научныхъ цѣлей, назначается исключительно для публики“; но наврядъ ли это обстоятельство,—желаніе дать *популярное* изданіе — можетъ оправдывать редакторскій пріемъ г. Скабичевскаго. Пріемъ этотъ до крайности простъ. Редактору нѣтъ дѣла ни до рукописей поэта, ни до подлиннаго печатнаго его текста. Онъ просто беретъ изданіе 1882 г. и перепечатываетъ его, выпуская нѣкоторыя вещи. Выше было уже сказано, насколько текстъ изданія 1882 года требовалъ исправленій и дополненій на основаніи рукописей или хоть на основаніи тѣхъ сообщеній, которыя за послѣдніе годы были сдѣланы въ печати изъ этихъ рукописей. Разбираемое изданіе объ этомъ нисколько не заботится. Я замѣтилъ въ немъ всего три дополненія къ тексту 1882 г., всѣ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ,—дополненія, все крупныя, въ *десятки* стиховъ; но затѣмъ, всѣ остальныя дополненія, и крупныя, и

мелкія, всѣ поправки, часто очень существенныя, все это— сообщенное давно уже въ „Русской Старинѣ“ и въ „Русскомъ Архивѣ“, оставлено редакторомъ разбираемаго изданія безъ всякаго вниманія, такъ что весь посмертный текстъ Пушкина повторенъ тутъ со всѣми страшными искаженіями, съ невозможными пропусками, какъ онъ печатался прежде. Особенно искалѣчена была посмертными издателями проза Пушкина, и все это такъ и напечатано въ разбираемомъ изданіи: въ „Арапѣ Петра Великаго“, не говоря уже о другихъ ошибкахъ, такъ и осталась *кормилица* вмѣсто *карлицы;* въ набросках для „Египетскихъ ночей“ два отрывка попрежнему перепутаны другъ съ другомъ; не исправлены „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, „Альманашникъ“, „Разговоръ“ и т. д. Этого мало: „Дубровскій“ почему-то напечатанъ по тексту 1880 года, т.-е. даже безъ исправленій и дополненій изданія 1882 г. Такимъ образомъ, вообще редакторъ разбираемаго изданія вовсе и не подумалъ о необходимости исполнить тотъ немалый редакторскій трудъ, который выполненъ *П. А. Ефремовымъ* (не говоря уже о *П. О. Морозовѣ*, занимавшемся по рукописямъ), отъ котораго не отказался и *Л. И. Поливановъ* даже для школьнаго изданія (см. ниже).

Не обративъ никакого вниманія на поправки и дополненія изъ рукописей, разбираемое изданіе совершенно пренебрегло подлиннымъ печатнымъ текстомъ Пушкина. Выше было упомянуто объ ошибкахъ и неточностяхъ въ изданіи 1882 года; разбираемое изданіе сохранило ихъ всѣ неприкосновенными, возстановивъ только пропущенный стихъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“; но для того, чтобы замѣтить, что въ строфѣ Онѣгина не хватаетъ четырнадцатаго стиха, конечно, не надо много изслѣдованій; всѣ же остальныя ошибки текста съ точностью воспроизведены въ разбираемомъ изданіи. Этого мало: въ немъ повторены иногда простыя *опечатки* изданія 1882 г., хотя бы онѣ нарушали даже размѣръ стиха, какъ, напр., въ „Лицейской годовщинѣ 1825 года“, въ 7-й строфѣ: *Непоколебимъ*, свободенъ и безпеченъ (должно быть: *неколебимъ)* и т. п.

При такихъ пріемахъ редакторской работы и при такомъ тщательномъ воспроизведеніи чужихъ опечатокъ не можетъ быть и рѣчи ни о *полнотѣ*, ни о *точности* текста.

Нельзя обойти молчаніемъ слѣдующаго страннаго факта. Въ изданіи 1882 г., при лицейскихъ запискахъ Пушкина (V, 1) сдѣлано нѣсколько объяснительныхъ примѣчаній, въ которыхъ говорится о Пушкинѣ въ третьемъ лицѣ, онъ называется „поэтъ". Несмотря на это, разбираемое изданіе, помѣстивъ эти примѣчанія вслѣдъ за записками, дало имъ особое заглавіе: „примѣчанія *Пушкина*"! *А. М. Скабичевскій* оговорился въ предисловіи, что опускаетъ въ своемъ изданіи нѣкоторыя прозаическія малоинтересныя вещи, нѣкоторыя примѣчанія Пушкина, а изъ стихотвореній лишь безсвязные варіанты. Я не буду входить въ разборъ можно ли опустить то или другое, но укажу на слѣдующій странный фактъ: пропущены вовсе не одни „безсвязные варіанты", а цѣлый рядъ болѣе или менѣе длинныхъ, законченныхъ стихотвореній, какъ-то: „Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ", посланіе Гнѣдичу: „Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный", посланіе къ Вигелю, къ Вяземскому, и такихъ пропусковъ много. Отчего же они зависѣли? Отъ совершенно случайнаго обстоятельства. Въ изданіи 1882 г. многія стихотворенія были помѣщены при письмахъ, къ которымъ они имѣютъ отношеніе, въ VII томѣ, и большинство такихъ пьесъ, во избѣжаніе повтореній, не были еще разъ напечатаны въ отдѣлѣ стихотвореній. Г. Скабичевскій не внесъ въ свое изданіе переписку Пушкина; поэтому, когда онъ взялъ изданіе 1882 г., чтобы перепечатать его, онъ просто откинулъ VII томъ, не обративъ вниманія на то, что онъ при этомъ откидываетъ и рядъ стихотвореній, напечатанныхъ съ письмами: такъ разбираемое изданіе и обошлось безъ нихъ.

Въ своемъ предисловіи А. М. Скабичевскій говоритъ о неудобствахъ хронологическаго распредѣленія даже мелкихъ стихотвореній Пушкина, такъ какъ для отысканія какой-либо пьесы при хронологическомъ порядкѣ большинству читателей каждый разъ приходится перерывать все изданіе (г. Скабичевскій забываетъ объ указателяхъ). Поэтому-то:

„Принимая во вниманіе вышеозначенныя (вовсе неубѣдительныя) соображенія, мы, *по предложенію издателя*, расположили произведенія Пушкина не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ систематическомъ—по родамъ и видамъ поэзіи и прозы, подобно тому,

какъ были изданы сочиненія Пушкина имъ самимъ въ 1826 году [порядокъ, откинутый Пушкинымъ въ слѣдующемъ изданіи, которое расположено хронологически] и затѣмъ въ посмертномъ изданіи 1838 года [которое, кажется, было худшимъ изъ всѣхъ изданій Пушкина и которое до сихъ поръ всѣ ругательски ругаютъ]. Намъ кажется, что мы оказываемъ этимъ публикѣ двойную услугу"...

И далѣе объясняется, что при такомъ порядкѣ будто бы легче найти стихотвореніе, и что читатели тутъ „могутъ получить весьма не лишнія и любопытныя свѣдѣнія о томъ, что далъ по каждому роду и виду поэзіи нашъ безсмертный поэтъ", хотя, конечно, права его на безсмертіе не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, много ли, мало ли одъ или эпиграммъ имъ написано. Наконецъ, г. Скабичевскій еще убѣжденъ,—для учителей русской словесности гораздо удобнѣе систематическое распредѣленіе сочиненій Пушкина, хотя, конечно, учителя русской словесности никакъ не могутъ быть причислены къ „большинству", которое принуждено для отысканія какого-нибудь стихотворенія рыться по всему изданію Пушкина.

Нечего, конечно, говорить о произволѣ, съ какимъ приходится дѣлить стихотворенія Пушкина по родамъ и видамъ; г. Скабичевскій, между прочимъ, принужденъ былъ устроить широкую и смѣшанную рубрику: „Антологіи(я), описанія, идиліи, пѣсни и думы", отнеся въ нее добрую часть *всякихъ* стихотвореній Пушкина. Вообще всѣ доводы редактора въ пользу распредѣленія „по родамъ и видамъ поэзіи", всѣ указанія на двойную или даже тройную выгоду такого систематическаго порядка совершенно неубѣдительны, да и самое примѣненіе на дѣлѣ тутъ же прямо показываетъ свои недостатки и не представляетъ никакихъ удобствъ, не можетъ оказать существенныхъ „услугъ". Почему же редакціей принятъ такой порядокъ? Кажется, прямой отвѣтъ мы находимъ въ цитированномъ выше отрывкѣ изъ предисловія: „по предложенію издателя". Для издателя такое распредѣленіе по родамъ и видамъ поэзіи было важно: оно дало ему возможность выпустить сорокъ отдѣльныхъ зданій съ того же набора (отдѣльно изданы посланія, сатиры и т. д.). Въ этомъ все и дѣло; издатель предложилъ свой порядокъ, редакторъ его принялъ, причемъ неудачно попытался оправдать его общими,

а не издательскими соображеніями. Въ концѣ концовъ систематическое расположеніе въ изданіи Ф. Павленкова (хотя неудачное и неудобное), все-таки, конечно, лучше совершенной путаницы въ изданіи фирмы г. Суворина.

По внѣшности изданія Павленковскія удовлетворительны, и его восьмитомный Пушкинъ по виду пріятнѣе, чѣмъ Суворинское изданіе. Что же касается до портрета Пушкина въ Павленковскомъ изданіи и до иллюстрацій (числомъ 44), то они очень плохи. Лучше было бы дать меньше иллюстрацій, но не такихъ плохихъ политипажей, которые къ тому же, по крайней мѣрѣ отчасти, не новы.

Изданіе Ф. Павленкова очень быстро разошлось и появилось вторично раньше, чѣмъ вышло второе Суворинское изданіе. Въ первомъ Павленковскомъ изданіи не было писемъ Пушкина: во второе изданіе они вошли (составивъ 9-й и 10-й томы въ многотомномъ изданіи). Но, кромѣ прибавки писемъ, второе изданіе не внесло никакихъ исправленій: оно представляетъ точное повтореніе перваго изданія, т.-е. даетъ текстъ такъ, какъ онъ печатался еще въ 1882 году; оно добавило только подъ рубрикой „вновь найденныя стихотворенія“—семь пьесъ изъ изданія литературнаго фонда,—какъ будто все различіе между изданіями г. Морозова и г. Павленкова исчерпывается этими семью стихотвореніями; гораздо лучше было бы вмѣсто этого прибавленія заняться точнымъ исправленіемъ всего текста. Біографія осталась въ прежнемъ видѣ. Текстъ писемъ заимствованъ изъ изданія литературнаго фонда.

II.

Московскія изданія.

5. Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе *Льва Поливанова* для семьи и школы. Т. I. Лирическія стихотворенія, — цѣна 1 р. 50 к. Т. II. Поэмы, сказки, баллады, эпическія пѣсни, — цѣна 80 к. Т. III (драматическія произведенія) и т. IV (романъ, повѣсти, проза).

Какъ уже было упомянуто выше, къ 29-му января, т.-е. къ сроку окончанія литературной собственности на сочиненія

Пушкина, въ Москвѣ появилось лишь школьное изданіе Льва Поливанова: съ него мы и начнемъ обзоръ московскихъ изданій.

Потребность въ школьномъ изданіи Пушкина сказалась уже давно. Не говоря объ отдѣльныхъ изданіяхъ изъ Пушкина съ этою цѣлью, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана крупная попытка въ этомъ направленіи: тогдашнимъ собственникомъ сочиненій Пушкина было выпущено школьное изданіе избранныхъ произведеній поэта въ трехъ томахъ подъ редакціей и съ объясненіями г. Козьмина; изданіе это, несмотря на свои недостатки, имѣло успѣхъ и скоро было повторено: такова была потребность въ подобномъ изданіи. Школьное изданіе Пушкина, сдѣланное теперь г. Поливановымъ, превосходитъ изданіе г. Козьмина, какъ по полнотѣ, такъ и по систематичности. Но все-таки и оно вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія.

Въ своемъ предисловіи (стр. VI) г. Поливановъ говоритъ: „что касается до полноты моего изданія, то въ немъ сохранено все, что представляетъ художественный интересъ и заслуживаетъ общаго вниманія; такого, что было бы неумѣстнымъ въ изданіи для семьи и школы, у Пушкина оказалось весьма немного. Вотъ почему я не счелъ возможнымъ назвать свое изданіе *избранными* сочиненіями“. Другими словами, г. Поливановъ утверждаетъ, во первыхъ, что его изданіе есть *почти полное* собраніе сочиненій Пушкина, и, во вторыхъ, что онъ выпустилъ только то немногое, что не подходитъ для юношескаго возраста. Ни то, ни другое положеніе невѣрно.

Судя по размѣрамъ томовъ, прежде всего трудно предположить, чтобы четвертый томъ далъ бы вмѣстѣ съ *Е. Онѣгинымъ всю прозу*, которая, безъ всякихъ комментарій, въ обыкновенныхъ изданіяхъ представляетъ три большихъ тома, а съ письмами четыре [1]). И вообще, какъ можно, *съ незначительными пропусками*, семь томовъ помѣстить въ четыре, да еще наполненныхъ, по крайней мѣрѣ на половину, критическимъ комментаріемъ? Томы г. Поливанова при этомъ меньше

---

[1]) Предположенія издателя были измѣнены потомъ и онъ издалъ не четыре, а пять томовъ (пятый томъ вышелъ въ 1888 г.).

обычныхъ томовъ большого изданія Пушкина. О неполнотѣ изданія мы можемъ вполнѣ судить и по первому тому: въ немъ помѣщено 247 стихотвореній, а между тѣмъ общее число всѣхъ мелкихъ пьесъ Пушкина превышаетъ 750, т.-е. разбираемое изданіе даетъ только одну треть ихъ по счету; къ тому же, между стихотвореніями, вошедшими въ изданіе г. Поливанова, не мало такихъ, въ которыхъ сдѣланы болѣе или менѣе крупные пропуски. Такимъ образомъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о полнотѣ; это, несомнѣнно, не что иное, какъ „*избранныя* сочиненія".

Какъ же сдѣланъ этотъ строгій выборъ? Неужели двѣ трети мелкихъ стихотвореній Пушкина не годятся „для семьи и школы?" Нѣтъ, тысячу разъ—нѣтъ! Изъ откинутыхъ двухъ третей громадное большинство стихотвореній не заключаетъ въ себѣ ничего не подходящаго для юношества. Было бы очень долго перебирать подъ рядъ всѣ откинутыя г. Поливановымъ стихотворенія; достаточно будетъ указать на одинъ какой-нибудь отдѣлъ, — возьмемъ, напр., посланія Пушкина въ первый періодъ его жизни, хоть до 1826 года. Г. Поливановъ выпустилъ посланія: къ Галичу два, къ Пущину три (одно дано въ отрывкѣ), къ Ломоносову, къ Кошанскому, къ Шишкову, къ Дельвигу два, къ Илличевскому (данъ отрывокъ), къ Зубову, къ Юрьеву, къ Щербинину, къ Кривцову два, къ Чаадаеву два (даны маленькіе отрывки при третьемъ посланіи), къ Кюхельбекеру, къ Энгельгардту, къ Катенину, къ Алексѣеву, къ Давыдову два. Конечно, быть можетъ, въ четвертой, скажемъ, части изъ названныхъ посланій въ изданіи для юношества пришлось бы сдѣлать нѣкоторые пропуски, но все-таки ихъ можно было бы напечатать съ этими сокращеніями (чего, какъ уже замѣчено, г. Поливановъ вовсе не избѣгаетъ); за то остальныя три четверти изъ нихъ могли бы быть даны въ своемъ цѣломъ и много послужили бы не только къ характеристикѣ самого Пушкина и его личныхъ связей, но въ значительной степени и къ характеристикѣ его взглядовъ на творчество: онъ прямо высказываетъ ихъ, обращаясь къ Дельвигу, Кошанскому или Шишкову и т. д. Кромѣ совершеннаго пропуска указанныхъ посланій, г. Поливановъ выкинулъ не мало стиховъ изъ другихъ посланій, у него при-

веденныхъ, при чемъ эти пропуски часто бываютъ непонятны, напр., въ посланіи къ А. Ѳ. Орлову или къ Жуковскому: въ посланіи къ Жуковскому выпущено болѣе половины, вся характеристика, русской литературы XVIII вѣка; зачѣмъ было ее выпускать? Если г. Поливановъ не согласенъ съ оцѣнками, сдѣланными у Пушкина, онъ могъ оговорить свой болѣе правильный взглядъ въ объясненіяхъ. Въ концѣ концовъ, изданію, безъ сомнѣнія, очень повредилъ пропускъ указанныхъ посланій, и этотъ пропускъ очень вредно отразился и на комментаріи, о чемъ будетъ сказано ниже.

Итакъ, изданіе г. Поливанова есть несомнѣнно собраніе *избранныхъ* сочиненій Пушкина и притомъ вовсе не такое полное, которое могло бы быть (и должно бы быть) сдѣлано для достиженія цѣлей, поставленныхъ г. Поливановымъ.

Что касается до Пушкинскаго текста въ разбираемомъ изданіи, то, съ одной стороны, оно довольно внимательно воспользовалось сообщеніями изъ рукописей поэта въ „Русской Старинѣ“ 1884 г. (иногда, впрочемъ, нужныя поправки не сдѣланы; см., напр., „Заздравный кубокъ“, „Чернильница“, или сдѣланы невѣрно, напр., въ наброскѣ о Риѳмѣ); но, съ другой стороны, въ основу текста положено изданіе 1882 г., при чемъ повторены многія его ошибки и даже просто опечатки (ср., напр., мѣста, указанныя выше для изданія литературнаго фонда, или, еще, въ „Черепѣ“ въ 65 стихѣ „увѣренность“ вмѣсто “умѣренность„). Къ этому присоединяются и собственныя опечатки. Заимствованіе черновыхъ варіантовъ изъ „Русской Старины“ или „Русскаго Архива“ для школьнаго изданія часто не имѣетъ значенія, и редакторъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, занявшись вмѣсто того выправкой текста по подлиннымъ Пушкинскимъ изданіямъ.

Въ своемъ комментаріи г. Поливановъ желалъ дать *исторію* каждаго произведенія и его оцѣнку. Разсказывая исторію лирическихъ пьесъ Пушкина, г. Поливановъ желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать послѣдовательную біографію поэта; мысль прекрасная, но исполненная далеко не вполнѣ: послѣдовательной біографіи и характеристики Пушкина мы у г. Поливанова все-таки не находимъ; ниже было говорено, напр., о пропускѣ въ разбираемомъ изданіи большинства посланій Пушкина къ

его друзьямъ, а при этомъ, конечно, комментарій уже не можетъ дать намъ точнаго и полнаго изображенія дружескихъ связей Пушкина, вліяніе которыхъ имѣло такое значеніе въ молодые годы нашего поэта.

Значенію біографическаго комментарія мѣшаютъ еще допускаемыя иногда неточности, которыхъ очень легко было бы избѣжать. Такъ, на стр. 80 говорится, что первое изданіе Руслана и Людмилы, за отъѣздомъ Пушкина изъ Петербурга на югъ, было кончено Вяземскимъ, а на самомъ дѣлѣ оно было поручено Гнѣдичу; такъ дважды (стр. 84 и 132) г. Поливановъ увѣряетъ, будто Пушкинъ въ 1820-хъ годахъ изучалъ Овидія въ подлинникѣ, а между тѣмъ самъ Пушкинъ говоритъ намъ, что по выходѣ изъ лицея ничего не читалъ по-латыни. Г. Поливановъ думаетъ, что заниматься Библіей Пушкинъ началъ въ Михайловскомъ, и забываетъ о его извѣстномъ письмѣ изъ Одессы, послужившемъ причиною высылки его въ Михайловское: „Читаю библію..“ — такъ начинается это письмо. Въ другомъ мѣстѣ г. Поливановъ разсказываетъ, что Пушкинъ, по возвращеніи изъ ссылки, всю зиму 1826 — 1827 г. прожилъ въ Москвѣ, а между тѣмъ онъ уѣзжалъ въ срединѣ зимы мѣсяца на полтора опять въ Псковъ.

Говоря о собственномъ комментаріи г. Поливанова (онъ, кромѣ того, приводитъ много отзывовъ критики), укажу также примѣры совершенно невѣрнаго объясненія къ стихотвореніямъ. На стр. 176 по поводу „Оды графу Хвостову“ говорится, будто Пушкинъ призываетъ Хвостова занять мѣсто тѣни Байрона „въ Аидѣ“, что, по мнѣнію г. Поливанова, особенно комично; между тѣмъ изъ всего стихотворенія вполнѣ ясно, что Пушкинъ зоветъ Хвостова въ Грецію, „гдѣ отъ крови земля промокла“; ошибочное толкованіе въ данномъ случаѣ произошло отъ слишкомъ буквальнаго пониманія словъ: „*на мѣсто тѣни* знаменитой“; но вѣдь это и въ обыденной рѣчи постоянно говорится такъ: *на мѣсто покойнаго*, и никто не думаетъ, что это мѣсто въ гробу.

Другой примѣръ: по поводу „Обвала“, на стр. 296, г. Поливановъ говоритъ: „это стихотвореніе вызвано мыслями о борьбѣ русскихъ войскъ съ горцами. Ср. съ „Споромъ

Лермонтова". Между тѣмъ, для всякаго читателя, думаю, несомнѣнно, что въ данномъ стихотвореніи нѣтъ никакой аллегоріи: Пушкинъ просто описываетъ картину природы, какую онъ видѣлъ самъ (первая строфа) и передаетъ далѣе случай съ обваломъ, о которомъ онъ слышалъ. И какое тутъ подобіе русской борьбы на Кавказѣ? Обвалъ (т.-е., по г. Поливанову, русскія войска) завалилъ рѣку Терекъ (олицетвореніе горцевъ, ихъ характера и взглядовъ), но Терекъ сначала промылся подъ обваломъ, а потомъ обвалъ и совершенно разрушился, такъ что тамъ, гдѣ прежде шелъ по обвалу путь, теперь мчится только Эолъ. *Нѣкоторое подобіе* послѣдней строфы, со стихами въ „Спорѣ" Лермонтова, и послужило, повидимому, основаніемъ для толкованія „Обвала", какъ аллегоріи. У Пушкина:

И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ;
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

Г. Поливанову при этихъ стихахъ, должно быть, припомнились стихи Лермонтова:

Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари—орлы...

Надо думать, что, увлеченный воспоминаніемъ объ этихъ стихахъ, г. Поливановъ призналъ вообще сходство „Обвала" Пушкина со „Споромъ" Лермонтова и отсюда уже и призналъ „Обвалъ" за аллегорію, изображающую нашу борьбу съ горцами, хотя для этого нѣтъ никакихъ основаній: самые стихи, которые, повидимому, навели г. Поливанова на мысль о сравненіи, по сущности противоположны. У Лермонтова караваны проходятъ тамъ, гдѣ прежде носились туманы и орлы, а у Пушкина наоборотъ: вѣтеръ носится тамъ, гдѣ передъ этимъ, благодаря случайному обвалу, могли проходить караваны. Но и кромѣ разбираемыхъ стиховъ никакой аналогіи между двумя

пьесами въ цѣломъ провести нельзя: случайное и преходящее, хотя и величественное, явленіе обвала Пушкинъ никакъ не могъ сравнивать съ нашими завоеваніями на Кавказѣ. Вся пьеса просто даетъ картину кавказской природы безъ всякаго олицетворенія и аллегоріи.

Для того, чтобы дать оцѣнку произведеній Пушкина, г. Поливановъ дѣлаетъ выборку изъ главнѣйшихъ нашихъ критиковъ: работа серьезная и очень полезная. Однако, опять надо замѣтить, что выборъ отрывковъ не всегда удаченъ; они иногда слишкомъ длинны, иногда черезчуръ кратки, часто не согласованы, не сведены, а выводъ самому читателю бываетъ трудно сдѣлать,— для этого не дается достаточнаго матеріала. Какое, напр., значеніе могутъ имѣть такіе отзывы: „*Мечтатель*. По замѣчанію Бѣлинскаго, стихотвореніе это показываетъ сильное вліяніе Батюшкова. По мнѣнію Анненкова, оно представляетъ... первое проявленіе самостоятельнаго таланта. Размѣръ его (стихотворенія),—прибавляетъ отъ себя редакція,—употреблявшійся и Батюшковымъ,—одинъ изъ любимыхъ размѣровъ Жуковскаго“. Такимъ образомъ, г. Поливановъ, вмѣсто того, чтобы высказаться—кто правъ, Бѣлинскій или Анненковъ, есть ли данная пьеса подражаніе Батюшкову или нѣчто самостоятельное, указываетъ еще на сходство съ Жуковскимъ, т.-е. оставляетъ вопросъ въ неопредѣленномъ положеніи: зачѣмъ же было его ставить? Или еще № 16. „*Изъ посланія къ кн. А. М. Горчакову*“ (стр. 41). „По замѣчанію Бѣлинскаго, это стихотвореніе носитъ слѣды вліянія Батюшкова. По замѣчанію Гаевскаго, эта элегія, напоминая содержаніемъ, размѣромъ и нѣкоторыми выраженіями посланіе Жуковскаго къ Филарету, въ тоже время носитъ слѣды подражанія предсмертной элегіи Жильбера“. И опять юный читатель оставляется въ недоумѣніи, кому же и въ чемъ подражалъ Пушкинъ въ данномъ случаѣ.

Существеннымъ достоинствомъ комментарія г. Поливанова представляются постоянно дѣлаемыя сравненія съ иностранными образцами Пушкина (гораздо полнѣе, чѣмъ у г. Морозова), при чемъ приводятся въ подлинникѣ или въ переводѣ иностранныя произведенія, которымъ подражалъ или изъ которыхъ заимствовалъ свои мотивы Пушкинъ.

По внѣшности изданіе г. Поливанова не особенно изящно, напоминаетъ обычные учебники; къ тому же комментарій,—въ немъ часто есть чужіе, не Пушкинскіе стихи,—недостаточно отдѣляется по шрифту отъ стихотвореній Пушкина, и послѣднія совершенно тонутъ въ немъ, такъ что ихъ иногда нелегко найти.

Въ общемъ, изданіе г. Поливанова является удачнымъ, но все-таки оно не исчерпываетъ окончательно всей задачи, во-первыхъ, по неполнотѣ (не говоря уже объ ошибкахъ въ текстѣ), во-вторыхъ, по своей высокой цѣнѣ, въ-третьихъ, наконецъ, потому, что оно разсчитано только для юношества старшаго возраста.

Всѣ остальныя изданія, о которыхъ буду говорить дальше, печатались уже послѣ выхода изданій выше разобранныхъ,—такимъ образомъ, они всѣ могли и должны были воспользоваться работой г. Морозова или г. Ефремова. Одни изъ нихъ это сдѣлали, другія нѣтъ, но во всѣхъ ихъ не видно и слѣда самостоятельной редакторской работы; поэтому очень подробно говорить о нихъ нечего,—я лишь кратко охарактеризую каждое изъ этихъ изданій и его отношеніе къ своему первоисточнику, т.-е. къ тому изданію, которое положено въ его основу.

6. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе *А. А. Карцева*. Біографическій очеркъ составленъ *А. Сосницкимъ*. Одинъ томъ, цѣна 1 р. 25 к.

Это изданіе не воспользовалось трудами непосредственныхъ предшественниковъ: оно даетъ текстъ, большею частью, неисправленный, непополненный, какъ онъ печатался до 1882 года включительно. По неполнотѣ и неточности текста, по преднамѣреннымъ пропускамъ для сокращенія своего объема, это изданіе близко къ (первому) изданію г. Павленкова; оно отличается отъ него тѣмъ, что часть стихотвореній и часть прозы напечатаны не по изданію 1882 года, а по изданію 1880 года т.-е. повторяетъ такія особенности его, напр., въ хронологіи пьесъ, которыя были исправлены еще въ изданіи 1882 года

(зачѣмъ это было нужно брать за образецъ изданіе 1880 г.— непонятно). За-то расположеніе пьесъ въ разбираемомъ изданіи лучше, чѣмъ въ изданіи г. Павленкова (здѣсь только три отдѣла—лирика, эпосъ, драма); точно также лучше и внѣшность, т.-е. бумага и печать (къ сожалѣнію, изданіе очень плохо сброшюровано); въ немъ, наконецъ, меньше опечатокъ. Замѣчу еще, что курьезная ошибка г. Скабичевскаго, съ примѣчаніемъ г. Ефремова къ Лицейскимъ запискамъ Пушкина, повторена и въ Карцевскомъ изданіи; надо думать, что она прямо заимствована изъ Павленковскаго изданія,— трудно предположить случайное совпаденіе въ столь странной ошибкѣ.

Портретъ Пушкина, „гравированный художникомъ Яновымъ“ (т.-е. это, конечно значитъ—политипажъ) и находящійся на обертке, совершенно никуда не годится. Къ изданію приложенъ біографическій очеркъ, составленный А. Сосницкимъ; читается онъ легко, но въ немъ не мало неточностей и замѣчается странная неразборчивость по отношенію къ источникамъ; тексты Пушкина цитуются въ неисправленномъ видѣ, что для біографа иногда особенно неудобно.

Изданіе г. Карцева самое дешевое изъ всѣхъ болѣе или менѣе полныхъ изданій сочиненій Пушкина. По слухамъ, оно (15,000 экземпляровъ) почти все уже разошлось, и г. Карцевъ предполагаетъ выпустить второе изданіе, исправивъ и дополнивъ текстъ, но не возвышая цѣны.

7. а) Полное собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе *В. Н. Маракуева*. 10 томовъ, 1 р. 50 к., на плотной бумагѣ 2 р. 50 к., на веленевой 3 р. 50 к. б) Собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе В. Н. Маракуева. 6 томовъ. цѣна 1 р.
8. а) Полное собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе *И. Д. Сытина и К°*, 10 томовъ, цѣна 1 р. 50 к. а) Собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина. Изданіе И. Д. Сытина и К°, 6 томовъ, цѣна 1 р.

Всѣ эти четыре изданія, напечатанныя съ одного набора въ типографіи И. Д. Сытина и К°, представляютъ одно и тоже, поэтому я буду говорить о нихъ сразу. Впрочемъ, между изданіями Маракуева и Сытина есть еще одно различіе, кромѣ обертки, о которомъ будетъ сказано ниже.

Прежде всего замѣтимъ, что шеститомное *Собраніе* сочиненій отличается отъ десятитомнаго *Полнаго собранія* прямо отсутствіемъ послѣднихъ четырехъ томовъ, заключающихъ въ себѣ журнальныя статьи, историческія сочиненія, записки, письма.

Въ основу разбираемаго изданія положенъ текстъ изданія литературнаго фонда; текстъ этотъ перепечатанъ съ старательною точностью, при чемъ лица, завѣдывавшія перепечаткой, допустивъ, конечно, свои опечатки, постарались добросовѣстно сохранить всѣ ошибки своего подлинника, не обративъ вниманія даже на списокъ опечатокъ, приложенный къ изданію литературнаго фонда. Тутъ произошелъ характерный для разбираемыхъ изданій случай: въ изданіи литературнаго фонда, въ сценѣ изъ „Фауста", была пропущена по недосмотру цѣлая страница, такъ что потомъ эту сцену перепечатали на отдѣльномъ листкѣ, который и раздавался покупателямъ. Разбираемыя изданія не обратили вниманія на этотъ листокъ и напечатали сцену изъ Фауста съ пропускомъ 31 стиха!

Текстъ „Е. Онѣгина", „Бориса Годунова" и „Полтавы" въ разбираемыхъ изданіяхъ взятъ изъ отдѣльныхъ изданій, напечатанныхъ Обществомъ любителей россійской словесности. „Онѣгинъ" дѣйствительно напечатанъ въ этомъ изданіи точнѣе и полнѣе, но за то въ „Борисѣ Годуновѣ" и „Полтавѣ" тамъ данъ только основной текстъ, такъ сказать, вульгата, и гг. Маракуевъ-Сытинъ, воспроизведя его, даютъ „Бориса Годунова" въ менѣе полномъ видѣ, чѣмъ изданіе литературнаго фонда. При этомъ же тутъ воспроизведены опять ошибки изъ изданій Общества словесности, а новыя дополненія къ „Евгенію Онѣгину" не взяты.

Гг. Маракуевъ-Сытинъ, пользуясь изданіемъ литературнаго фонда, выпустили, однако, многое изъ черновыхъ набросковъ и изъ мелкихъ произведеній Пушкина; при этомъ трудно понять, почему одно выброшено, а другое—совершенно такого же характера—оставлено. Гораздо правильнѣе отношеніе къ дѣлу въ изданіи г. Павленкова или г. Карцева: тамъ выпущены всѣ черновые наброски и дополненія, и читатель, по крайней мѣрѣ, знаетъ прямо, чего нѣтъ и что есть, а въ разбираемомъ изданіи это никому неизвѣстно. Наврядъ ли и сами издатели

знаютъ, что они пропустили... Что? *Галуба*, ни болѣе, ни менѣе, какъ Галуба.

Дѣлая произвольные пропуски для своего изданія, гг. Маракуевъ-Сытинъ допустили при этомъ повтореніе одного и того же. Въ этомъ отношеніи особенно отличились *оба* изданія г. Маракуева: въ нихъ *дважды напечатана Полтава!* Она помѣщена у г. Маракуева въ IV томѣ безъ примѣчаній и въ V томѣ опять цѣликомъ, съ примѣчаніями. Въ изданіи г. Сытина, печатавшагося съ того же набора, но, очевидно, позднѣе, „Полтава“ изъ IV тома выкинута.

Ко всѣмъ четыремъ разбираемымъ изданіямъ приложены одинаковые два портрета и два вида—все въ очень плохихъ политипажахъ; особенно портретъ Пушкина-мальчика поразителенъ по своей негодности. Приложенная краткая біографія и „примѣчанія“ тоже изъ рукъ вонъ плохи. Наконецъ, всѣ эти изданія изобилуютъ опечатками.

У гг. Сытина и Маракуева было желаніе издать Пушкина точно и полно, но имъ въ этомъ помѣшали, съ одной стороны, экономическіе разсчеты, а съ другой неумѣніе взяться за дѣло и небрежность въ исполненіи.

9. Юбилейное изданіе. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, въ одномъ томѣ всѣ 7 книгъ, восьмая же книга включаетъ въ себѣ Пушкина біографію Просмотрѣно и издано подъ редакціею Мальцева, по послѣднимъ дополненнымъ изданіямъ Анскаго, Суворина и Павленкова, редактированнымъ Скабичевскимъ, Ефремовымъ и другими, Изданіе *г. Земскаго.* Цѣна 1 р. 50 к.

По одному заглавію можно уже судить объ этомъ изданіи, но для того, чтобы дать еще лучшее понятіе о немъ, приведу двѣ выдержки изъ объясненій редакціи: „нѣсколько словъ объ этомъ изданіи“. Редакція объясняетъ, что въ изданіи

„не помѣщены: вторая часть исторіи Пугачевскаго бунта, которая почти вся состоитъ изъ однѣхъ матеріальныхъ замѣтокъ и, кромѣ того, камчатскія дѣла и матеріалы къ составленію исторіи Петра Великаго: они безусловно для публики излишни и не составляютъ ни малѣйшаго интереса, и помѣщеніе ихъ только бы усложнило это изданіе въ цѣнѣ безъ всякой пользы для нея (sic), и цѣна ему была бы вмѣсто одного рубля 50 к. уже не менѣе трехъ рублей“.

А въ концѣ еще:

Примѣчаніе. Помѣщеніе критическихъ замѣтокъ, примѣчаній и разбора на сочиненія Пушкина въ это дешевое изданіе совершенно излишне, что только увеличило бы болѣе чѣмъ вдвое цѣну, какъ мы на этотъ предметъ выше сказали" (sic).

Само изданіе представляетъ безобразную перепечатку изданія 1882 года, не только безъ дополненій и поправокъ (какъ и во второмъ Павленковскомъ изданіи внесены семь,—„около десяти", говоритъ г. Мальцевъ — пьесъ изъ изданія литературнаго фонда), но со всякими пропусками и искаженіями, съ совершенно произвольною перебивкой произведеній и пр., и пр. Послѣ стихотвореній 1823 г. находимъ 1828 и 1829 гг.; затѣмъ „вторая книга" начинается стихотвореніями 1825 г., а далѣе идутъ годы 1826, 1827, 1830 и т. д. Кромѣ того, и между отдѣльными годами пьесы перебиты.

Разбираемое изданіе очень осторожно въ цензурномъ отношеніи, дѣлаетъ поэтому много пропусковъ въ такихъ мѣстахъ, которыя совершенно свободно печатаются во всѣхъ другихъ изданіяхъ. Оно доходитъ до того, что послѣдній куплетъ въ „Посланіи въ Сибирь" (и заглавіе не дано) печатается такъ:

Ок.. тя.. пад...
Темн... рух... и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья м... вамъ отдадутъ.

И даже въ пѣснѣ о сынѣ С. Разина, вмѣсто „во царевомъ кабакѣ"—напечатано: „во цар... кабакѣ".

Опечатокъ въ изданіи множество. Внѣшность ужасная, бумага скверная, полей нѣтъ; текстъ напечатанъ что въ два, что въ три, а что въ четыре столбца,—это перебивается часто на одной страницѣ. Портреты очень плохи, особенно фантастическій портретъ Пушкина *во весь ростъ;* лицо Пушкина на немъ очень мало похоже, онъ закутанъ въ медвѣжью шинель, въ родѣ Державина, а въ облакахъ чья-то рука держитъ лавровый вѣнокъ, кругомъ котораго надпись: „вѣчная, безсмертная слава великому поэту русскому". Біографія – это „выдержки по редакціи Скабичевскаго". По заглавію и по

вышеприведеннымъ образцамъ слога г. Мальцева можно судить о статьѣ. Къ изданію не приложено указателя, нѣтъ даже порядочнаго оглавленія. Вообще это изданіе во всѣхъ отношеніяхъ худшее изъ всѣхъ новыхъ изданій Пушкина, и навряд ли оно можетъ быть превзойдено въ будущемъ.

10. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Состоящее изъ 12-ти частей. Изданіе предназначено для всего русскаго народа. Съ приложеніемъ біографіи поэта, торжества открытія ему памятника въ Москвѣ, юбилея 50-тилѣтія и хромолитографированныхъ картинъ. Изданіе книгопродавца издателя *С. И. Леухина* (1 томъ, цѣна 2 р.).

Леухинское изданіе плохо, но все-таки нѣсколько лучше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ изданіе г. Земскаго. Оно напечатано на болѣе хорошей бумагѣ, всего въ два столбца, съ полями; опечатокъ, правда, тоже очень много. Стихотворенія Пушкина перебиты тутъ, кажется, еще больше, чѣмъ у г. Земскаго; за-то разбираемое изданіе полнѣе, не дѣлаетъ такихъ безобразныхъ пропусковъ. Текстъ, конечно, взятъ по изданію 1882 г. безъ исправленій. Біографія подробнѣе и нѣсколько лучше составлена, хотя, конечно, о самостоятельной работѣ, о самостоятельной мысли въ ней нѣтъ и помину, а источники ея взяты безъ разбору и безъ провѣрки. Свѣдѣнія объ открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ и о празднованіи его памяти 29-го января 1887 г. заимствованы тоже безъ разбора и безъ системы изъ всякихъ газетъ. Хромолитографическія картины (объявленія г. Леухина все время, и до выхода изданія, и послѣ его появленія, упорно говорили объ *олеографическихъ* картинахъ), большею частью, крайне плохи.

III.

Мы разсмотрѣли всѣ или почти всѣ новыя „полныя собранія“ сочиненій Пушкина [1]).

---

[1]) Еще мнѣ извѣстны: 1) Изданіе газеты „Лучъ“, 2) Изданіе петербургскаго товарищества „Общественная польза“ и 3) одно одесское изданіе, выходившее отдѣльными выпусками; самостоятельнаго значенія они не имѣютъ.

Изданій много, но общее впечатлѣніе получается далеко не благопріятное. Какъ уже замѣчено выше, дешевизна изданій не составляетъ еще заслуги издателей. Ни одно изъ новыхъ изданій, за двумя исключеніями, не можетъ удовлетворить двумъ основнымъ требованіямъ — точности и полнотѣ. Исключеніе составляютъ только два наиболѣе дорогихъ изданія: изданіе литературнаго фонда подъ редакціей г. Морозова и Комаровское изданіе подъ редакціей г. Ефремова: только на эти два изданія была положена самостоятельная работа, только они представляютъ извѣстную гарантію относительно точности и полноты текста. Но вполнѣ удовлетворительными, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, и эти два изданія не могутъ быть названы. Во-первыхъ, каждое изданіе изъ нихъ представляетъ разныя стороны редакторской работы: г. Морозовъ самостоятельно занимался рукописями поэта, г. Ефремовъ—печатнымъ Пушкинскимъ текстомъ; послѣднее, по моему, важнѣе, но собственно важно-то было бы соединеніе обѣихъ сторонъ. Во-вторыхъ, въ обоихъ изданіяхъ есть существенные недостатки, нѣкоторые пропуски, ошибки и т. д, Оба изданія далеко не разрѣшили окончательно задачи, чѣмъ г. Ефремовъ, впрочемъ, и не задавался.

Поучительную, хотя очень печальную картину представляетъ исторія Пушкинскихъ изданій съ 29-го января 1887 года. На книжномъ рынкѣ появляется множество всякихъ „полныхъ“ изданій; но только одно изъ нихъ было редактировано при помощи руконисей поэта, только другое при помощи подлиннаго печатнаго Пушкинскаго текста. Остальныя всѣ изданія пользовались безъ критики, часто безъ системы и со всевозможнымъ произволомъ трудами г. Ефремова и г. Морозова, при чемъ мы видимъ очень поучительное явленіе — постоянное повтореніе чужихъ ошибокъ, — не говоря уже о щедромъ прибавленіи собственныхъ ошибокъ. Въ концѣ концовъ на книжномъ рынкѣ распродано уже до 200 тысячъ экземпляровъ полныхъ изданій Пушкина и готовятся еще новыя изданія, такъ какъ спросъ все продолжается. Къ сожалѣнію, опытъ уже показалъ (второе изданіе Суворинское и Павленковское), что прежнія изданія, какъ они поставлены, наврядъ ли могутъ быть исправлены. Поэтому-то очень важно

извѣстіе о намѣреніи академіи наукъ предпринять изданіе сочиненій Пушкина.

Нечего говорить о томъ, что это—обязанность академіи, исполнить которую академія можетъ, какъ должно: для этого у нея есть всѣ данныя.

Академія можетъ, не торопясь, не заботясь о требованіяхъ книжной спекуляціи, серьезно исполнить свою задачу. А задача и теперь еще предстоитъ нелегкая. Рукописи Пушкина все еще далеко не исчерпаны. „Описаніе“ ихъ многое оставляло въ сторонѣ, притомъ же въ немъ, какъ и можно было ожидать и какъ показано г. Морозовымъ, вкралось достаточно ошибокъ и неточностей. Г. Морозовъ тоже не исчерпалъ рукописей, тоже допустилъ неточности. Будемъ надѣяться, что редакція академическаго изданія сумѣетъ окончательно изслѣдовать рукописи Пушкина. Затѣмъ ей, конечно, предстоитъ задача полнаго сличенія печатнаго Пушкинскаго текста.

Издавать сочиненія извѣстныхъ русскихъ писателей, это—одна изъ прямыхъ обязанностей академіи. Изъ примѣра съ изданіемъ сочиненій Державина мы можемъ видѣть, какъ хорошо обставлены бываютъ подобныя академическія изданія.

Нельзя сомнѣваться, что на изданіе сочиненій Пушкина будетъ теперь употреблено не менѣе труда и заботъ, и мы въ академическомъ изданіи будемъ имѣть полный и точный текстъ Пушкина, снабженный объясненіями и примѣчаніями, съ приложеніемъ портретовъ, видовъ, факсимиле рукописей и рисунковъ, а также снимковъ съ извѣстныхъ иллюстрацій къ сочиненіямъ Пушкина и проч. Само собою разумѣется, что на ряду съ такимъ роскошнымъ изданіемъ должно быть сдѣлано изданіе болѣе простое и очень дешевое,—быть можетъ, потребуется даже нѣсколько разныхъ изданій и т. д.

Спросъ на сочиненія Пушкина, не удовлетворенный еще количествомъ новыхъ изданій, тѣмъ болѣе не удовлетворенъ ихъ качествомъ. Поэтому-то, повторяю, нельзя не привѣтствовать съ особенною радостью намѣреніе Императорской Академіи наукъ издать собраніе сочиненій А. С. Пушкина достойнымъ образомъ.

Августъ 1887 г.

А. С. ПУШКИНЪ.

НОВЫЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ ЕГО БУМАГЪ.

ноября, изъ нихъ только часть первой записи дана въ статьѣ г. Павлищева.

„28.—Раутъ у Салтыкова. Гр. Орловъ говоритъ о турецкомъ послѣ: c'est un animal.—Il a donc un secretaire?—Oui, un Phanariote, et c'est tout dire.

„29.—Три вещи осуждаются вообще и по справедливости: 1) выборъ Сухозанета, человѣка запятнаннаго, вышедшаго въ люди черезъ Яшвиль, ... и отъявленнаго игрока, товарища Мартынова и Никитина.... 2) Дамскіе мундиры. 3) Выдача гвардейскаго офицера г. Бринкена курляндскому дворянству. Бринкенъ пойманъ въ воровствѣ. Государь не приказалъ судить его по законамъ, а отдалъ его на судъ курляндскому дворянству. Это зачѣмъ? Къ чему такое своенравное различіе между дворяниномъ псковскимъ и курляндскимъ, между гвардейскимъ офицеромъ и другимъ чиновникомъ?... Что, если курляндцы выключатъ его изъ среды своего дворянства и отошлютъ уже какъ дворянина русскаго къ суду обыкновенному? Вотъ вопросъ, который повторяется вездѣ. Конечно, со стороны Государя есть что-то рыцарское, но Государь не рыцарь... Или хочетъ онъ изъ гвардіи опять сдѣлать то, что она была прежде? Поздно!

„Молодая графиня Штакельбергъ (урожденная Тизенгаузенъ) умерла въ родахъ. Трауръ у Хитровой и у Фикельмонта.

„Вчера играли здѣсь „Les enfants d'Edouard", и съ большимъ успѣхомъ. Трагедія, говорятъ, будетъ запрещена. Экернъ удивляется смѣлости примѣненій... Блай ихъ не замѣчаетъ. Блай, кажется, правъ".

Далѣе читаемъ:

„Декабрь 1833. 3-го. Вчера Государь возвратился изъ Москвы. Онъ пріѣхалъ въ 38 часовъ. Въ Москвѣ его не ожидали. Во дворцѣ не было ни одной отопленной комнаты. Онъ не могъ добиться чашки чаю".

Подъ 4-мъ декабря есть еще такая запись, кромѣ разсказа объ обѣдѣ у Загряжской:

„Шумъ о дамскихъ мундирахъ продолжается. Къ 6-му мало будетъ готовыхъ. Позволено явиться въ прежнихъ русскихъ платьяхъ.

„6-го декабря. Именины государя. Мартыновъ—комендантомъ. 4 полныхъ генерала. Перовскій—генералъ-лейтенантъ Меншиковъ — адмиралъ. Дамы представлялись въ русскомъ платьѣ. На это нѣкоторые смотрятъ какъ на торжество...

„Обѣдалъ у гр. А. Бобр. Мятлевъ читалъ уморительные стихи. Молодые офицеры, которыхъ Великій Князь засталъ ночью въ нетрезвости и которые содержались подъ арестомъ [1]), прощены".

Подъ 1-мъ января 1834 г., кромѣ записи о назначеніи камеръ-юнкеромъ, есть еще разсказъ объ одной семейной исторіи въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, а затѣмъ имѣется запись о Сперанскомъ. Въ напечатанномъ дневникѣ говорится подъ 2-мъ апрѣля о томъ, какъ Пушкинъ обѣдалъ у Сперанскаго, передается ихъ разговоръ, между прочимъ, „о прекрасномъ началѣ царствованія Александра". Подъ 1-мъ января читаемъ: „Встрѣтилъ новый годъ у Натальи Кирилловны Загряжской: Разговоръ со Сперанскимъ о Пугачевѣ, о Собраніи законовъ, *о первомъ времени Александра*, о Ермоловѣ etc., etc.". Еще въ 1824 г. Пушкинъ въ стихахъ своихъ вспоминалъ „дней Александровыхъ прекрасное начало": къ воспоминанію о той знаменательной эпохѣ обращался онъ, какъ мы видимъ, часто и во время царствованія Николая I.

Подъ 8-мъ марта записано: „Вчера былъ у С. [2]). Ц—и анекдоты [3]). Жуковскій поймалъ недавно на балѣ у Фикельмонъ (куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ)... Скарятина и заставилъ его разсказывать 11 марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ Государь съ гр. Бенкендорфомъ и застаетъ наставника своего сына, дружелюбно бсѣдующаго съ.."

Послѣ того переданъ придворный анекдотъ изъ временъ Павла I, разсказано о похоронахъ Уварова, имѣвшаго тоже отношеніе къ 11-му марта: на его похоронахъ присутствовалъ Александръ I. Потомъ идетъ слѣдующая запись: „Государь не любитъ Аракчеева. Это извергъ, говорилъ онъ въ 1825 г...."

---

[1]) См. въ печатномъ текстѣ „Дневника" запись Пушкина подъ 30-мъ ноября.

[2]) А. О. Смирновой.

[3]) „Ц—и"—П. В. Анненковъ объяснялъ: циничные.

Вотъ какую запись встрѣчаемъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ:

„20-го. Третьяго дня былъ я у князя Меньшикова. Изъ кареты моей украли подушки, но оставили медвѣжій коверъ,— вѣроятно, за недосугомъ“.

Подъ 8-мъ апрѣля, кромѣ записи о представленіи ко двору, идетъ слѣдующее: „Я простился съ Волховскимъ [4]), который на дняхъ ѣдетъ въ Грузію. Б. сказывалъ мнѣ, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревскаго (героя). Онъ очень зло отзывается объ одесской жизни, о гр. Воронцовѣ... Хвалитъ очень графиню Воронцову“.

„10-го апрѣля. Вчера вечеръ у Уварова—живыя картины.— Долго сидѣли въ темнотѣ. S. не было. Скука смертная. Послѣ картинъ вальсъ и кадриль; ужинъ плохой.—Говоря о Свиньинѣ, предлагающемъ россійской академіи манускрипты XVI вѣка, Уваровъ сказалъ: надобно будетъ удостовѣриться, нѣтъ ли тутъ подлога. Пожалуй, Свиньинъ продастъ не старинныя рукописи, а тетрадки своихъ мальчиковъ. Говорятъ, будто бы Полевой [5]) въ крѣпости, какой взлоръ!“

Выше мы видѣли, что Пушкинъ записалъ городскіе толки по дѣлу Бринкена. Въ апрѣлѣ 1834 года Пушкинъ занесъ въ дневникъ слухъ, будто дворянство приговорило Бринкена къ смерти, но въ началѣ мая онъ пишетъ: „Лифляндское [6]) дворянство отказалось судить Бринкена, потому что онъ воспитывался въ корпусѣ въ Петербургѣ...“

Вотъ интересная запись подъ 10-мъ мая, относящаяся къ случаю, о которомъ упоминается и въ перепискѣ Пушкина. „Нѣсколько дней тому назадъ получилъ я отъ Жуковскаго записку изъ Царскаго Села; онъ увѣдомлялъ меня, что какое-то письмо мое ходитъ по городу и что Государь объ немъ ему говорилъ. Я вообразилъ, что дѣло идетъ о скверныхъ стихахъ, исполненныхъ отвратительнаго... (неприличія) и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мнѣ. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное

---

[4]) Лицейскій товарищъ Пушкина.

[5]) Послѣ запрещенія *Московскаго Телеграфа*. См. въ печатномъ текстѣ „Дневника“ записи подъ 7-мъ апрѣля (1834 г.) и 14-мъ апрѣля.

[6]) Въ первой записи (см. выше)—курляндское.

мною Н. Н. [7]), и, нашедъ въ немъ отчетъ о присягѣ Великаго Князя, писанный, видно, слогомъ неофиціальнымъ, донесла обо всемъ полиціи. Полиція, не разобравъ смысла, представила письмо Государю... Къ счастью, письмо показано было Ж(уковскому), который и объяснилъ его. Все успокоилось. Государю не угодно было, что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умиленіемъ и благодарностью; но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шутомъ не буду и у Царя Небеснаго [8]). Однако, какая глубокая безнравственность... Полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ... Что не говори, мудрено...".

Подъ 5-мъ декабря 1834 г., между прочимъ, читаемъ:

„Вчера былъ у Лекса. Я зналъ его въ 1821 году въ Кишиневѣ. У него не было кровати, онъ спалъ вмѣстѣ съ какимъ-то чиновникомъ подъ однимъ тулупомъ. Я первый открылъ Б—у, что Лексъ человѣкъ умный и дѣловой. Въ тотъ день балъ у Салтыкова. NN сказала: voila M-me Yermoloff la sale (Lassale). Ермолова и Курвахъ (дочь генералъ-маіора) хуже всѣхъ одѣваются.

— „Я все-таки не былъ 6-го во дворцѣ и рапортовался больнымъ. За мною царь хотѣлъ послать фельдъегеря или Арндта".

Представленіе состоялось и описано подъ 18-мъ мая въ сообщеніи г. Павлищева. Дальше подъ этимъ же числомъ идетъ запись:

„Утромъ того же дня встрѣтилъ я въ дв. саду Великаго Князя.—Что одинъ здѣсь философствуешь?—Гуляю.—Пойдемъ вмѣстѣ. Разговорились о плѣшивыхъ: Вы не въ родню — въ вашемъ семействѣ мужчины молодые оплѣшивливаютъ.—Государь Александръ и Константинъ Павловичъ отъ того рано оплѣшивѣли, что при отцѣ моемъ носили пудру и зачесывали волоса. На морозѣ сало леденѣло и волосы лѣзли.—Нѣтъ ли

---

[7]) Т.-е. къ женѣ, Натальѣ Николаевнѣ.

[8]) Здѣсь Пушкину припомнились слова Ломоносова Шувалову: „Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу". Пушкинъ приводитъ эти слова въ главѣ о Ломоносовѣ при разборѣ книги Радищера (Соч. изд. литер. фонда, т. V, стр. 226).

новыхъ каламбуровъ?—Есть, да не хороши — не смѣю представить ихъ Вашему Высочеству. — У меня ихъ также нѣтъ, я замерзъ. Доведши Великаго Князя до моста я ему откланялся".

Подъ 22-мъ декабря, между прочимъ, записано объ арестѣ цензора Никитенко за пропускъ стиховъ Гюго. Этотъ разсказъ приведенъ у г. Павлищева, но далеко не вполнѣ.

Перехожу къ 1835 году.

„8 января. Начнемъ новый годъ злословіемъ на счастье..."

„Брилліанты и дорогіе каменья были еще недѣлю въ низкой цѣнѣ. Они никому не были нужны. Выкупивъ брилліанты Натальи Николаевны, заложенные въ московскомъ ломбардѣ, я принужденъ былъ ихъ перезаложить въ частныя руки, не согласившись продать ихъ за безцѣнокъ. Нынче узнаю, что брилліанты опять возвысились, ихъ требуютъ въ кабинетъ и вотъ по какому случаю. Недавно Государь приказалъ князю Вол. принести къ нему изъ кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось какъ въ 9,000 рублей. Князь В. принесъ табакерку. Государю показалась она бѣдна. „Дороже нѣтъ, отвѣчалъ Вол.—Если такъ, то дѣлать нечего, отвѣчалъ Государь; я хотѣлъ тебѣ сдѣлать подарокъ:—возьми ее себѣ". Вообразите себѣ рожу стараго скряги. Съ этой поры начали требовать брилліанты. Теперь въ кабинетѣ табакерки завелись уже въ 60,000 руб.".

Отъ „Дневника" перехожу къ другой рукописи.

„Путешествіе въ Арзрумъ", какъ извѣстно, было напечатано первоначально съ нѣсколькими пропусками; большая часть ихъ появилась потомъ въ отдѣльныхъ сообщеніяхъ и была внесена въ текстъ послѣдующихъ изданій. Но одно мѣсто пропущенное до сихъ поръ еще не возстановлено. Если не ошибаюсь, оно пока было извѣстно только въ передачѣ; во всякомъ случаѣ оно не внесено въ текстъ „Путешествія" въ изданіяхъ полнаго собранія сочиненій Пушкина. Вотъ оно: привожу его почти цѣликомъ. Пушкинъ описываетъ, какъ онъ присутствовалъ при встрѣчѣ двухъ отрядовъ донскихъ казаковъ: одинъ отрядъ пришелъ смѣнить другой на кавказской службѣ, и встрѣтившіеся земляки обмѣнивались новостями.

„Обѣ толпы съѣхались и обнялись на коняхъ, при свистѣ пуль, въ облакахъ дыма и пыли. Обмѣнявшись извѣстіями, они разстались и догнали насъ съ новыми прощальными выстрѣлами. Какія вѣсти?—спросилъ я у прискакавшаго ко мнѣ урядника, — все ли въ домѣ благополучно? — Слава Богу, — отвѣчалъ онъ,—старики мои живы, жена здорова.—А давно ли ты съ ними разстался? — Да вотъ уже три года, хоть по положенію надлежало бы служить только годъ.—А скажи,— прервалъ его молодой армейскій офицеръ, — не родила ли у тебя жена во время отсутствія?—Ребята говорятъ, что нѣтъ,— отвѣчалъ веселый урядникъ“.

Офицеръ спрашиваетъ, увѣренъ ли урядникъ въ женѣ, побьетъ ли онъ ее въ случаѣ измѣны.

„А зачѣмъ бить? Развѣ и я безгрѣшенъ?—Справедливо: а у тебя братъ,—спросилъ я другаго казака,—такъ ли честна хозяйка, какъ у урядника? — Моя родила, — отвѣчалъ онъ, стараясь скрыть свою досаду.—А кого Богъ далъ?—Сына.— Чтожъ, братъ, побьешь ее?—Да посмотрю, какъ: коли на зиму сѣна припасла, такъ и прощу, а коли нѣтъ, такъ побью. — И дѣло,—подхватилъ товарищъ,—побьешь ее, да и будешь горевать, какъ старикъ Черкасовъ; смолоду былъ онъ дюжъ и горячъ; случился съ нимъ тотъ же грѣхъ, какъ съ тобой; поколотилъ онъ хозяйку, такъ что она послѣ того лѣтъ 30 жила калѣкой; съ сыномъ его случилась та же бѣда. И тотъ было сталъ колотить молодицу, а старикъ то ему: слушай, Иванъ, оставь ее, посмотри на мать, и я смолода поколотилъ ее за то же, да и жизни не радъ. Такъ и ты,—продолжалъ урядникъ, — жену-то прости, а в.....а (сына) посылай чаще по дождю...—Ладно, ладно, посмотримъ,—отвѣчалъ казакъ.— А въ самомъ дѣлѣ,—спросилъ я,—что ты сдѣлаешь съ в.....ъ (сыномъ)?—Да что съ нимъ дѣлать, корми, да отвѣчай за него, какъ за роднаго. — Сердитъ,—шепнулъ мнѣ урядникъ,—теперь жена не смѣй и показаться ему: прибьетъ до смерти. — Это заставило меня размышлять о простотѣ казачьихъ нравовъ.— Какихъ лѣтъ у васъ женятся?—Да лѣтъ 15-ти.—Не слишкомъ ли рано?...“

Приведенный отрывокъ долженъ быть поставленъ въ связь съ наброскомъ Пушкина—„Былъ и среди донцовъ“:

...Что таиться отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней,
И берегъ свою нагайку.

Приведу еще любопытную записку, которая, съ одной стороны, объясняетъ нѣчто въ „Путешествіи въ Арзрумъ“, а съ другой — должна служить также и матеріаломъ для біографіи Пушкина.

Въ послѣдней главѣ „Путешествія въ Арзрумъ“ мы между прочимъ читаемъ: „Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ Сухоруковымъ; сходство нашихъ занятій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ историческихъ изысканіяхъ, нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностью и удачей. Ограниченность его желаній и требованій по истинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены“.

О литературныхъ работахъ Сухорукова и говоритъ та записка, которая сейчасъ будетъ приведена. Прежде еще укажу на разсказъ, сюда относящійся. При встрѣчѣ съ Сухоруковымъ Пушкинъ принялъ въ немъ большое участіе. Въ запискахъ М. В. Юзефовича, служившаго въ то время на Кавказѣ, мы читаемъ: „Онъ (Пушкинъ) былъ чрезвычайно добръ и сердеченъ. Надо было видѣть нѣжное участіе, какое онъ оказывалъ донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату, который имѣлъ несчастіе возбудить противъ себя гоненіе тогдашняго военнаго министра Чернышева, по подозрѣнію въ какой-то интригѣ по дѣлу о преобразованіи войска донскаго. У него, между прочими преслѣдованіями, отняты были всѣ выписки, относившіяся къ исторіи Дона, собранныя имъ въ то время, когда онъ рылся въ архивахъ, по порученію Карамзина. Пушкинъ, узнавъ объ этомъ, чуть не плакалъ и все думалъ, какъ бы по возвращеніи въ Петербургъ выхлопотать Сухорукову эти документы“... (*Русск. Арх.* 1880 г., III, 435).

Предполагая хлопотать по дѣлу Сухорукова, Пушкинъ забралъ для этого необходимыя свѣдѣнія. Въ его бумагахъ была слѣдующая записка, писанная его рукой:

„Сотникъ Сухоруковъ воспитывался въ харьковскомъ университетѣ. Въ 1820 году бывшій атаманъ употребилъ его по

своимъ дѣламъ какъ человѣка свѣдущаго и смышленаго. Въ то же время графъ Чернышевъ, имѣя нужду въ тамошнемъ уроженцѣ, призвалъ его въ свою канцелярію. Будучи еще очень молодъ и находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Сухоруковъ могъ подать поводъ къ неудовольствію графа. Въ послѣдствіи времени литературныя занятія сблизили его съ Корниловичемъ [9]) ,съ которымъ въ 1825 году издалъ онъ ученую книгу подъ заглавіемъ *Русская Старина*. Сухоруковъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ о заговорѣ, но слѣдственная комиссія оправдала его, оставивъ въ подозрѣніи. Будучи потомъ откомандированъ въ кавкаскій корпусъ, Сухоруковъ былъ употребленъ графомъ Паскевичемъ.

„Сухоруковъ имѣетъ отличныя дарованія и свѣдѣнія. Доказательствомъ тому служитъ то, что всѣ бывшіе начальники принуждены были употреблять его, даже не доброжелательствуя ему. Съ 1821 года предпринялъ онъ трудъ важный не только для Россіи, но и для всего ученаго свѣта.

„Сухоруковъ имѣлъ нѣкогда порученіе отъ комитета, учрежденнаго для устройства войска донскаго, составить исторію донскихъ казаковъ. Для сего Сухоруковъ пересмотрѣлъ всѣ архивы присутственныхъ мѣстъ и станицъ Донской земли, также архивы: азовской, царицинской, астраханской, наконецъ и московской. Выписанные имъ историческіе акты заключаютъ болѣе пяти тысячъ листовъ; кромѣ того Сухоруковъ пріобрѣлъ множество разныхъ лѣтописей, повѣстей, поэмъ и проч., объясняющихъ исторію донскихъ казаковъ. Всѣ сіи драгоцѣнные матеріалы вмѣстѣ со статьями, имъ уже составленными, Сухоруковъ долженъ былъ по приказанію генералъ-маіора Богдановича, уѣзжая въ армію въ 1826 г., передать въ другія руки, и теперь они едва ли не растеряны.

„Имѣя слабое здоровье, склонность къ ученымъ трудамъ и малое, но достаточное для него состояніе (тысяча рублей годоваго дохода), Сухоруковъ сказывалъ мнѣ, что единственное желаніе его было бы получить дозволеніе хотя взять копію съ пріобрѣтенныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, на которые употребилъ онъ пять лѣтъ времени, и потомъ на

---

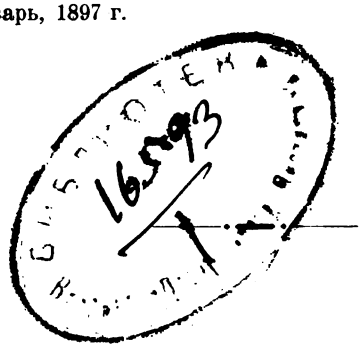
9) А. О. Корниловичъ, декабристъ.

свободѣ заняться составленіемъ исторіи донскихъ казаковъ, которую надѣялся онъ посвятить Его Императорскому Высочеству Великому Князю Наслѣднику".

Въ бумагахъ Пушкина была еще другая записка о Сухоруковѣ, которая послужила ему матеріаломъ для только-что приведенной; эта записка писана чужою рукой,—быть можетъ, самимъ Сухоруковымъ.

Пушкину не пришлось устроить Сухорукову его дѣло; вѣроятно, ему нельзя было даже и начать ходатайство; по крайней мѣрѣ Юзефовичъ разсказываетъ слѣдующее: „Не таковъ былъ Чернышевъ. Онъ въ томъ же году окончательно доканалъ свою жертву. Сухоруковъ состоялъ при главнокомандующемъ, который оцѣнилъ его и взялъ изъ фронта къ себѣ. Этого было достаточно для злобы Чернышева, чтобъ послать за нимъ фельдъ-егеря, прибывшаго въ Тифлисъ ночью, взявшаго его съ постели и въ ту же ночь увезшаго его на Донъ въ станицу безъ права выѣзда изъ нея. Фельдмаршалъ ничего не зналъ и былъ, разумѣется, очень оскорбленъ такимъ поступкомъ, но сдѣлать ничего не могъ въ пользу сосланнаго". Еще меньше, конечно, при такихъ обстоятельствахъ, могъ что-нибудь сдѣлать для него Пушкинъ.

Январь, 1897 г.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Радищевъ и Пушкинъ 3

Кончина Пушкина 69

Очеркъ исторіи печатнаго Пушкинскаго текста 1814—1887 гг. 97

Сочиненія Пушкина въ 1887 г. 119

Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина 165

25467

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

Вреаль, М. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Перев. Н. Сперанскаго. 99. стр. Ц. 75 к. 1892 г.

Бѣликскій, В. Семь статей. Юбилейное изданіе. Съ приложеніемъ портрета автора и автографа. Текстъ дополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ подъ редакціей П. Ефремова и В. Якушкина. 160 стр. Ц. 1 р. 1898 г.

Гроссе, Э. Происхожденіе искусства. Перев. А. Грузинскаго. 32 рис. 3 табл. 203 стр. Ц. 1 р. 50 к. 1899 г.

Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. Перев. А. Тимоѳеевой. 272 стр. Ц. 1 р. 1897 г.

Мартыновъ, Н. Курсъ рисованія, съ 64 таблицами, въ двухъ частяхъ. Цѣна: текстъ съ I-ю частью таблицъ — 1 руб.; текстъ со II-ю частью таблицъ — 1 р. 25 к.: текстъ съ обѣими частями таблицъ — 2 р. 1891 г.

Сперанскій, Н. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. 454 стр. Цѣна 2 р. 1898 г.

— Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи 240 стр. Ц. 1 р. 1898 г.

Тихонравовъ, Н. Собраніе сочиненій по исторіи литературы. Въ трехъ томахъ, съ портретомъ автора и съ приложеніемъ статьи А. Пыпина. Ц. 7 р. 50 к. 1898.

Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Перев. Е. Котляревской. 112 стр. Ц. 50 к. 1897 г.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Велецкій, С. Земская статистика. Справочная книга по земской статистикѣ (исторія, методологія, программы).

Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи.

Гг. книгопродавцевъ просятъ обращаться по адресу: *Москва, Арбатъ, Большой Толстовскій пер., № 10, контора М. и С. Сабашниковыхъ.*

Цѣна 1 руб.

co 137ST2 .S7 .045 .S7 1 0594

PG 3350 .Z8 I23 C.1
O Pushkinie.
Stanford University Libraries
3 6105 040 952 926

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004